АЛЕКСЕЙ ФИЛАТОВ

ЛЮДИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что мы знаем о людях «Альфы»? Они редко надевают форму. Награды им вручают закрытыми указами. Они мало рассказывают о себе, почти не дают интервью и никогда не снимаются для фото в популярных журналах. Кто эти парни, прошедшие через ад, который они называют «командировкой»? Через смертельный бой, боль и кровь, которые у них именуются «работой»? Их редко благодарят прилюдно. Звание Героя чаще присваивается посмертно, чем при жизни. Тем ценнее эта книга о бойцах самого «закрытого» российского подразделения антитеррора, «Альфа». Её автор, подполковник Алексей Филатов — один из них. Всё, написанное в этой книге — чистая правда. Филатов пишет так, как живет: не скрывая мыслей и чувств. Он и воевал так же. А других в Группе «А» нет.

- Алексей А. Филатов
  - От автора
  - Я
    -
    - 1989, осень. Москва. Братеево
    - 1980, весна. Москва. Царицыно
    - 1985, осень. Орёл. Орловское высшее военное командное училище связи КГБ имени М.И. Калинина
    - 1989, зима. Чехов. Командно-заглублённый пункт управления стратегических войск
    - 1991, зима. Москва — Чехов — Москва
    - Алексей Филатов
    - Алексей Филатов
  - Савельев
    -
    - 1992. Москва. База «Альфы»
    - 1991, лето. Москва
    - 1979, зима. Кабул
    - 1979, зима. Москва
    - 1992. Москва. База «Альфы»
    - Прошлое. 1946 — 1971
    - Девяностые. Москва, Грозный, далее везде
    - 1988, осень. Нагорный Карабах
    - Девяностые. Москва, Кунцево
    - 1988, зима. Северная Осетия, Орджоникидзе
    - 1997, зима. Аэропорт Шереметьево

- 1997, зима. Москва. Шведское посольство
- 1997, зима. Подмосковье
- 1997, зима. Москва
- Денис Давыдов

- Сергеев
  -
  - 1993, осень. Ночь с 3 на 4 октября. 3:15. Москва, Кремль. Третий этаж первого корпуса. Зал заседаний
  - 1993, осень. 3 Октября. Утро. Москва, Измайлово[13]
  -
  - 1974–1993. СССР — Россия
  - 1993, осень. 3 Октября. 13:00. Измайлово
  - 1991, осень. Москва
  - 1993. 3–4 октября. Ночь. Измайлово
  - 1993. 4 октября. Раннее утро. Белый дом
  - 1993. 4 октября. День. Белый дом
  - 1993. 4 октября, Измайлово
  - 1993. 5 октября, Измайлово
  - 1993. 8 октября. Москва. Пехотная улица
  - 1993. Осень — зима
  - Владимир Высоцкий
- Милицкий
  -
  - 1995, июнь. Будённовск
  - Июнь 1995 года. Центральная районная больница, г. Зеленокумск
  - 1995, июнь. Москва, городская клиническая больница № 15
  - 2002 лето. Чечня
  - 1995 года, июнь. Москва, Олсуфьевский переулок, штаб-квартира группы «Альфа»
  - 1998, январь. Олсуфьевский переулок, штаб-квартира группы «Альфа»
  - 2000, сентябрь. Краснодарский край. Сочи. Лазаревское. Улица Калараш, 24
  - 2001 год, 31 июля. Вторая чеченская война. Аэропорт Минеральных Вод
  - Там же, несколько позже
  - 2010, лето. Москва
  - Алексей Филатов
- Колбанов
  -

- 1994 год, лето. Минеральные Воды
- 1967–1985. Самарская область, Жигулёвск — Харьковская область, Купянск — Москва
- 1987, 31 декабря. Пограничное училище, Москва
- 1989, август. Москва
- 1995, январь. Чечня
- 2001, июль. Село Майртуп, Чечня. Вторая чеченская война
- 1996 год, апрель. Первая чеченская война. Чечня, Джалкинский лес
- 2004, апрель. Вторая чеченская война. Чечня. Шелковская
- 2005, апрель. Москва
- 2005 и позже, Москва
- Александр Колбанов
- Пётр Синявский

○ Блинов

-
- 2000, июнь. Москва
- 1995 год, 14 июня. Москва. Олсуфьевский переулок, база группы «А». Утро
- 1995 год, тот же день, несколько позже. Москва. Новодевичий парк
- 1995 год, 14 июня. Москва. Олсуфьевский переулок, база группы «А», столовая. День
- 1995 год, 14 июня. Москва — Минводы — Будённовск. День
- 15 июня 1995 года, Буденновск. Утро
- 16 июня 1995 года, Буденновск. Вечер
- 1994 год. Чечня
- 17 июня 1995 года, Буденновск. Ночь — утро
- 2000, июнь. Москва
- 2017, февраль. Сирия
- Kurt Wiehle
- Курт Виле

○ Торшин

-
- 2015, лето. Москва
- 2002, лето. Чечня
- 1992, октябрь. Астрахань
- 2004, ноябрь. Махачкала, окраина города
- 2004, осень. Беслан
- 2004, осень. Беслан, 3 сентября
- 2010. Москва. Торжественное мероприятие

        - 2004. Беслан, 3 сентября. Штурм
        - 2004. Беслан, 3 сентября. Завершение операции
        - 2004, осень. Беслан, 3 сентября. Вечер
        - 2004, ноябрь. Махачкала
        - Начало 2000-х. Москва
        - 2010. Москва
        - 2015, август. Москва
        - 2015–2016. Москва — Грозный
        - 2016. Чеченская республика, трасса неподалёку от Грозного
        - 2016. 11 сентября, Наурский район, трасса Моздок — Кизляр
        - Леонид Якубович
    - Мы
        -
        - 2016, июль. Москва. Кремлёвская набережная
        - Несколько позже. Киевское шоссе, десятый километр
        - Там же. Через десять минут
        - Там же. Ещё пять минут
        - Москва. Аэропорт Внуково
        - Позже. Борт самолёта
        - Чечня. Аэропорт города Грозный
        - Чечня. Грозный. Площадь минутка
        - Чечня. Ханкала
        - Грозный, проспект Кадырова, 1. Отель «Грозный-сити», бар-ресторан «Купол»
        - Грозный. Дом Рамзана Кадырова
        - Чечня, Гудермесский район
        - То же время. Чечня, аул под Гудермесом
        - Алексей Филатов, Павел Евлахов
    - Послесловие
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29

Алексей А. Филатов
Люди «А»

От автора

Эта книга о людях, с которыми я служил в Подразделении антитеррора «А». Оно же — «Альфа».

Что такое «Альфа» и чем оно занимается, вы знаете. Если, конечно, живёте в России и хотя бы иногда смотрите телевизор.

События, которые принесли Подразделению славу — не лучшие в нашей истории. Группу «Альфа» не зовут туда, где всё хорошо. «Альфа» — последняя надежда в очень тяжелых ситуациях, таких как война, теракт, вспышка насилия и тому подобное. Люди не любят думать о таких вещах. И их можно

понять.

К сожалению, войны, теракты и насилие были, есть и будут. К счастью, на такой случай есть «А».

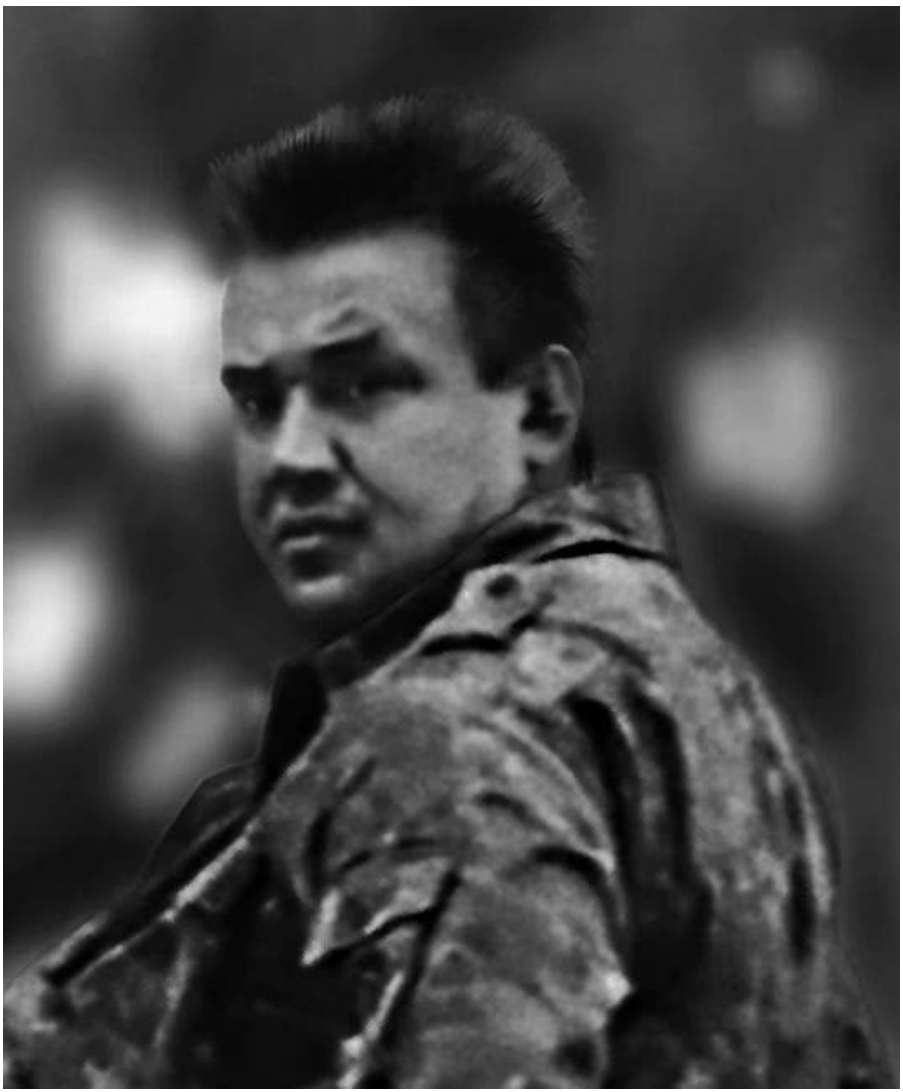
В этой книге нет летописей и хроник «альфовских» операций, рассказов о подготовке спецназовцев и т. п. На эту тему написано множество книг, статей и иных материалов. В основном доступных для всех интересующихся. Что недоступно — необязательно знать.

Перед вами — правдивый, насколько это возможно, рассказ о нескольких бойцах Подразделения. Живых и мёртвых. Некоторые известны, как полковник Савельев, погибший у шведского посольства, или полковник Торшин, которого до сих пор вспоминают в Чечне. Некоторых помнят только родные и близкие друзья. Но все они прожили достойную жизнь. Достойную и интересную. О которой стоит рассказать.

Эта книга — моё видение. Ответственность за него несу только я.

Поэтому я начну свой рассказ с себя. С того, кем я когда-то был.

Я



1989, осень. Москва. Братеево

Я бегу.

Полпятого утра. Час волка, как говорят врачи-неврологи. Время, когда человек особенно слаб. Говорят, чекисты в тридцатых любили арестовывать именно в это время.

Дождь лупит в лицо. Мне плевать. Я бегу.

Рядом тормозит такси. Водитель опускает стекло.

— Подвезти? — предлагает он.

— Спасибо, шеф, не надо, — отвечаю как обычно. И машу рукой — проезжай.

Водитель даёт по газам и скрывается за поворотом.

Вокруг панельные коробки пятиэтажек. Между ними натянуты верёвки, сушится чьё-то бельё. Пустыри новостроек, обломки бетонных плит со ржавой арматурой. Это Братеево. Здесь я живу. И бегаю здесь уже несколько лет.

Нет, я не любитель ранних пробежек. Я тороплюсь на службу. Мне нужно успеть на электричку до Чепелёво. До станции семь километров. Это полчаса бега.

Хорошо в тёплое время — поутру тихо, прохладно, звенят кузнечики. Осенью и весной льют дожди. Бежать по размытой дороге тяжело. А зимой мёрзнут ноги. Я бегаю в кедах, они не держат тепло. Кеды старые, но других нет. Я всегда смотрю под ноги, чтобы не разбить их о камни, не порезать о битое стекло. Купить новые я не могу.

Мне двадцать четыре. Я молодой, сильный, на пике формы. Я старший лейтенант, служу на сверхсекретном объекте. Но не могу купить себе новые кеды. Я ничего не могу купить. Моего офицерского жалованья едва хватает, чтобы прокормить семью. Поэтому сам я живу на рубль в сутки. Сорок пять копеек — билет на электричку в одну сторону, пятьдесят пять — обед в столовке.

Автобус до станции не вписывается в бюджет. Электричка в обе стороны — тоже. Поэтому до Чепелёво я еду без билета.

В пять утра я сажусь в вагон. Турникетов нет, они появились позже. Первые две остановки можно отдохнуть и согреться. Я опускаю капюшон куртки, поджимаю ноги и пытаюсь урвать несколько минут сна.

Потом заходят контролёры. Я узнаю их по шагам — они грохочут — и по силе, с которой колотятся двери, открываемые размашистым движеньем. Тогда я встаю и быстро перехожу в другой вагон. Стук настигает меня и здесь. Я ухожу дальше, пока электричка не останавливается. Тогда я выхожу на перрон, и бегу в начало поезда, где контролёры уже побывали.

Я такой не один. В тамбуре всегда толпятся люди. У них нет денег на билет. У них вообще нет денег.

О чём я думаю, трясясь в обшарпанном вагоне? О том, что моя семья ютится в отцовской двушке в Братеево. Что нам не хватает на жизнь. Нам не хватает даже на еду. Утром по выходным я вижу, как мой отец пьёт скисшее молоко. Он не даёт его выбрасывать — это расточительность. Он пьёт, не морщась. Я смотрю на это и молчу.

Хочется поесть вдоволь, одеться, купить хорошую обувь. Но магазины пусты, а на рынках всё втридорога.

Мне нужна квартира, машина, достойное жалованье и настоящая мужская работа. То есть служба. И я точно знаю, где именно я хочу служить. В «А».

Я создан для этой работы. Я окончил школу со спортивными разрядами по лыжам, легкой атлетике, плаванию, гимнастике, борьбе, волейболу, стрельбе. Я занимался в подпольной секции карате. На первенствах КГБ, в троеборье, ребята ходили смотреть, как я выполняю подтягивания. Во мне было девяносто кило. Нормативом было тридцать подъёмов. Я дотягивался подбородком до кнопки тридцать один раз.

Нет, я не просто мешок с мускулами. У меня отлично работает голова. Я прекрасно понимаю математику и физику. На вступительных экзаменах в Орловское училище связи я решил задачу по оптике четырьмя разными способами, чем поразил комиссию.

Всё это бесполезно. Я пытался поступить в Подразделение. И мне объяснили, что туда меня никогда не возьмут. Не стоит и надеяться.

Но я всё равно буду дома тягать железо, а вечером — бегать в лесопарке. Это вопрос самоуважения. Чести, если угодно.

Я должен быть готов.

И я бегу.

1980, весна. Москва. Царицыно

Пятиэтажка — самое высокое здание в нашем военном городке. Чердак не заперт, можно забраться на крышу. Там хорошо. Вокруг лес. Вдали — недостроенные корпуса многоэтажных домов. Это ещё не Москва. Москва — там, вдалеке.

Мне пятнадцать лет. Моим товарищам примерно столько же. Мы сидим на крыше и болтаем про Олимпиаду. Скоро наступит лето, и мы её увидим.

Хрущёв обещал советским людям коммунизм к восьмидесятому году. Его потом сняли за волюнтаризм. Но обещание запомнилось. И советская власть, поднатужившись, планку взяла — показала советским людям немножечко коммунизма. В одном, отдельно взятом городе. Одним, отдельно взятым летом. И не бесплатно, а за свои кровные. Однако показала. Да так, что потом об этом вспоминали годами — как о путешествии в рай.

Под приезд иностранцев в магазинах появились продукты. На улицах продавали булочки «калорийные» (сейчас от такого названия любую девушку бросило бы в дрожь). Кусочки финской колбасы в пакетиках — тридцать пять копеек сто грамм. Оранжевая «фанта» и соки. Соки в пластиковой коробочке с приклеенной трубочкой — это казалось чудом! В ГУМе и ЦУМе с лотков продавали «Кент» и «Мальборо» по рублю. И прочие чудеса и диковины. Даже квас из цистерн наливали в одноразовые финские стаканчики. Их, конечно, никто не выкидывал, и они ещё много лет украшали собой советские кухни.

Мы с ребятами так и не увидели всех этих сказочных чудес недостроенного коммунизма. Вместо Олимпиады нас отправили в трудовой лагерь под Харьковом. Советская власть пустила в свой рай не всех. Столицу закрыли от посторонних, а местных жителей изрядно почистили. Куда-то выслали всех бомжей, проституток, всякий мелкий антисоциальный элемент. И ещё старшеклассников — их тоже убрали подальше. Наверное, опасались, что мы будем мешать дорогим гостям. Будем вести себя недостойно и опозорим высокое звание советского подростка. Например, начнём выпрашивать у иностранцев жвачку.

СССР мог запустить человека в космос. Но не мог наладить выпуск джинсов и жевательной резинки. Более того — эти невинные вещи считались опасной идеологической диверсией, символом ненавистной (и вожделенной) западной роскоши.

Да, нам хотелось носить джинсы. Эти синие штаны с двойной строчкой — одежда простых американских работяг — была красивее и удобнее того, что шили здесь. Хотелось красивых игрушек. Например, маленьких фигурок ковбоев, спецназовцев, рыцарей. Советская промышленность умела выпускать только оловянных солдатиков, у которых не было даже лиц. А у пластмассовых американских героев были лица, а в руках — маленькие пистолетики, и они были классные. Ещё — кассет и пластинок с западной музыкой. И прочей разной мелочёвки — лёгкой, разноцветной, которой в чугунно-сером СССР не было. Даже этой несчастной жвачки.

Чтобы вы понимали, как же советским людям хотелось попробовать жвачку, небольшая история. В марте семидесятого в Сокольниках проходил товарищеский матч по хоккею среди юниоров — ЦСКА и каких-то канадцев. Канадцев спонсировала фирма Wrigley. Фирма производила дешёвую жевательную резинку. По условиям контракта каждый хоккеист получил коробку с пятнадцатью кило жвачки, которую должен был раздать бесплатно. И когда они стали её раздавать, началась дикая давка, в которой погиб двадцать один человек. В основном, подростки — 13 жертвам не исполнилось 16 лет. Еще 25 человек получили увечья. Не знаю, как они после этого относились к жвачке Wrigley. А вот как после этого относиться к СССР?[1]

Но тогда мы такими вопросами не задавались. Мы просто сидели на крыше, смотрели на строящиеся дома и болтали о том, хорошо ли быть спортсменом.

— Лёшка, — убеждал меня Саня Дорофеев, — ты же лыжник! Ты же лучший по лыжам! Займись спортом! Представь — пьедестал, медаль. Играют гимн страны.

— И девчонки глаза лупят, — подхватил Вова Капранов. — Да фигня этот спорт! Слушайте сюда. Батяня матери рассказывал, ну я подслушал… только это между нами, ясно?

Мы пододвинулись поближе. Вовка был генеральский сын, так что ссылка на батю звучала убедительно.

— Есть такая специальная группа, — шёпотом заговорил Вовка. — Там самые сильные мужики со всей страны. Они лучше всех дерутся. Стреляют без промаха. Вообще всё могут.[2] Но они очень секретные. Про их работу даже родители не знают. И жёны. Все думают, что они… ну где-нибудь там штаны просиживают. А они этой зимой захватили дворец в Афганистане. Точнее крепость. Представляете, крепость! И каждому из них за это дали Героя Советского Союза. Представляете? Живешь, и никто вокруг не знает, что ты герой!

Я почему-то сразу поверил, что это правда. Есть такая

секретная группа.

И тогда мне больше джинсов, больше импортных пластинок, даже больше чем восхищённых девичьих взглядов захотелось увидеть этих людей. А ещё больше — стать таким, как они. Самым сильным мужиком, который стреляет без промаха и может захватить крепость.

Если бы мне тогда кто-нибудь шепнул на ухо, что я буду служить вместе с теми — и под командованием тех — кто штурмовал дворец Амина…

А знаете, я бы поверил. Мне было пятнадцать лет, и я был готов поверить во что угодно.

1985, осень. Орёл. Орловское высшее военное командное училище связи КГБ имени М.И. Калинина

— Курсант Филатов, срочно вылетаете на секретное задание! Можете не вернуться! — заорал Лёша, вскочив на стул посреди столовой во время обеда.

Я тоже вскочил, отдал честь, и ответил, чеканя слова:

— Так точно! К вылету готов!

Дежурный прикрикнул на нас. Мы сели. Лёха торжествующе ухмыльнулся. Я тоже. Мы оба знали — нам выпал счастливый билет.

Я закончил школу в 1982 году. У меня не было особых проблем с учёбой — и, что важнее, с поведением. Не потому, что я был пай-мальчик. Но мне везло. Например, однажды меня с друзьями задержал в кафе, где мы выпивали, комсомольский патруль. К счастью для меня, с нами увязался тот самый генеральский сынок. Его папа и замял дело в милиции — причём не только в отношении сына, но и меня тоже. Мы жили в одном военном городке, так что милиция была местная, генерал смог договориться. Другим повезло меньше. Они попали на учёт в детскую комнату милиции. Что в советское время означало — шансов на хорошее место учёбы у человека больше нет. Через полгода я с примерным поведением в аттестате уехал поступать в военное училище. И уже окончив его, узнал — на побывке дома — что один из моих тогдашних приятелей в тюрьме, а второй в могиле. Нанюхавшись какой-то дури, он выбросился из окна девятого этажа маминой квартиры, где мы часто собирались… Не отмажь в той истории в кафе папа-генерал своего сынка и меня заодно, не видать мне военного училища как своих ушей.

Но это я узнал потом. В тот момент, удачно поступив, я налёг на учёбу и спорт. Я был уверен, что у меня отличные перспективы, иначе и быть не может.

А потом в училище пришли люди из «Группы А», чтобы отобрать для себя лучших.

Я сразу понял — да, это они. Те самые сверхлюди, о которых когда-то рассказывал Вовка, генеральский сын. Секретные герои Афгана, лучшие из лучших.

Я не стал скрытничать и рассказал всё, что знал о Подразделении. И хотя знал я немного, но всем захотелось попытать счастья и попасть в элиту элит.

Накануне дня отбора мы с Лёшей Ивановым — моим

ближайшим другом в училище — не могли заснуть. Уже под утро, с вымотанными нервами, мы всё-таки забылись сном.

Отбор был жёстким. Двадцать километров кросса, сто отжиманий, спарринги по рукопашке. Прошли двое — я и Лёшка. Нам очень хотелось, и мы сумели выложиться.

Мы были абсолютно уверены, что нас возьмут. Не могли не взять. Мы были единственные, кто показал класс. Мы ждали, когда нам оформят документы.

И дождались. Однажды обоих выдернули с занятий к командиру батальона, которой спокойно сказал:

— Иванов и Филатов. Насчет зачисления в Группу «А» — отбой. Приказ руководства. Свободны.

Я заплакал. Впервые во взрослой жизни.

Самым унизительным было то, что нам ничего не объяснили. Мы не знали, чем провинились, за что нас завернули. Спросить было не у кого. Впрочем, в военном училище задавать вопросы не принято. Приказ начальника — закон для подчинённого, и это всё, что подчинённому нужно знать.

Довольно скоро к нам приехал отец Лёши. Он и объяснил, в чём дело. Оказывается, Лёшину мать, чиновницу из Минторга, уволили за подозрение во взяточничестве. Тогда как раз начались знаменитые «перестроечные чистки» 1985-го.

Не знаю, виновата ли была мать Алексея, или её просто сделали крайней. Советская власть, стремительно дряхлеющая, в последний раз решилась показать зубы. Она была уже не та, что прежде, но нам хватило. Лёшу, как неблагонадёжного, решили держать подальше от секретного подразделения. И меня, как его лучшего друга.

Так что по окончанию училища вместо «Альфы» меня определили в связь и закатали под землю.

Нет, не на два метра вглубь. На триста.

1989, зима. Чехов. Командно-заглублённый пункт управления стратегических войск

Теперь я живу без солнца.

Служба начинается в шесть утра. Начинается она со спуска. Это долго и скучно. Подъём будет уже затемно. Я успею вернуться домой на электричке. Дома всегда хватает дел. А мне ещё предстоит где-то набраться терпения на следующий день, который ничем не будет отличаться от предыдущего. И следующий — тоже. Здесь ничего не меняется. Да и не должно.

Наш подземный город занимает несколько тысяч квадратных метров. Сотни комнат, километры коридоров, стратегический запас еды и воды на несколько лет. Всё — на случай ядерной войны. Однако война всё никак не начиналась. Бомбы не взрывались. Люди просиживали под землей жизни.

Я сижу на старом, вытертом до плеши, стуле. Я полирую его уже четыре года. Это время прошло в душной комнате со стенами из противопожарных панелей и десятками мониторов ЭВМ.

Моя задача — следить за технической исправностью оборудования. Для этого мне не нужны спортивные разряды. Не нужна физика, математика и прочие науки. Откровенно говоря, мне почти ничего не нужно. Немного специальных знаний и очень много терпения.

Нет, я не страдаю от одиночества. Я не один. Мы делим комнатку с Иваном Петровичем Рожковым. Ему остался год до пенсии, что было его преимуществом. Кроме того, у него имелась машина. «Копейка»-развалюха, купленная ещё в семидесятые. Он по-своему любил её, обихаживал и чинил. Однако прекрасно понимал, где он и что с ним. Он говорил об этом прямо:

— Стоило учиться, мечтать, чтобы потом сводить концы с концами? Ездить на консервной банке и сидеть тут, как крот?

Иногда он выражал ту же мысль поэтичнее:

— Я как мой тарантас — оба старые и катимся по дороге жизни, никуда не сворачивая. Медленно и со скрипом.

Это была правда. Петрович уже был не на пике формы. Волосы его поредели, зубы сгнили. Единственной радостью оставался просмотр футбола по вечерам. Он заполнял время пересказом матчей и похохатывал над ошибками футболистов, не стесняясь развалин во рту.

Впрочем, ко мне он относился по-дружески. И пытался учить жизни.

— Ты-то что сидишь? — твердил мне Петрович — Ладно я,

мне год до пенсии. Что, ты так и собираешься просидеть всю жизнь в этом подземелье? Лучшие годы своей жизни?.. Выращивая язву и теряя зрение?

Я молчу. Сказать мне нечего. Особенно после того, что я узнал, когда попытался прорваться в «Альфу» второй раз.

Да, мне выпал ещё один шанс. Жена устроилась медсестрой в поликлинику КГБ, где случайно услышала, что набирают бойцов в элитное подразделение.

— Может, попробуешь? — предложила она.

Я сразу понял, что речь идет о Группе «А». Так я предпринял вторую попытку. Легко сдал все нормативы и явился на финальное собеседование.

— Как Вас допустили к сдаче нормативов? — удивился председатель мандатной комиссии. — Вы же на подписке о невыезде. Как сотрудник, работающий с совсекретной информацией!

И отрезал:

— Невыездной. При всех ваших отличных данных Вы нам неинтересны. Примите как данность.

Тогда я не знал, что сотрудники Группы уже вовсю работали в мировом масштабе. Именно они обменивали в Цюрихе диссидента Буковского на чилийского коммуниста Луиса Корвалана. Они же обеспечивали безопасность при обмене советских разведчиков, схваченных американцами, на пятерых советских политзаключённых — это было в Нью-Йорке. В Гаване, на Кубе, «альфовцы» вместе с боевыми пловцами Черноморского флота обеспечивали безопасность подводной части пассажирских лайнеров, зафрахтованных для делегатов Всемирного Фестиваля молодежи и студентов. И, конечно, Афганистан. Обкатка в боевых условиях для каждого «альфовца» была обязательной.

Нет, я не знал. Принял это как данность.

Иван Петрович об этом знал. Я всё ему рассказал. Однако он продолжал свои монологи про плешивый стул.

А я, возвращаясь из-под земли на поверхность, продолжал тренироваться. Тягал железо, бегал по лесу — босиком, кеды всё-таки развалились — и держал форму.

1991, зима. Москва — Чехов — Москва

«Альфа» была создана по личному приказу Андропова № 0089/ОВ[3] от 29 июля 1974 года. Приказ был сверхсекретным и написан от руки.

Подразделение часто называли «Группой Андропова». Многие думают, что название Группы — «А» — это первая буква фамилии Юрия Владимировича. Может быть. В любом случае Группа — лучшее, что он создал.

У американцев и англичан антитеррористические группы появились ещё в сороковые-пятидесятые годы. Британская САС — «специальная авиадесантная служба» — была создана ещё в 1947 году. Американские «зелёные береты» — в 1952. Остальные западные страны также стали обзаводиться чем-то подобным.

Это неудивительно. Запад понимал силу террора. Демократические институты — такие как возможность свободно пересекать границы, приобретать оружие, общаться с прессой и т. п. — облегчали проведение терактов. Можно было приехать в США, разжиться автоматами и взрывчаткой, захватить заложников и потребовать, скажем, выпуска из тюрьмы нескольких особо опасных «соратников по борьбе». Потребовать через прессу, чтобы американское правительство не смогло замолчать требования. И потом раздавать интервью о своей борьбе с империализмом.

Советское руководство смотрело на всё это свысока. СССР был устроен как осаждённая крепость. Границы на семи замках. Оружие недоступно. Средства массовой информации не могут сказать и слова без разрешения властей. Недовольных мало и за каждым из них следят. Казалось, всё под контролем.

Андропов думал иначе. Во-первых, он понимал, что за всеми не уследишь. Во-вторых, ему было хорошо известно, сколько людей мечтают покинуть осаждённую крепость. Рано или поздно кому-то придёт в голову, что если советская власть не понимает по-хорошему, можно поговорить с ней и по-плохому. Тем более, такие попытки уже были, в том числе и успешные. 15 октября 1970 года отец и сын Бразинскасы угнали советский гражданский самолет АН-24 с 46 пассажирами на борту в Турцию, убив бортпроводницу и тяжело ранив трех членов экипажа. Турецкие власти Москве их не выдали. Можно было ожидать, что кто-нибудь захочет повторить историю успеха.

Последним предупреждением стал теракт на Мюнхенской Олимпиаде 1972 года, когда палестинцы из «Чёрного сентября» атаковали Олимпийскую деревню и взяли в заложники

израильских спортсменов. Немцы хотели создать впечатление мирной и дружелюбной страны и пренебрегли требованиями безопасности. Террористам удалось захватить одиннадцать человек. Их пытались освободить полицейские. Выяснилось, что полиция не умеет работать с террористами. Заложники погибли — четыре тренера, двое судей и пятеро спортсменов.

Немцы сделали правильные выводы. Через два месяца после теракта они создали антитеррористическое подразделение GSG 9. В этом им помогли английские коллеги из SAS — предусмотрительные англичане имели антитеррористическую службу ещё со времён войны. Другие страны последовали немецкому примеру и стали создавать свои структуры. Советские руководители задумались.

3 июля 1973 года четверо, вооружённые охотничьими ружьями, захватили рейсовый самолет Як-40, летевший из Москвы в Брянск. Они потребовали вылета за рубеж. Террористы были неопытными, так что их удалось взять без жертв, а само происшествие замолчать. Но необходимость иметь свою антитеррористическую группу стала абсолютно очевидной.

Как должна работать такая группа, никто не знал. Не было возможности и воспользоваться чужим опытом. Англичане и американцы не стали бы помогать главному противнику. Кое-чему научили ребята из «братских стран» — например, рукопашку преподавали кубинцы. Но в целом приходилось действовать по обстановке и набирать опыт самим.

Первой базой Подразделения был спортзал на Новослободской. Потом «Альфу» приписали к «семёрке»[4], у которой была своя инфраструктура.

Впервые «Альфу» задействовали в 1976 году, в Цюрихе — там обменивали советского диссидента Буковского на генсека запрещённой чилийской компартии Луиса Корвалана. «Альфа» обеспечивала безопасность операции. Тем же группа занималась на Кубе в 1978 году, где проходил молодёжный фестиваль, и советские товарищи опасались провокаций.

Тем временем терроризм добрался и до Москвы. 28 марта 1979 года преступник проник в посольство США. Угрожая бомбой, он требовал самолёт для вылета за рубеж. «Альфовцам» повезло — террорист всё-таки взорвал бомбу, но та убила только его самого.

Потом начался Афган. Самая известная операция «Альфы» — штурм дворца Амина. Но этим её работа не ограничивалась. Например, «Альфа» обеспечивала безопасность первых лиц афганского государства.

К Олимпиаде численность сотрудников увеличили. База

«Альфы» переехала в Олсуфьевский переулок. Здание и территория были скромными, условия — спартанскими. В этом месте «Альфа» квартировала следующие двадцать лет.

В 1981 СССР познакомился с «самолётным» терроризмом. Началось всё с сарапульского инцидента — два вооружённых дезертира захватили в заложники школьников и стали требовать вылета. Потом были Тбилиси, Уфа, Баку, Саратов… Одновременно с этим «Альфа» работала по захвату шпионов, обезвреживанию особо опасных преступников и ещё много чего.

Общественность узнала про «Альфу» после того, как её первый раз предали. Совершил это не кто иной, как первый и последний Президент СССР, бывший Генеральный Секретарь ЦК КПСС, экс-председатель Верховного Совета СССР Михаил Сергеевич Горбачёв.

К тому времени СССР уже дышал на ладан. Первой от него отделилась Литва. Горбачёв произнёс несколько длиннейших речей и попытался действовать мягко. Литве объявили энергетическую блокаду — перестали поставлять бензин. Литва почему-то не приползла на коленях обратно. Ей даже не стало сильно хуже. Остальные республики, видя, что литовцам всё сошло с рук, стали готовиться к независимости.

Тогда Горбачёв решил, что нужно что-то делать. Воспользовавшись повышением цен и недовольством населения — очень умеренным — Горбачёв заявил, что трудящиеся республики просят навести порядок. И ввёл в Вильнюс войска — в том числе и «Альфу». Её бросили на штурм местного телецентра. Штурм закончился гибелью людей — во всяком случае, так об этом заявили литовские власти. Разумеется, тогда все безоговорочно поверили литовцам и не хотели ничего слышать от советских властей. Горбачёв испугался свиста и крика общественности и заявил, что ничего не знал. Тем временем секретный отчет с именами офицеров «Альфы» был «слит» в центральную прессу.

Вот тогда-то вся страна и узнала о Группе «Альфа», и о том, как Горбачёва отказался от посланных им в Вильнюс людей. Дело представили чуть ли не как личную инициативу бойцов — сели на танки и поехали.[5]

Я был офицером КГБ, и не понимал, что происходит. И как это вообще может происходить. Предательство руководства, слив секретной информации — всё это не укладывалось у меня в голове. С другой стороны, я всё-таки мечтал попасть в Подразделение, и не мог не воспользоваться возможностью что-то узнать о нём. Я охотился за газетами, которые писали об «Альфе». Кстати, само это имя было придумано газетчиками — «Альфа»

звучало красивее, чем просто «А».

Тем временем наше материальное положение ухудшалось. В стране исчезло вообще всё. В магазинах оставались только перец и лавровый лист. Потом исчезли и они. Когда же в магазинах стали продавать полки, стало понятно — надо искать пропитание помимо работы.

Однажды субботним вечером я притащил с друзьями домой груду деталей со швейной фабрики. Из них мы сумели собрать швейную машинку, и я довольно быстро её освоил. Днём я сидел под землёй, а ночью шил из джинсовки сыну комбинезон и кепку. И у меня здорово получилось. Когда сын натянул на себя обновку, жена была страшно довольна. Я понял, что могу хотя бы обшивать семью.

Возможно, я смог бы стать хорошим портным. Но судьба, видя это, поторопилась выдать мне ещё один билет.

8 декабря я, как обычно, спустился вниз, сел на стул и занялся тем же, чем занимался все эти годы. Тут в комнату вбежал — нет, ворвался — Петрович.

— СССР больше нет! — закричал он с порога и рассказал о Беловежских соглашениях.

Наверное, я должен был быть потрясён. Но у меня не хватило времени, потому что Рожков тут же продолжил:

— Нет страны, нет и обязательств! Твоя подписка о невыезде теперь — филькина грамота! Сечёшь?

Я просёк. И молча кивнул.

— Вали отсюда, — распорядился Рожков. — Чтобы я тебя здесь больше не видел.

Я послушался Петровича и свалил. Вышел на нужных людей, сдал в очередной раз нормативы (у меня это стало получаться всё лучше и лучше с каждым разом), прошёл всё, что полагается пройти, и был зачислен в ряды.

Тогда я ещё ничего толком не знал.

Алексей Филатов
Жить

Люди рождаются в боли.
Потом привыкают жить.
Жизнь — как чистое поле,
Где жаворонки во ржи.
Где все начинают с разного,
А дальше — как повезет:
Кому-то больше прекрасного,
Кому-то — труда и невзгод.
И я, начиная свои пути,
Учился делать шаги,
И мои первые трудности
Меня научили: не лги.
Не лги ни отцу, ни матери
И — важно — не лги себе:
У лжи золотые скатерти,
А правда всегда в борьбе.
Судьбу закаляет правда,
Как сталь закаляет вода.
Себе говорил: «Так надо», —
И прямо я шёл всегда.
Мне силы хватило и воли
Дорогу свою сложить…
Люди рождаются в боли.
Потом привыкают жить.

Алексей Филатов
Простой герой

Боевому товарищу, другу и командиру —
Торшину Юрию Николаевичу

В газетах напишут герой,
И выпьют стоя друзья.
И скажут: «Была прямой
Непростая его колея».
Что жил не всегда умело,
За правило — отдавать.
Говорил, что лучше стоя умереть за дело,
Чем без дела свое доживать.

Есть такие среди нас люди,
По-другому их сердца бьются,
Их дела никто и никогда не забудет,
Они в душах наших навсегда остаются.

Жизни качнется маятник,
Возвращая привычный быт.
Ему не поставят памятник,
Но вряд ли он будет забыт.
Ведь все одной нитью связаны,
На бегу замолкая, порой.
Те, что были жизнями ему обязаны,
Скажут: «Помним, простой герой».

Савельев

ап

ап

1992. Москва. База «Альфы»

— Филатов, к Савельеву подымись! — крикнул оперативный дежурный.

Я только что отслужил свой первый день в «А». Меня ждало ночное дежурство. Бойцы толпились в комнате для сна — слово «спальня» здесь было неуместно. Спали по семь человек, сменяясь на посту каждые три часа.

Я об этом не думал. Я сидел и смотрел на то, что мне выдали: два чемодана оружия и огромный мешок средств личной защиты. Я чувствовал себя как мальчишка, получивший огромный пломбир.

А теперь мне зачем-то нужно идти наверх, к Анатолию Николаевичу Савельеву, имевшему в Подразделении репутацию монстра.

Поднимаясь на третий этаж, я вспоминал всё, что успел услышать о полковнике за этот день.

По словам бойцов, он был абсолютно безжалостен. К себе и другим. На полигоне его бойцы стреляли боевыми, а в футбол играли в шестнадцатикилограммовых бронежилетах. Он сам принимал участие в игре — тоже в бронике. После футбола вёл людей на силовые тренировки: сотни подтягиваний, полсотни подъёмов штанги, отжимания. Разумеется, в броне и шлемах.

Однажды на учёбе — брали «дом с заложниками» — он приказал новичку выпрыгнуть со второго этажа в броне и с оружием. Парень повредил спину. Других заставлял бросаться под машины, прямо под колёса. На все претензии отвечал: «В бою целее будут».

При этом был не чужд высокой культуре. Иногда он спускался из кабинета в дежурку и читал бойцам поэтов Серебряного века — наизусть. Те поэзию не слишком ценили — им хотелось покемарить на дежурстве… Но все сходились на том, что полковник службу блюдёт. Хотя, конечно, и монстр.

Это я ещё многого не знал об Анатолии Николаевиче. Однако перед дверью его кабинета невольно замедлил шаг. И постучался с опаской. Услышал «войдите» и открыл дверь.

В кабинете было темно — горела только настольная лампа. За столом, обложенный раскрытыми книгами, сидел суровый на вид человек, с лицом как у разведчика из советского кино. Казалось, он не умеет улыбаться.

Рядом со столом на полу лежала гиря. На вид пудовая.

— А, Филатов. З-заходите, — сказал полковник. — Гирю видите?

Я не успел ничего сказать, как он продолжил:

— Б-берите и начинайте отжимать. П-посмотрим, на что Вы способны.

Взяв гирю, я понял, что ошибался насчёт веса. В ней было все два пуда. Но делать было нечего. Надо было показать себя. И я начал показывать.

После тридцати отжатий я почувствовал, что силы на исходе. Больше всего боялся, что гиря сорвётся с кисти и проломит пол. Но Савельев продолжал смотреть на меня спокойно и оценивающе. И я продолжал — уже на принципе.

— П-понятно, — наконец, сказал полковник. — С-садитесь.

Я плюхнулся на стул, пытаясь отдышаться и стараясь не показывать этого. Чтобы отвлечься от горящих лёгких и бухающего сердца, я стал рассматривать книги на столе. На глаза попались маленькие изящные томики Ахматовой и Цветаевой, повёрнутые обложкой ко мне.

Савельев дал мне пару секунд. Потом спросил: — Филатов. В Подразделение зачем п-пришли?

Я взял ещё одну секунду, чтобы вдохнуть-выдохнуть, и сказал:

— Мужчиной родился — мужчиной быть хочу.

— И что такое, по-Вашему, быть м-мужчиной?

— Заниматься настоящей мужской работой. Выкладываться на все сто. Прямо идти к цели. Не вилять по жизни.

Савельев усмехнулся.

— Д-допустим. Тогда расскажите, как м-медкомиссию проходили? У Вас что-то с давлением. Н-наверное, и сердце тоже не очень? С-скрыли, значит?

Мне поплохело.

Я действительно схитрил. Перед самой медкомиссией я избавился от медицинской карты. Пока служил в Чехове, врачи ставили мне проблемы с давлением. Я знал, что с таким диагнозом в «Альфу» не возьмут, поэтому я забрал в поликлинике карточку и «потерял» её. А Савельев об этом откуда-то узнал. Наверное, сделал контрольный звонок в поликлинику, и в регистратуре меня вспомнили. Что-нибудь ляпнули. И вот теперь я сижу тут и обливаюсь потом.

Да, это было наивно. Потом-то мне объяснили, насколько тщательно проверяют кандидатов. Но тогда я этого не знал. Ясно было одно — врать поздно и бесполезно.

— Да, — сказал я. — Карту больничную я уничтожил. В поликлинике сказал, что потерял. Прибор у них дурной. Все у меня в порядке и с давлением, и с сердцем, товарищ полковник.

Я ждал чего угодно. Но Савельев меня удивил — улыбнулся.

— З-знаете, — сказал он, — у меня тоже был т-такой случай. Я проходил медкомиссию в с-семьдесят четвёртом. Я з-заикаюсь. Меня могли не взять. Но у меня есть друг, которого я попросил п-пройти за меня м-медкомиссию. Он п-прошёл. То есть я п-прошёл.

— Вы были так похожи? — удивился я.

— Н-нет. Но это н-не важно. Тут главное — взять ситуацию под свой контроль, — Савельев провёл рукой по столу. Надо зайти и открыть документ прямо на фотографии. Смотреть д-дерзко и уверенно. Тогда никто даже с-сличать не будет. А если п-просто подать паспорт — кто-нибудь п-послюнявит и взглядом в тебя вцепится… Мозги, Филатов! В нашем деле без них ты п-покойник, — он резко перешёл на «ты».

После этого мы поговорили ещё минут десять, и я ушёл. Уже относительно спокойный за свою дальнейшую службу.

Нет, я не попал к Савельеву. Мы были в хороших отношениях, я многое узнал и многому научился у него. Но мне не пришлось служить под его началом.

Я до сих пор сожалею об этом.

1991, лето. Москва

Анатолий Николаевич Савельев был из первого состава Группы, из легендарной первой тридцатки.

Тогда никто толком не знал, к чему нужно готовить бойцов. Из сотен кандидатур отобрали тридцать. Ориентировались на три качества: физическую подготовку, интеллект, натренированный на решение практических задач в кратчайшие сроки, и готовность переносить всё, что угодно, ради выполнения задачи. В крайнем случае — ради этого умереть.

У Савельева всё это было. И особенно — готовность к любым испытаниям. Более того — он стремился к ним.

В Группе я повидал разных людей. Были те, кто просто скорее тянут лямку — ровно, без взбрыков. Были и такие бойцы, которые намеренно не успевали на боевой выезд — чтобы отсидеться, не попасть в самую мясорубку. Всегда можно «есть свой бутерброд» немного дольше обычного. И опоздать в заданное место к определенному времени. Но большинство стремились на передний край. И буквально плакали от злости и обиды, когда на дело шли не они.

Савельев из них был первым. Больше всего на свете он любил лезть в самое пекло — и выходить оттуда победителем. Именно так, в такой последовательности. У него в крови было то, что воспевал поэт-партизан Денис Давыдов: «Я люблю кровавый бой, я рождён для службы царской». Он рвался на самые опасные операции. Ради этого он мог бросить отпуск, выходной, убежать из дома. Точнее, с дачи — Анатолий Николаевич предпочитал жить за городом. Но если что-то случалось, он говорил домашним, что поехал за продуктами, и ехал на базу. Там, на базе, была его настоящая жизнь.

О его службе в Подразделении долгое время не знали даже домашние. С 1974 года и по начало девяностых Савельев каждый день уходил «на работу в НИИ». Мы все тогда работали в каких-нибудь «НИИ». У каждого сотрудника была «легенда» — кто-то трудился на заводе, кто-то на промышленном предприятии. «Работали» инженерами, проектировщиками, слесарями… В семьях не знали, чем на самом деле занимаются их родные. Это было строжайше запрещено.

Жена Савельева, Наталья Михайловна, догадывалась, что муж её обманывает. Нет, не с другой женщиной. Она знала, что он занят чем-то крайне важным. Но без подробностей.

В 1991 году, когда случился ГКЧП, Савельев тоже сбежал на работу. Даже не потрудившись сочинить что-то убедительное.

Тогда никто не понимал, что происходит и к чему идёт дело. Наталья Михайловна не находила себе места — где муж, что с ним?

В конце концов она сделала следующим образом: позвонила в подразделение дежурному, благо знала телефон, и сказала: «Это жена Савельева. Спросите у него, пожалуйста, ему привезти чистые рубашки?» — «Минуточку, сейчас узнаю».

Дежурный ушел осведомиться, а Наталья Михайловна положила трубку. На работе, поняла она. Но не в командировке, а в Москве.

— Тебе бы у нас служить, с твоей смекалкой, — уже дома сказал Анатолий Николаевич жене.

Он научился ценить смекалку очень давно. Ещё с первой своей операции. Там, в Афгане.

1979, зима. Кабул

Накануне новогодних праздников в кабульском аэропорту приземлился самолёт. На борту находилась спецгруппа КГБ «Гром» — двадцать четыре бойца «Альфы» под командованием замначальника Группы «А» Михаила Михайловича Романова. Среди них был и Савельев.

«Альфовцев» разместили в бараке на окраине города. Он считался казармой, но больше походил на хлев. Без окон, пол засыпан гравием. Холод стоял страшный. Щели в стенах и дверные проемы бойцы заткнули плащ-палатками. Спать пришлось на полу — мебели не было.

Бойцам сообщили план действий. Большая часть должна была заняться штурмом дворца Амина. Остальные были нужны для захвата генерального штаба афганской армии, узла связи, здания службы госбезопасности и МВД, радио, телевидения и других стратегически важных объектов. Всё вместе это получило кодовое название «Байкал-79». В советских газетах это называлось «интернациональная помощь братскому афганскому народу».

Афганистан никогда не был спокойным местом. Из-за своего географического расположения он часто становился объектом «интернациональной помощи». Особенно часто «помогали» англичане — целых три раза. Два раза успешно, на третий раз они сильно утомились на фронтах Первой мировой, и это помогло Афганистану в 1919 году получить самостоятельность. В стране установилась монархия, которая просуществовала до 1973 года, когда в стране случился переворот. Монархию упразднили, президент Мухаммед Дауд попытался провести прогрессивные реформы, но в 1978 году был свергнут местными коммунистами из офицерского корпуса. Главой государства стал писатель и журналист Нур Мухаммад Тараки, родившийся в 1917 году, правоверный марксист. Вторым человеком стал Хафизрулла Амин, председатель Реввоенсовета. Отношения Тараки с Амином напоминали отношения Ленина с Троцким. Однако в этой игре выиграл Амин-Троцкий, сумевший отстранить Тараки от власти, а потом убить его.

Советские товарищи Амину не доверяли. Он имел репутацию пуштунского националиста, ходили разговоры о его международных связях (в том числе и с ЦРУ — он учился в Америке, где и увлёкся марксизмом). Режим его был крайне непопулярен. В конце концов было принято решение заменить его на надёжного и проверенного товарища Бабрака Кармаля.

Вот эту-то самую замену и должны были осуществить бойцы

«Альфы».

Операция по взятию дворца Амина получила название «Шторм-333». Соотношение сил можно было оценить, как один к четырем: на одного штурмующего — четыре бойца из охраны Амина. Бойцы были высококлассные, а сама территория дворца представляла собой укрепрайон с охраняемой крепостью. Рядом с дворцом с каждой стороны были вкопаны танки. В самом дворце, на последнем этаже, находилась казарма национальных гвардейцев. На штурм шли спецгруппа КГБ «Гром», спецгруппа «Зенит»[6] и «мусульманский батальон»[7] при поддержке роты десантников.

Савельева среди них не было. Ему и второму «альфовскому» офицеру, Виктору Блинову, вместе с группой десантников поручили захват штаба афганских ВВС. У обоих это был первый бой.

Естественно, им не спалось. К тому же вокруг было шумно — бойцы храпели, тесно прижавшись друг к другу. В отсыревшем бараке куртки не согревали.

— Во храпят. Вот и д-дед мой так же храпел, — тихо говорил Савельев. — Бабушка что только ни п-придумывала. И с-свистела, и капустой п-перед сном его к-кормила. Ничего не п-помогало. На утро дед хохотал, говорил: «Ра-адуйтесь, что ночью я не заблеял как к-козел, после к-капусты».

— Ты с бабкой и дедом жил? — спросил Блинов.

— Д-да, — ответил Савельев.

— А что, матери с отцом нет?

— М-мать есть.

— Ты ей не нужен?

— Мы в-видимся иногда… В общем, завтра надо б-брать б-быстро и решительно, — Савельев предпочел сменить тему.

— Согласен. Обезвредим охрану первого этажа и быстро на второй, где сидит руководство. У тебя ведь это тоже первый бой?

Наутро Анатолий Николаевич доложил план операции советскому представителю при штабе. Блинов кивал и делал уточнения. Оба гордились тем, как хорошо они всё рассчитали.

Представитель выслушал. Усмехнулся. И сказал, что их план — полная чушь.

— Вы что, фильмов насмотрелись? — спросил он. — Никаких «врываемся». Под видом гражданских служащих, группами по двое, проходим в здание, на оба этажа, и только тогда берем на первом — охрану, на втором — руководство.

Савельев не смутился и не обиделся. Он восхитился. План был прост, изящен и сулил успех без потерь личного состава.

В здании штаба ВВС Афганистана был обычный рабочий день.

Играло радио, сновали посетители. С улицы пахло шашлыками — как и во всём Кабуле.

Первые два бойца, в гражданском, вошли в двери штаба. Охрана не отреагировала. Через небольшое время вошли ещё двое. Как по маслу. Так, парами, в здании оказалась вся группа, на обоих этажах.

— Начали! — рявкнул Савельев в рацию.

Бойцы на первом этаже бросились на внутреннюю охрану и в секунды разоружили ее. На втором — ворвались к руководству штаба и взяли под контроль.

— Вперед! — кричит по рации Савельев второй группе, расположенной на удалении от здания.

Группа за пару минут разоружила внешнюю охрану. Штаб ВВС был взят. Стояла тишина. Только со стороны дворца Амина были слышны выстрелы.

Савельев выбежал на улицу. Впервые в жизни его накрыла эйфория после успешной операции.[8]

Смеркалось, дул свежий ветер. Со стороны дворца Амина всё стихло. Стрельба переместилась в город.

Анатолий смотрел в темное небо. Эйфория немного отошла. Начались мысли о том, как там дела у ребят во дворце Амина. Или, может быть, вспоминал о жене, с которой даже не удалось проститься — улетали в Афганистан прямо с базы.

Раздался взрыв. Савельев упал на землю и пригнул голову. Снова наступила тишина. Приподнялся, осмотрелся.

Снаряд попал в БМД, которая подтянулась к штабу и стояла у входа. Возле неё лежал солдат. Анатолий Николаевич кинулся к нему. Из штаба выбежали десантники и тоже бросились на помощь.

— Держи голову, голову держи! — кричал Савельев.

Вдвоем с подоспевшим бойцом они тащили молодого мальчишку.

— Он мертвый. Кладем его, — сказал десантник, с которым тащили парня, и положил его плечи и голову на землю.

— Подожди, может, выживет, понесли, понесли! — не хотел сдаваться Савельев, держа паренька за ноги.

— Умер. Сердце не бьется, — сказал боец, склонившись над трупом.

Анатолий Николаевич медленно опустил ноги парня. Покойного накрыли курткой.

Савельев стоял и смотрел на тело. Взгляд упал на книжицу, что валялась рядом.

— Подожди, он что-то обронил, — сказал Савельев.

Нагнулся, поднял. Комсомольский билет. Открыл его. От

крови нельзя было прочитать имя солдата. И только фотография осталась незапачканной. С нее смотрел белокурый мальчик и улыбался.

Первая смерть не забывается. Никогда.

1979, зима. Москва

31 декабря Анатолия Николаевича Савельева ждали дома к новогоднему столу. Когда раздался звонок, Наталья Михайловна побежала открывать дверь.

Но на пороге квартиры возникли незнакомые люди. — Здравствуйте. Старший лейтенант Савельев задерживается в командировке, — сказал один из них.

— Что это за командировка такая? К новогодней ночи не вернётся? — нервно спросила жена.

— К новогодней — нет. Вернётся в апреле, наверное, — ответили незнакомцы. — Вам от него письмо.

Писать из Афганистана запрещалось. Но накануне Нового года кто-то согласился отвезти в Москву короткую записку. Времени было пять минут, торопились на вылет. Савельев судорожно начал бегать в поисках клочка бумаги. Но какая там бумага — жили в голых бараках. Вдруг он вспомнил — в сумке есть новая рубашка, которую засунула жена, а значит — есть упаковочная картонка.

И сейчас Наталья Михайловна Савельева держала в руках исписанную мелким почерком картонку, которую принес незнакомый ей человек за несколько часов до боя курантов.

— Новогодняя открытка… — растерянно сказала она, дочитав послание мужа.

Анатолий Николаевич вернулся в Москву только летом 1980-го, перед самой Олимпиадой. За эту командировку Савельев был награжден первым орденом Красной Звезды.

В течении следующих лет через Афганистан прошел весь личный состав Группы «А».

1992. Москва. База «Альфы»

— Сегодня б-без обеда и п-пораньше.

Эта фраза для бойцов Савельева означала, что на этот раз тренировки будут проходить без перерыва на обед. Что касается «пораньше», то оно означало, что распустят раньше. Минут на десять. Или на пять. Такой обмен никак было нельзя назвать равноценным. Но бойцы гордились, что способны выносить такие нагрузки.

Савельев никому и никогда не давал ни малейшей поблажки. В том числе и себе.

Один раз в жизни я было подумал, что Савельев меня пожалел. Но конечно, я ошибался.

Осенью 1995-го мы совершали горный переход в Приэльбрусье. После теракта в Будённовске было решено начать подготовку бойцов по ликвидации главарей бандформирований в горной местности. Отобрали тех, кто проявил себя в Буденновске, и забросили на высоту. Савельев вёл нас как старший.

Мы шли рядом с Анатолием Николаевичем. Увидев меня, купающегося в собственном поту под тяжестью снаряжения и высоты, он внезапно скомандовал:

— Д-дайте мне свой п-пулемет.

Помимо стандартных тридцати кило боекомплекта, я тащил на себе пулемет Калашникова. Мы их только получили на вооружение. При вылете в Будённовск командир запретил брать тяжелое оружие. Командира можно было понять — до Будённовска при освобождении заложников мы обходились без пулемётов. С патронами нужного калибра тоже был дефицит.[9] Но после повторного запрета брать пулемет с собой, я упёрся и самовольно потащил его на борт. В результате в Будённовске, где мы попали в настоящую мясорубку, этот пулемет спас мне жизнь. С тех пор я никак не мог с ним расстаться и везде таскал за собой. Хотя пулемет, в довесок ко всему остальному, был страшно тяжелым.

Но всё-таки мне сложно было поверить, что Савельев решил дать мне поблажку.

— Что, Анатолий Николаевич? — переспросил я.

— Д-давай сюда свой п-пулемет, — повторил он.

Я не ожидал того, что произошло дальше.

— Саша! — скомандовал Савельев ближайшему бойцу. — Б-быстро бери пулемет и тащи к-километр. П-потом отдавай ближнему, тот с-следующему и так далее. Все п-поняли? А то идёте н-налегке.

Но поразило меня не только это. А то, что Савельев нёс пулемёт наряду с остальными. Нёс последним, когда силы у всех были уже на исходе.

Прошлое. 1946 — 1971

Есть такое английское выражение — self-made man. Человек, который сделал сам себя. Обычно так говорят о тех, кто достиг успеха без посторонней помощи. И часто под успехом понимается самое простое и понятное — разбогател.

Савельев больших богатств не скопил. Но чего достиг — того достиг сам. Он действительно сам себя сделал.

Его родители расстались вскоре после рождения сына. Отец пропал, а мать быстро завела новую семью. Ребёнок от прошлого брака стал обузой. Мальчика к себе на воспитание забрали бабушка и дед.

Дед умер, когда мальчику было четырнадцать. Тогда он подошел к бабушке и сказал: «Я воспитаю себя сам». Сказал, как отрезал.

На удивление бабушки Толя начал проводить часы за чтением. В будни он усиленно занимался боксом. По выходным — ходил в театр. Ходил один — мальчишкам со двора это было неинтересно. Мальчишки мечтали стать ворами — это казалось романтичным.

А Толя ходил на спектакли. Садился как можно ближе к сцене и смотрел очень внимательно.

Физический факультет педуниверситета, а потом психологический факультет Высшей школы КГБ развили его аналитические способности, талант психолога и даже театральные навыки.

Он был прекрасным актёром.

Девяностые. Москва, Грозный, далее везде

В начале девяностых «Альфу» использовали в спецоперациях по выявлению торговцев оружием, наркодилеров, бандитов и тому подобной публики. Милиция почему-то перестала с ними справляться. А часто и находила с ними общий язык.

Кстати о языке. Мы учились говорить на фене. Кто-то притащил на базу словарь блатных слов — читался на ура.

Савельев мастерски научился говорить на фене, а еще — по-бандитски сплевывать слюну. Мы просили его изобразить пахана, и он, при всей его врожденной интеллигентности, моментально становился отъявленным бандюганом. Мы хохотали, а он, вдохновленный благодарной публикой, входил в раж.

Как-то перед Новым годом агентурная сеть засекла чеченскую банду. Они искали оружие. По мнению КГБ — для проведения серий терактов с целью провокации столкновений на межнациональной почве. Полковнику Савельеву и Владимиру Луценко поручили выйти на контакт с группировкой. Легенда была простая — они торговцы и готовы продать оружие.

Операция получила название «Капкан».

Савельев и Луценко готовились к спектаклю очень серьёзно: от того, как они сыграют свои роли, зависела их жизнь.

Готовились тщательно: отрабатывали блатные жесты, говорили на фене, тренировали характерную бандитскую улыбочку. Даже ходить стали вразвалочку.

Анатолий Николаевич полушутя-полувсерьёз предлагал залить волосы гелем.

Как-то утром он пришел в подразделение в часах из белого золота. Сразу это не заметили — подумали, сталь или серебро. Но один разбирающийся нашёлся.

— Анатолий Николаевич, Вы уже совсем вжились в образ? — поинтересовался один из бойцов.

— А что такое? — спросил Савельев.

— Я про часы золотые. Сейчас замашки бандитские переймете. А на нашу зарплату себе многое не позволишь. Будет внутренний конфликт.

— Золотые? Это золото? — удивился Анатолий Николаевич. Поднес руку к лицу, зажмурил один глаз и внимательно разглядывал часы. — По-моему, золото жёлтое…

— Золото разное бывает. И марка очень дорогая.

— Тьфу ты, Господи. Дочка на день рождения подарила. Зять у меня богатый. С ума сошла, что ли? — возмутился Савельев.

На следующий день он явился на службу без часов. —

Товарищ полковник, а где же часы? — спрашиваем его.

— Часы? А, подарил.

— Подарили?

— Да встретил вчера старого товарища, а у него юбилей! Звал отпраздновать, но пришлось извиниться, не мог. Часы подарил. Хороший мужик.

Мы только переглянулись.

Так или иначе, встреча с бандитами прошла на ура. Чеченцев принимал «авторитет» Луценко. Принимал шикарно, как дорогих гостей. Савельев изображал «младшего». Вся красота снималась на семь камер. Я видел эту запись. Савельев и Луценко говорили и вели себя как настоящие уголовники — напористо, развязно, но соблюдая понятия. На чеченцев приём тоже произвёл впечатление, так что хозяева получили встречное приглашение — в Грозный, где переговоры должны были продолжиться.

«Альфа» вылетела на Кавказ брать бандитов.

Гостей принимали в богатом грозненском доме. Во время пиршества ворвались бойцы «Альфы». Скрутили всех — в том числе и наших. В интересах дела их отделали наравне с чеченцами и приковали друг к другу наручниками.

— Славно сработано, ребята, — говорит руководитель операции. — Отстегивайте наших.

Савельев и Луценко крутят головами — где ключи?

— Ключи… Потерял… — мямлит младший сержант.

Мужчины — побитые, помятые, прикованные друг к другу — начали смеяться. Это было и вправду смешно.

На исходе второго часа ожидания побитый Савельев в «браслетах» читал Луценко стихи Цветаевой. Столь же артистично, как парой часов раньше ботал по фене.

Это было не единственное приключение такого рода. Мы очень интенсивно работали по группировкам. И Савельев демонстрировал настоящие чудеса.

1988, осень. Нагорный Карабах

Савельева захватили армяне.

Армянские группировки были отлично подготовлены — их бойцы прошли войну. Их командиры были умны, злы и расчётливы. Воевать с ними было сложно. Обмануть — ещё сложнее.

Анатолия Николаевича не было уже больше суток. Шансы на его вызволение из плена таяли. Откровенно говоря, их уже практически не было.

Четверо офицеров сидели за столом в маленьком доме в горном селении и ломали головы, по сотому разу проговаривая одни и те же соображения.

— Может, всё-таки штурмануть? Попробуем?

— Армяне Савельева убьют сразу. Как только поймут, что мы за ним.

— Да. Эти могут. Но делать-то что?

— Может, всё-таки штурмануть? Есть ещё варианты?

— Штурмануть — не вариант. Они его убьют.

— Мы что-то делать будем? Или мы ничего не будем делать?

Внезапно в дверь постучали. Офицеры схватили оружие и заняли позиции по периметру комнаты.

— Я открою, — прошептал один из бойцов.

Он медленно и неслышно подошел к двери. Открыл засов. Осторожно, кончиками пальцев толкнул дверь. Через секунду — распахнул настежь.

— Анатолий Николаевич! Вы?!

На пороге стоял Савельев. Он держался одной рукой за дверной косяк и улыбался.

— Что случилось? Почему они Вас отпустили? — наперебой восклицали бойцы.

— Я п-провел с ними в-воспитательную работу, и ребята п-поняли, что они н-неправы, — ответил тогда Савельев, хитро улыбаясь.

Что было тогда между ними, Анатолий Николаевич так и не рассказал. Он вообще не любил объяснять, как он делает те или иные вещи. Он предпочитал это показывать.

Мы все учились у него. Все.

Я тоже.

Девяностые. Москва, Кунцево

Мы «вели» продавца гранатомётов. Он был мелкой сошкой, нам же нужен был покупатель.

Идиотский газетно-журнальный образ «спецназовца», который умеет разбивать о голову кирпичи, жрать лягушек и за три секунды убивать триста врагов, не имеет никакого отношения к реальности. То есть мы, конечно, умеем использовать насилие. Нас учат стрельбе, взрывному делу и тому подобному. Нас очень хорошо этому учат. Но нас учат и другим вещам.

Я уже говорил, «Альфа» создавалась на основе «семёрки». Седьмое управление КГБ занималось оперативно-поисковой работой — наружное наблюдение, охрана и так далее. В народе — «наружка» или «топтуны». Первый состав «Альфы» был в основном из этой структуры.

В первую очередь нас учили именно этому — следить. Выслеживать, подстерегать. Незаметно следовать за объектом, замечать контакты. Перед захватом преступников мы могли неделями выяснять все их связи и явки. И уже потом — брали. Всех.

Продавец гранатомёта забил место встречи на перроне станции пригородных поездов. Место оказалось пустынным, а точнее — пустым. На огромной платформе было только двое мужчин — я и он. Фоном служила старушка, присевшая на лавочку, да мама с коляской.

Продавец был внимательным, хитрым. Он смотрел на меня с растущим подозрением. Да, я изображал городского пьянчужку, потягивая пиво из бутылки, но что-то пошло не так. То ли время было раннее для пьяниц, то ли стрелки на брюках не вписывались в образ. Продавец почуял подставу, засуетился, и явно собрался сваливать.

У меня оставалось несколько секунд. И вот тогда — сам от себя такого не ожидал — я подошёл к краю платформы, расстегнул брюки и отлил прямо на рельсы. Бабулька возмущённо заквохтала. Я слегка повернул к ней голову и громко рыгнул.

И владелец гранатомёта повёлся. Этот хмырь не мог себе представить, что сотрудник органов может повести себя вот так. Надо было видеть его глаза, когда минут через десять он поймал своей челюстью мой локоть. Потом во время допроса он всё никак не мог перестать удивляться.

Вот это я сделал по-савельевски. Тот умел удивлять. И побеждать.

Но до Анатолия Николаевича мне всё-таки было далеко.

Анатолий Николаевич вживался в любой образ. И никогда не прокалывался. С другими — бывало. До сих пор помню, как на «стрелке» с чеченскими бандитами у моего напарника вырвалось слово «отставить!». Тогда я подумал, что нам конец — и уж точно провал операции. Бандиты чудом пропустили это мимо ушей. Но это было чистое везение. А вот Савельев не прокалывался в принципе.

Я много думал о том, в чём был его секрет. Пожалуй, в том, что Анатолий Николаевич не просто чувствовал людей. Он им сочувствовал. Всем. В том числе таким, которые, казалось бы, никакого сочувствия вызвать не могут в принципе.

Вы спросите: «И террористам он тоже сочувствовал?» И я отвечу — да. Я это знаю точно.

1988, зима. Северная Осетия, Орджоникидзе

Четыре бандита, вооруженные двуствольным обрезом охотничьего ружья, кинжалом и ножом, заманили школьную экскурсию в угнанный ими автобус и объявили их заложниками. Тридцать один ребенок и учительница оказались в смертельной опасности.

Под сиденьями детей террористы поставили канистры с бензином. Потребовали предоставить самолет, два миллиона долларов, оружие и наркотики. На размышление властям дали 40 минут, в противном случае обещали убить или сжечь всех заложников. Главарь террористов, Павел Якшиянц, пригрозил, что будет выбрасывать по одному трупу ребенка, если заподозрит неладное.

После передачи требований бандиты погнали автобус, плотно зашторенный занавесками, в аэропорт Минеральных Вод. Туда привезли и родителей маленьких заложников. Время шло, у родителей начинали сдавать нервы. Женщины рыдали и выкрикивали имена своих детей. Отцы вытирали слезы.

Савельев стоял возле обезумевших родителей. Отец двух дочерей, он очень хорошо понимал, что они чувствуют. И его трясло от ненависти к бандитам. Позже он сказал жене, что в тот момент хотел одного — разорвать подонков голыми руками.

Переговоры были мучительными и бесполезными. Рисковать жизнью детей никто не хотел. Преступникам предоставили всё, что они хотели, включая самолёт.

«Альфа» была готова к штурму. Но приказ не отдали. Самолёт решено было выпустить. Савельев грыз локти.

Пунктом назначения бандиты выбрали Израиль — страну, с которой у СССР не было дипотношений. Они покинули СССР и приземлились возле Тель-Авива.

Советская сторона к тому времени связалась с Израилем. Израильтяне знали, что такое терроризм. Они согласились выдать бандитов, с единственным условием, что тех не расстреляют. Не потому, что их было кому-то жаль — законы Израиля смертную казнь не предусматривали. Советская сторона с этим согласилась.

Через три месяца состоялся суд.

Савельев присутствовал на последнем заседании, когда зачитывали приговор. Он внимательно разглядывал террористов. Ничего злодейского в них не было. Это были обычные мужики с обычными лицами, люди из толпы.

Началось оглашение приговоров. Первый — лидеру, Павлу Якшиянцу. Анатолий Николаевич знал, что именно он — вдохновитель группы, который до последнего не хотел отпускать перепуганных и измотанных детей. Что он наркоман и преступник, с тремя ходками в прошлом.

— Павел Якшиянц признан виновным и приговаривается к пятнадцати годам лишения свободы, — прочёл судья по бумажке.

Яшкинянц, услышав приговор, вскрикнул и закрыл лицо руками.

Савельев в этот момент смотрел на него очень внимательно — так, как смотрел когда-то на театральных актёров в ключевых сценах. Но это был не театр. Всё происходило на самом деле.

Потом полковник признался жене, что в этот момент ему стало по-настоящему жаль Якшиянца. Как сказал он сам, «сильно, до боли в груди». Он видел неглупого, небесталанного человека, который так скверно распорядился собственной жизнью.

Тогда он ещё не знал, что через два года Якшиянц, отправленный в златоустскую тюрьму, попытается устроить массовый побег. Попытка окажется неудачной, зато к сроку прибавится ещё пятнадцать лет. В 2005 году ему всё-таки скостили срок, и он вышел на свободу — доживать, что осталось.

Сейчас я понимаю Савельева. Я участвовал в разных спецоперациях, и уже потом, размышляя о тех событиях, могу сказать так — никто не рождается террористом. Люди прибегают к террору по самым разным причинам, поскольку запугивание и угрозы могут показаться простым решением всех проблем.

И никогда нельзя знать заранее, кто соблазнится таким решением. Не обязательно это бывший военный или профессиональный уголовник. Это может быть совершенно безобидный на первый взгляд человек.

Например, больной на голову пенсионер.

1997, зима. Аэропорт Шереметьево

Самое обычное ЧП. Насколько ЧП может быть обычным.

Самолет Ил-62М, следующий по маршруту Магадан-Москва, шел на посадку, когда пилоты сообщили: на борту террорист. Он требует 10 миллионов долларов, дозаправку и перелет в Швейцарию. В противном случае обещает взорвать заложников.

В самолете находились 142 пассажира и 13 членов экипажа, всего 155 человек.

Действия властей были штатными. Под ружье были поставлены Антитеррористический центр ФСБ, «Альфа», милиция, спасатели МЧС, пожарные и около десятка бригад «Скорой помощи». Министерство иностранных дел уведомило об инциденте посольство Швейцарии в Москве. Сотрудники посольства подтвердили готовность оказать любую помощь в выдаче виз и разрешении пролета самолета в Швейцарию.

Бойцы Группы «Альфа» во главе с Александром Ивановичем Мирошниченко, первым заместителем начальника Группы, экстренно выехали в аэропорт.

Поначалу все думали, что террористов на борту от четырех до шести человек. Именно такую информацию специальным кодом передал командир лайнера Владимир Бутаков, поскольку прямые разговоры контролировались находившимся в кабине «воздушным пиратом».

К тому времени в «Альфе» уже была проделана огромная работа по анализу своего и мирового опыта. Освобождение самолёта стало типовой задачей по плану «Набат», принятому в 1982 году. Разумеется, все конкретные решения, касающиеся деталей операции, принимаются непосредственно на месте, исходя из особенностей каждого теракта. Бывает, приходится применять нестандартные приёмы. Преступники имеют отвратительную привычку усложнять условия штурма. А времени на размышления обычно мало. Иногда — всего несколько минут.

Но здесь сюрпризов не ожидалось.

Как только Ил-62 приземлился в Шереметьево, его немедленно сопроводили на рулежную площадку № 1 НИИ гражданской авиации — подальше от регулярных рейсов. Поначалу пассажиры сохраняли спокойствие. Каждый продолжал находиться на своем месте и был пристегнут ремнём безопасности.

Мирошниченко запросил разговор с террористом. Тот выдвинул условия: «Я требую десять миллионов долларов и перелет в Швейцарию. Иначе убью всех пассажиров».

Прошло полчаса. Люди в салоне нервничали. Наблюдатели докладывали: через иллюминаторы видно, что женщины вытирают глаза платками, зажимают рты руками. В оперативном штабе, расположившемся в помещении аэропорта, приняли решение: в самолет отправится командир оперативно-боевого отдела Александр Алёшин с задачей выяснить, сколько террористов на борту, какова обстановка и что можно сделать.

Высокий, красивый, в куртке авиамеханика, Алёшин направился к машине-трапу.

В такой ситуации можно действовать только под прикрытием. У террориста не должно возникнуть сомнений, что перед ним — обычный инженер аэропорта.

Машина-трап должна была доставить Алёшина к самолету. Под видом спеца, обслуживающего лайнер, он должен был вступить в технический контакт с террористом. Но как? Ведь «механик» будет находиться снаружи, а террорист и полторы сотни заложников заперты внутри. Легального повода проникнуть внутрь у него не было.

— Что происходит? — вдруг воскликнул руководитель оперативного штаба.

К Алёшину подбежал какой-то человек — крепкий, приземистый.

— Это же Савельев! Почему сам пошел? — удивился Мирошниченко.

Полковник тем временем размашисто хлопнул Алёшина по плечу и сделал жест рукой: «Залезай в машину».

— Ну кто его просил! — воскликнул Мирошниченко. — Понеслась…

— Слышишь, друг, сейчас п-подъезжаем, и ты как можно дольше стыкуйся с самолетом, п-понял меня? Как можно дольше, — говорил тем временем Савельев водителю машины-трапа. — Саня, г-готов?

Алёшин кивнул и улыбнулся.

Машина начала стыковку. Они увидели заплаканные лица женщин и напряженные мужчин-заложников. Перепуганные люди смотрели на них из иллюминаторов.

Вдруг Савельев спрыгнул из машины, подбежал к самолету и закричал:

— Товарищи пассажиры, трап п-подан. Покиньте с-самолет, не з-задерживайте работу аэродрома!

Так делать было нельзя. Последствия могли быть непредсказуемыми.

Но это сработало. Террорист вдруг дал стюардессам команду открыть дверь и выпускать пассажиров.

Напуганные пассажиры выходили один за другим. «Дайте мне знак, когда появится террорист, кашляни-те», — незаметно шепнул Савельев мужчине, удержав его за локоть. Тот кивнул.

Пассажиры спускались по трапу, вышел последний, а знака так и не было. Оставались внутри и члены экипажа. «Внутри засел, гад», — шепнул Алешин.

Пассажиров пригласили в подошедший автобус. Сразу после завершения посадки пассажиров-заложников в автобус Савельев скомандовал: «Пошли. Действуем согласно плану».

Алешин и Савельев ступили на борт. Пилотская кабина была пуста. Они вышли в коридор. Перед ними, через семь рядов, на пассажирских креслах сидели пилоты и стюардессы, в проходе за ними стоял старик с оплывшим лицом. В руках он держал пластиковый пакет. Из-под пальто в пакет тянулся провод.

— Почему с-сидите? — спокойно и удивленно произнес Савельев, обращаясь к членам экипажа, словно не замечая старика.

Пилоты молчали. Напуганные стюардессы начали как одна поднимать глаза кверху, делая знаки на стоящего за ними.

— Мужик, а ты что встал? Самолет сейчас убирать будут, бригада уже приехала, выходи, — развязно проговорил Алёшин.

Старик вдруг послушно пошел. Прошел коридор самолета. Свернул к выходу. Савельев и Алёшин подхватили его сзади.

— У меня горячая рука, горячая рука! — закричал старик.

— Что там у т-тебя с рукой? — переспросил Савельев и резким жестом распахнул пальто. Увидел провод. Дернул.

Провод оборвался.

Ничего не произошло.

— Ну ты и дурак, м-мужик, ну и дурак, — констатировал полковник.

Савельев ошибся совсем немного. Террорист был психически больным.

Это был пенсионер с Колымы, 1938 года рождения, коренной магаданец. Звали его Геннадий Тодиков. Под старость лет у него слегка поехала крыша. Он увлёкся идеей совершить революцию в мировой торговле и долго досаждал магаданским чиновникам своими проектами. Несколько раз его выставляли из приёмной губернатора. В конце концов он решил улететь на Кубу — почему-то через Швейцарию. Бомба, которой он угрожал, говоря, что «это хорошая доза пластита», была муляжом. После суда старика отправили в психушку. Где ему и было место.

Но всё это выяснилось потом. А в тот день Наталья Михайловна Савельева по-вечернему спокойно смотрела телевизор, вышивая картину — три алых мака. Под торшером

было светло, за окном уже темнело. Вот-вот с работы должен был вернуться муж, полковник Савельев, начальник отдела спецподразделения «Альфа». Прошел час, Наталья Михайловна начала уже дремать в кресле, иголка выпала из ее рук, и вдруг она вскинула голову:

— Экстренное сообщение. Заложники из самолета, захваченного террористом в аэропорту Шереметьево, освобождены. Террорист задержан.

Наталья Михайловна негромко вскрикнула. В телевизоре был ее муж в форме авиамеханика и вел террориста, крепко схватив его за руки и свернув их назад.

Именно в этот момент в дверь позвонил Анатолий Николаевич.

— Толя, ну зачем ты-то пошел? — со слезами на глазах спрашивала его жена, следуя из прихожей на кухню за мужем. — Ты полковник, твое дело — руководить!

— А, в новостях уже показали? Ч-чёрт бы их побрал. Да понимаешь, ну д-дольше бы объяснял, что д-да как. Сам пошел и сделал. Д-дилетант там был. Я сразу понял. Надо было ошарашить его. Видишь, я уже дома. Давай ужинать.

Потом Савельев рассказывал, что уже на этапе переговоров заметил: Тодиков мямлит, не может четко отвечать на вопросы. И решил взять его на хапок, напором.

Полковник рискнул и выиграл. В очередной раз.

Никому и в голову не пришло, что этот очередной раз может оказаться его последним выигрышем.

1997, зима. Москва. Шведское посольство

19 декабря — через десять дней после операции в Шереметьево — у меня в кармане запищал мультитон[10].

Я прочёл сообщение: «Захват заложника. Посольство Швеции, Мосфильмовская 60». И тут же набрал базу.

— Приезжать не нужно. Там один террорист и один заложник. Хватит и тех, кто на дежурстве, — ответил дежурный.

Немного позже пришло сообщение: «Террорист на Мосфильмовской захватил Савельева».

Нет, причин для паники я не видел. Было понятно, что Савельев дал себя захватить сознательно. Теперь нужно было ждать, пока он вернётся с добычей.

Всё началось в 18:30. В центре Москвы из здания шведского посольства вышел торговый представитель Швеции Ян-Улоф Нюстрем. Когда он стал открывать свой автомобиль «Вольво», к нему подбежал неизвестный. Угрожая пистолетом, он приказал шведу сесть за руль. Сам сел на заднее сиденье. Резким движением перетянул горло заложника ремнем безопасности.

Террорист был мужчиной лет тридцати. Представился Андреем. В дальнейшем выяснилось, что это был некий Сергей Кобяков, уроженец Челябинской области, дважды судимый и находившийся в федеральном розыске.

Это была первая в российской истории спецоперация, провал которой грозил международным скандалом.

В девяностые Россия имела репутацию криминальной страны. Убийство шведского дипломата в центре Москвы подтвердило бы — Россия страна дикая и иметь с ней дело нельзя. Сверху поступила директива: действовать крайне осторожно. Нельзя было допустить, чтобы иностранному гражданину был причинён вред.

Группа сотрудников «Альфы» вошла в здание посольства с черного хода. Машина со снайперами осталась у входа.

Шло оперативное обсуждение.

— Ситуация следующая, — докладывал начальник боевого отдела. — «Вольво» находится в тридцати метрах от главного входа. Заложник — на месте водителя. Террорист сидит четко за ним. Шея заложника зафиксирована ремнем безопасности. Подходы к машине со всех сторон свободны.

— Брать штурмом опасно — слишком тесный контакт террориста и заложника, — подхватил руководитель штаба. — Снайперов распределить на крыши по периметру. Необходимо подготовить одежду сотрудника посольства для переговорщика.

Размер пятьдесят. Дальнейшие действия — по моему приказу. Алёшин, на переговоры пойдешь ты.

Александр Алёшин — тот самый — ушел переодеваться в синюю куртку и брюки. Наши расположились у окна, из которого прекрасно просматривался автомобиль. Можно было даже разглядеть выражения лиц людей, сидящих в машине. Швед был явно напуган. Террорист крутил головой. Ни страха, ни смятения на его лице не было.

— Смотрите! — вдруг крикнул посольский.

В этот момент к «Вольво» подбежал мужчина в штатском. Наклонился. Террорист опустил стекло. Мужчина начал жестикулировать, будто что-то объясняя.

— Савельев! — закричал начальник штаба. — Откуда он здесь?

— Прибыл за полчаса до вас. Показал корочки, — с недоумением ответил глава службы безопасности посольства.

Как потом выяснилось, Савельев оказался близко к месту происшествия. Произошло это из-за мелочи. 19 декабря праздновалось восьмидесятилетие органов госбезопасности. Вообще-то День Чекиста — 20 декабря, но в том году он пришелся на субботу. Поэтому торжества перенесли на пятницу. Савельев побывал на работе, потом заехал домой и отправился обратно на службу. Когда запищал его мультитон, он был недалеко от Мосфильмовской. Поэтому полковник сразу, не выходя на связь со штабом, побежал к посольству. И успел первым, ещё до приезда руководства ФСБ, которое отправилось на место происшествия прямо с праздничного концерта в зале «Россия». В костюмах и при галстуках.

Алёшин стоял молча, уже переодетый в синее. Его опять опередили.

Тем временем у машины завязался диалог. Его слышал Нюстрем — и это всё, что мы знаем о том, что происходило между Савельевым и террористом.

— П-послушайте, — говорил мужчина, заикаясь, — у этого иностранца жена у-умирает, он н-на сердце жаловался сегодня. З-зачем Вам такой? Сердце м-может остановиться. Возьмите м-меня.

— Ты кто такой? — крикнул террорист.

— Я с-сотрудник МИДа. Руководство п-просило меня п-поменяться с ним. Я не хочу, м-мне страшно. Просто с-скажите, что не с-согласны, и я уйду, — промямлил Савельев и опустил глаза.

— Какая ещё жена в больнице? — террорист одной рукой схватился за ремень на шее шведа, в другой держал гранату Ф1.

Рядом лежал пистолет Макарова.

— Да он Вам скажет, — Савельев повернулся к Ню-стрёму и стал говорить «по-шведски». Шведского он не знал, просто произносил бессмысленные слова, напоминающие по звучанию шведский язык.

Нюрстрём понял — это сотрудник спецслужб. И испуганно закивал, изображая понимание.

Спектакль получился убедительный. Террорист поверил.

— Ладно. Садись вместо шведа. Только без глупостей, — сказал он.

Он жестом приказал шведу отстегнуть ремень и резким движением вытолкнул его из машины. Савельев быстро занял место водителя и захлопнул дверь.

Террорист моментально перекинул веревку через шею Савельева, сильно стянул и зафиксировал за подголовником.

Между Савельевым и террористом завязался разговор. О чем? Мы этого уже не узнаем — прослушки в машине не было.

Через десять минут террорист подозвал сотрудника посольства и потребовал радиотелефон для переговоров. Он передал требования: три миллиона долларов США и самолет для вылета в неизвестном направлении.

Время шло. Анатолий Николаевич и террорист сидели в машине уже почти час. Из штаба было видно — они оживленно беседуют. Но о чем? По губам было не прочитать, они сидели неудачно, вполоборота.

Вдруг террорист вышел на связь по рации:

— Принесите бутылку коньяка.

Похоже, Савельев развёл террориста на выпивку. Что он задумал? Напоить и обезвредить? И как ему удалось убедить выпить бывалого злодея? Впрочем, от Савельева ожидали чего угодно.

Началась суета. Оказалось, в посольстве коньяка нет. За бутылкой отправили молодого офицера. Прошло пятнадцать минут, а он все не возвращался. Террорист, казалось, начинал нервничать. Совершал резкие движения плечами, постоянно смотрел в зеркала бокового вида.

— Ну куда он запропастился, — занервничал командир штаба.

Через минуту в штаб ворвался гонец — офицер.

— Что так долго? Коньяк найти проблема? Бар напротив!

— В баре сказали, что бутылку не продадут, только на разлив. Поэтому я побежал в магазин. А ближайший — в пятнадцати минутах, — объяснял запыхавшийся молодой офицер.

— Интеллигент. Не мог бутылку в баре силой взять, —

вставил кто-то из штабных.

Наконец, коньяк принесли. Террорист выпил. Снова вышел на связь и запросил курево.

Все оживились. Начнет прикуривать — потеряет бдительность на секунду-две. Этого достаточно, чтобы его обезвредить. Наверняка это снова Савельев подвел террориста к мысли закурить — дал нашим шанс обезвредить. В штабе было принято решение: постараться взять террориста живым.

Алёшин с пачкой сигарет в руках приблизился к машине. Террорист опустил стекло, Алешин протянул пачку. Тот ловко, одной рукой, взял пачку, вынул сигарету и вставил в зубы. В другой руке держал гранату. Он не сводил глаз с Алёшина и контролировал ситуацию. Алешин жестом предложил террористу зажигалку — надеялся, что тот машинально возьмет ее, положив на мгновение гранату, тогда-то бы он и осуществил захват.

Но террорист скомандовал:

— Сам дай прикурить!

Алёшин дал прикурить. Ничего не вышло. Но он успел переглянуться с Савельевым. Вернулся в штаб и доложил: Савельев сумел подать ему знак «все под контролем».

В штабе поняли — у Савельева есть план. Были очевидны два сценария: либо Савельеву удастся самому обезвредить террориста в машине, либо он сделает это по пути в аэропорт, откуда Кобяков хочет улететь.

Но было видно, что диалог в машине продолжался. Нервозность террориста росла. Ровно в полночь Кобяков запросил разговор с начальником штаба по радиотелефону.

— Немедленно выполняйте мои требования, иначе заложник умрет, — прокричал террорист.

Начальник штаба ответил, что в такое позднее время деньги собрать тяжело, но они делают всё, что могут. Террорист согласился ждать.

Сегодня уже понятно: переговоры в машине не задались с самого начала. Одна из причин — то, что они происходили в машине. Работа в замкнутом пространстве, когда переговорщик в роли заложника наедине с террористом — самая сложная. При захвате заложников в самолете или автобусе террорист обычно испытывает эмоциональные взлёты и падения. Ему страшно, но и приятно красоваться перед толпой. Он чувствует себя могущественным — и иногда расслабляется, теряет бдительность. А в ситуации один на один красоваться не перед кем, и террорист не расслаблялся ни на секунду.

Ровно через десять минут после разговора со штабом, в 00:10, Савельев вдруг завел автомобиль. Машина медленно начала

движение.

— Всем внимание! — вскочил глава штаба.

Автомобиль прокатился несколько метров и остановился у ворот посольства. Из машины вдруг вышел связанный веревкой Савельев и встал у передней левой двери.

— Что происходит? Что он задумал? Снайперы, прицел на террориста, — отдал приказ глава штаба.

Прошло три минуты. Савельев продолжал, не двигаясь, стоять у машины.

— Садись обратно! — вдруг закричал террорист.

Анатолий Николаевич послушно вернулся в автомобиль. Машина начала медленно двигаться к месту, где стояла раньше.

— Что за чертовщина там происходит? Что за выкрутасы? — крикнул начальник штаба.

Прошла минута. Неожиданно в машине началось движение.

— Он душит Савельева! Внимание снайперы, готовность номер один! — скомандовал начальник штаба.

Террорист набросил на шею Анатолия Николаевича верёвочную петлю. Савельев пытался сопротивляться, оттолкнул террориста. Вдруг дверь со стороны пассажира открылась, и террорист заорал:

— Приведите другого заложника! Замена! Замена!

Савельев сидел в машине и держался за грудь. Еще мгновение, и он начал складываться пополам. На спектакль это было непохоже.

А в штабе уже знали: Савельеву действительно плохо. Он смог подать условный знак «плохо с сердцем». И тут же потерял сознание.

Террорист выскочил из машины, открыл дверь и вытолкнул полковника. К нему тут же ринулся врач скорой помощи. Внезапно террорист бросился помогать врачу. Вместе они тащили полковника к машине скорой помощи.

Тут раздался выстрел. Террорист упал. К машине бросилась группа захвата, но преступник поднялся и стал стрелять по бойцам. Те открыли ответный огонь. Одновременно снайпер выстрелил ещё раз. Чья пуля оказалась смертельной, теперь уже неважно. Кобяков был мёртв.

Сердце полковника Савельева остановилось в 2:30 ночи в больнице номер тридцать пять, куда его привезла скорая. Врачи констатировали смерть от остановки сердца.

1997, зима. Подмосковье

20 декабря, в 5:30 утра в квартире Савельевых раздался звонок в дверь.

Наталья Михайловна не спала. Она вышивала картину — красные маки. Она начала её во время операции в Шереметьево, а теперь заканчивала. Думала о жизни и о том, когда вернётся муж. Смотрела на стену — там висела её любимая картина, коза на солнечном лугу. Она увидела это полотно на Арбате год назад, когда гуляла с мужем солнечным зимним утром. Тогда Наталья Михайловна только-только оправилась от туберкулёза, который чуть не свёл её в могилу. Картина ей очень понравилась, но Анатолий прошёл мимо. Как выяснилось, у него просто не было с собой денег её купить. Но желание жены он запомнил — и с января по июль каждое утро перед службой появлялся на Старом Арбате, искал картину и художницу. Та всё-таки появилась, и картина заняла своё место на стене в доме Савельевых.

Думая обо всём этом, Наталья Михайловна пошла открывать.

На пороге стояло все высшее руководство «Альфы».

Она сразу всё поняла. И даже не запомнила, что именно ей говорили.

Впоследствии я много общался с Натальей Михайловной, и помню, как она об этом рассказывала.

Ночью, одна, она вспоминала другие ночные звонки в дверь — когда открывала и видела на пороге счастливого мужа. Например, когда он вернулся из Афганистана. Это была последняя афганская командировка, за которую Толя получил орден. Он был очень веселым. Рассказывал, как только что обмыли ордена в бане с другими награждёнными сослуживцами. Рассказал, как погрузили ордена в стаканы с водкой и выпили до дна. Обмыли в прямом смысле. Супруга попросила мужа показать орден, а он только ахнул — ордена-то оставили в бане, в тех самых стаканах! Уехал, вернулся с орденом. И долго еще смеялся — описывал удивление банщиков, выдававших ему боевые награды.

Были и другие ночные возвращения, уже с операций. Уставший, довольный, он обнимал жену, что-то рассказывал. И она радовалась. Но всегда знала — однажды она откроет дверь и там будут люди в форме. Которые скажут ей то, что сказали сейчас.

Она сорвалась всего однажды. Это произошло после Будённовска, где мы, сотрудники «Альфы», были брошены на штурм больницы, ее главного корпуса, в котором басаевцы

удерживали две тысячи заложников.

Женам тогда позвонили и сказали, что «Альфа», дескать, на учениях. Но по телевизору начали целыми днями «крутить» кадры из Будённовска. Вся страна, не отрываясь от экранов телевизора, жила только этим, ожидая развязки. И всем было понятно, кто там, на огневых рубежах.

Наталья Михайловна, как только Савельев вернулся домой, в отчаянии сказала:

— Или я, или работа. Выбирай! Савельев тут же скомандовал:

— Пошли со мной.

Он привез жену в госпиталь, где лежали молодые офицеры, покалеченные под огнем чеченских террористов в Буденновске. Рядом сидели их родители. Савельев подходил к каждому и просил прощения. За то, что не уберег их сына. За то, что недоучил, раз пуля все же достала.

— Это полностью моя вина, простите меня, — говорил Анатолий Николаевич.

Они вышли из больницы.

— Прости, — сказала тогда жена Савельева. Она никогда больше не ставила мужа перед выбором — долг или семья.

Теперь пришла пора ей исполнять свой долг. До конца.

Утром того же дня младшая дочь полковника, студентка МГУ, должна была идти на сессию. С матерью вдвоём они молча сидели на кухне. И тут дочь сказала:

— Мама, мне пора собираться на экзамен.

Наталья Михайловна тогда вспылила:

— Какой экзамен, ты имеешь полное право никуда сегодня не ходить! Я позвоню в университет, ты сдашь его потом.

Но дочка ответила:

— Нет. Папа бы не одобрил такую халяву.

Экзамен она сдала на отлично.

1997, зима. Москва

Хоронили полковника 22 декабря.

К ДК на Лубянке, где проходило прощание, выстроилась огромная очередь, огибавшая главное здание ФСБ. Очень много людей пришли, чтобы выразить уважение полковнику Савельеву и Группе «А» в целом. А также продемонстрировать свое отношение к разгулу преступности и терроризма.

На Анатолии Николаевиче был парадный мундир. Его сшили за ночь. Оказалось, у полковника парадного мундира не было.

Среди венков и букетов лежал один с жёлто-голубыми лентами. На нём было написано: «Анатолий, я буду вечно благодарен Вам за жизнь». Его положил на могилу торговый представитель посольства Швеции Ян-Улоф Нюстрем, чью жизнь Савельев спас ценой своей.

За операцию у шведского посольства полковник Савельев был удостоен звания Героя России. Посмертно.

* * *

Анатолий Николаевич шёл на опаснейшие операции, не думая о своей безопасности. Даже тогда, когда фактором риска стало его собственное сердце.

Потом я много раз вспоминал наш первый разговор с Савельевым. Он знал, что с моим давлением не все гладко, и мог исключить меня из спецподразделения. Но не стал. Не потому ли, что сам имел похожий грешок? Он никогда не жаловался на здоровье, но позже Наталья Михайловна призналась: после его смерти она нашла во всех карманах нитроглицерин. И вспомнила, что Анатолий Николаевич с трудом прошёл последнюю диспансеризацию: врач не хотел подписывать документы — кардиограмма была очень тревожной. Но он настоял, продавил авторитетом.

Впоследствии в его сейфе нашли стихи, переписанные от руки. Все они — об усталости, о желании уйти из мирской земной жизни.

Я их не помню, те его стихи. Поэтому вспомню всё того же Давыдова: полковник Савельев умер «средь мечей» — умер, уже победив, уже сделав дело, уже спасши чужую жизнь.

Я знаю — он хотел уйти из жизни именно так.

Денис Давыдов
Я люблю кровавый бой

Я люблю кровавый бой,
Я рождён для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!

За тебя на чёрта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днём — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!

О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!

То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!

Я люблю кровавый бой,
Я рождён для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!

Сергеев

1993, осень. Ночь с 3 на 4 октября. 3:15. Москва, Кремль. Третий этаж первого корпуса. Зал заседаний

За овальным столом никто не сидел.

Вдоль стен стояли стулья, на них расположились командиры силовых структур — около тридцати человек. Все молчали. Говорить было не о чем.

Раздался звук шагов. Барсуков и Коржаков[11] шли в ельцинскую приёмную. Барсуков чуть отстал, на ходу бросил Герасимову[12]:

— Дмитрий Михайлович, Президенту доложите Вы. Никто не пошевелился. Ждали Ельцина.

Наконец он появился на пороге. Огромный, страшный, с серым лицом.

Президент Российской Федерации боялся.

Ему было чего бояться. Решалась его судьба. Снова, как в 1991. И снова — в Белом Доме. Только тогда защитники Белого Дома были за него, а теперь — против.

Он обвёл взглядом зал. В нём сидели люди, отказавшиеся выполнять приказ. Его личный приказ, его решение — взять Белый Дом штурмом.

Главным тут было слово «штурм».

Обычно мы получаем такую команду при проведении операции по освобождению заложников. Главная цель которой — сохранение жизни гражданских. Наша цель — не убивать, а обезвредить злодеев. Желательно — руками, в рукопашном бою. Такая задача ставилась до сих пор перед «альфовцами». Частенько на штурм сотрудники шли с пустыми магазинами, чтобы в перестрелке случайно не поранить заложника и не повредить захваченный самолёт.

Но Ельцин вкладывал в это слово совершенно иной смысл. Армейский.

Штурм — это войсковая операция, проводимая согласно Уставу и методичкам. В отличие от захвата, штурм не предполагает, что жизни находящихся в здании имеют хоть какую-то ценность. В помещения входят только после броска или закатывания гранаты. Тёмные углы проверяются автоматной очередью. Огонь ведётся только на поражение. Во время штурма допустимо и желательно использование артиллерии, расстреливающей верхние этажи. В ходе штурма погибает не менее семидесяти процентов находящихся в здании людей.

«Альфа» и «Вымпел» умели штурмовать здания. И готовы были выполнить подобный приказ в любое время и в любом месте. Но не здесь и не сейчас. По двум очень весомым причинам.

Первая состояла в том, что зданием был Парламент Российской Федерации, а находились в нём депутаты Верховного Совета. Спецназовцев учили: необходимо защищать законную власть и бороться с террористами. Люди в Белом Доме террористами не были. Они были законной властью. Не менее законной, чем Борис Николаевич Ельцин и его окружение. Ситуации, когда одна ветвь законной власти воюет с другой ветвью законной власти, Присяга и Устав не предусматривали.

И вторая причина — приказ был отдан устно. Что это значит, отлично помнил каждый «альфовец». Такой устный приказ отдал в своё время Горбачёв, отправив Группу на штурм литовского телецентра. Потом Горбачёв публично отказался от тех, кто выполнил его приказ. Что мешало Ельцину сделать то же самое? Или того лучше — повесить кровь и гору трупов на «Альфу» и «Вымпел»? Ничего, кроме совести. Со своей совестью Борис Николаевич умел договариваться. А если не получалось — звал на помощь водку. Все это знали, и иллюзий никто не питал.

Ельцин сказал, что положение в стране критическое, а засевшие в Белом Доме депутаты пытаются совершить переворот. Поэтому не остаётся другого пути, кроме силового. В заключение Ельцин пообещал, что никто не будет подвергнут репрессиям.

После этих слов он сделал паузу и спросил:

— Вы *готовы* выполнить приказ президента?

Никто не раскрыл рта.

Ельцин сдвинул брови и прорычал, как раненый хищник:

— Тогда я спрошу вас по-другому: вы *отказываетесь* выполнить приказ Президента?

Тишина стала мёртвой.

Ельцин развернулся на каблуках и вышел из зала, бросив командиру «Альфы» Зайцеву:

— Приказ должен быть выполнен.

1993, осень. 3 Октября. Утро. Москва, Измайлово [13]

Лена Сергеева ждала мужа.

Ждать мужа ей приходилось чаще, чем хотелось бы. Гораздо чаще.

Я задавался вопросом: каково́ приходится нашим жёнам и родным, когда нужно ждать. Ждать, не зная, чем закончится для любимого очередное задание. Мы идём плечом к плечу с боевыми друзьями, чувствуя кураж. Они же переносят все тревоги поодиночке. В полном неведении, что происходит, без малейшей возможности на что-либо повлиять. Им остаётся ждать и молиться.

Я задавался вопросом: каково́ приходится нашим жёнам и родным, когда нужно ждать. Ждать, не зная, чем закончится для любимого очередное задание. Мы идём плечом к плечу с боевыми друзьями, чувствуя кураж. Они же переносят все тревоги поодиночке. В полном неведении, что происходит, без малейшей возможности на что-либо повлиять. Им остаётся ждать и молиться.

Существует объективная статистика среднего времени службы сотрудника в боевом подразделении — десять-пятнадцать лет, и надо менять работу, уходить в штаб или дежурку. И как правило, дело не в физической форме. Не выдерживает психика. Так вот, практика показывает, что раньше сдают нервы у жён. Им всё время приходится ждать. Отлично зная, что в какой-то из дней ей могут позвонить в дверь и сказать, что муж погиб.

Но не в этот раз. Слава Богу, не в этот раз! Сейчас она ждала мужа не из командировки, а всего лишь из Измайловского парка. По утрам он тренировался в лесу. У Гены был отпуск, но он держал себя в форме.

— Стоило бы прогуляться в парк всей семьёй, — подумала она. — Погода чудесная, солнце, палая листва шуршит под ногами. И это ничего не стоит. Чтобы пойти в город, нужны деньги. Всё очень дорого. Даже сынишку одеть не на что.

Лена вспомнила, как недавно они ездили в «Детский мир».

— Ты точно уверена, что нужно покупать Сашке эти джинсы? — спрашивал ее в третий раз, уже у кассы, муж.

Джинсы — фирменные, с вышитым на них кедом — стоили тысячу. Зарплата Сергеева была десять тысяч, и всё уходило на еду и быт. В заначке, которую офицеру удалось скопить, была как раз тысяча: на магнитофон или телевизор.

— Гена, уверена. Ему ходить не в чем, а так будут джинсы. С разными рубашками он их целый год проносит, — вздохнула Лена.

Она не винила мужа. Гена был совсем нежадным, просто денег было в обрез. Копили на бытовую технику и платформу. Платформа была мечтой Сергеева. В смысле платформа для автомобиля. Купить машину — об этом и мечтать было нельзя. Сергеев планировал собрать машину самому: купить платформу, поставить на неё кузов, и будет автомобиль. Можно будет ездить на дачу.

— Ничего, перекантуемся, — думала Лена. — Им обоим по двадцать девять, вся жизнь впереди. Главное — они вместе.

Она улыбнулась, вспоминая, сколько времени они с Геной знают друг друга. Они познакомились ещё в школе, и ей этот парень понравился сразу. А ему нравились другие. Что ж, бывает. Школа кончилась, пути разошлись. Встретились через семь лет, на встрече выпускников. Гена предложил проводить до дома. А через пару месяцев предложил выйти за него замуж.

Тогда он служил в «Вымпеле». Лена этого не знала, и знать была не должна. Ей было известно только то, что он работает «где-то там». На работе в магазине, когда девочки спрашивали о муже, она гордо отвечала: «Муж служит в органах».

Вскоре родился сын. Гена пропадал на работе, Лена занималась ребенком. В короткие вечерние часы, когда они были вместе, Лена замечала, что муж заскучал. Она спрашивала его:

— Что происходит? Тебе что, перестала нравиться твоя работа?

Он отвечал, что всё хорошо, но чего-то не хватает. Чего именно, он не говорил. Стоял у окна и молча смотрел вдаль.

Однажды он пришел в хорошем настроении и сказал:

— Лена, я хочу перевестись в другой отдел. Сегодня сдал психологические тесты. Шестьдесят вопросов.

Лена удивилась, что так много, забеспокоилась. Геннадий ответил, что вопросы были несложные, и он уверен, что все получится.

Через пару дней Гена сообщил, что принят — без подробностей. И с того самого дня на любой вопрос о работе говорил:

— Тебе это знать не нужно.

Только однажды, в первые дни на новом месте, он пришел домой довольный и разложил на столе удостоверения и паспорта. Все с его фотографией, но с разными именами. Ничего не объяснял, просто похвастался. Лена решила, что, наверное, теперь муж в каком-то элитном отделе милиции. И только потом,

гораздо позже, она узнала, что он работает в КГБ, в боевом подразделении.

Ну что ж, мужчины любят играть в войнушку. Гена приносил фотки с тренировок — он и сослуживцы в лесу, с голыми торсами и автоматами. Иногда ребята с сергеевской работы заезжали к ним на обед. Лена вспомнила их нелепые комбинезоны — как в американских боевиках. Приезжали они, однако же, не на каком-нибудь «Лендровере», а на старой «копейке», куда набивались по шесть человек. Лена всё никак не могла понять, как это они в неё умещаются…

Наконец, раздался звонок. Лена легко встала, открыла мужу, и они пошли собирать ребёнка на прогулку.

1974–1993. СССР — Россия

Самое страшное из всего, что приходилось выносить «альфовцу» в советское время — это лгать родным и близким.

Лгать постоянно, лгать откровенно. Лгать, видя слёзы на глазах любимых женщин и слыша крик:

— Почему ты мне врёшь?!

Вплоть до начала девяностых раскрывать место работы и боевых командировок категорически запрещалось. Всем, включая домашних — родителей и жён. Они не имели права ничего знать. Таких правил не было ни в одном спецподразделении мира. Но параноидальная советская секретность этого требовала. Тогда секретили всё, что только можно засекретить — даже карты местности выпускались фальшивые. И это при том, что стратегический противник настоящими картами СССР обладал. Информацию прятали от своих же. В секретности видели средство от нелояльности. Распространилась поговорка: «Меньше знаешь — лучше спишь».

Поговорка была неправильной. По крайней мере, по отношению к сотрудникам Подразделения и их семьям. Чем меньше знали близкие, тем хуже они спали.

Когда Группа только создавалась, ещё можно было как-то скрывать правду. Говорить, что задержался на работе, отмечал день рождения с коллегами и так далее. Потом начались стажировки. Женам говорили, что отправляются на партийный семинар в Ярославскую область. Писать домой было нельзя. Звонить — в принципе, можно, но по факту нет.

«Партийные семинары» проходили в Керках, маленьком пыльном среднеазиатском городке советской Туркмении. Там дислоцировался 47-й Краснознаменный Керкинский погранотряд Среднеазиатского пограничного округа. Там нас тренировали перед командировками в Афган. Телефон был только в штабе, подходить к нему пограничники не давали: а вдруг будет звонить высокое начальство? Бойцы в конфликты не вступали. На то, чтобы конфликтовать и требовать не было сил. Возвращались с боевых учений на базу никакие: мылись, отдыхали, приходили в себя — и снова на занятия.

А жены ждали. Телефон становился центром их маленькой вселенной. Аппараты были тогда только стационарные, поэтому приходилось управляться с проводом и ставить телефон в самое удобное место, чтобы можно было быстро добежать до него, когда он зазвонит. А пока он не зазвонил, чтобы можно было гневно сверлить этот чертов аппарат взглядом. Дни складывались в

месяцы, а мужья все не звонили и не звонили.

Возвращались из Афгана загорелые дочерна. Привозили болезни, которые жены воспринимали как венерические. Жаркий южный климат очень благоприятен для разгула антисанитарии и «пиршества» всяких паразитов. Не случайно в некоторых странах Средней Азии в ту пору детская смертность (до года) иногда достигала половины от числа новорожденных.

— Это что за хреновина? — оперативный дежурный отскочил от бойца, только что вернувшегося на базу из Афгана. С его лба свисал огромных размеров чирей.

— Да пошел ты! Мне откуда знать, что это? Черт, как я с таким жене покажусь? — убивался парень.

Бойца повезли к врачу. К другому. К третьему. Наши врачи, все как один, разводили руками. Тогда бедолагу доставили в профильный НИИ, где были хорошие медики.

— Пендянка, — заявил пожилой опытный доктор.

— Как, простите? — смущенно переспросил боец.

— Пендянка. Болезнь, переносимая насекомыми[14], — ответил доктор. — Откуда Вы прибыли?

— Алтай, — соврал сопровождающий. Даже врачу нельзя было сказать правду.

— Это вряд ли. Такое только в Средней Азии водится. Ничего, вылечим, — сказал врач и понимающе улыбнулся.

Для жены бойца попросили справку с названием болезни. Иначе в семье был бы грандиозный скандал.

Но скандалы не прекращались. Жёны понимали, что их обманывают, но не понимали, почему. И за что.

— Признайся честно, где ты был! — звучало в десятках кухонь типовых многоэтажек.

За стенкой спали дети. Через дырявые стены и перекрытия всё слышали соседи. Жёны это знали и понимали. Но всё равно срывались на крик, когда мужья талдычили про партийные семинары в Ярославской области, про командировки в смежный НИИ в Горький, про конференции по обмену опытом на головном предприятии отрасли в Свердловской области и тому подобную чушь.

И чем быстрее СССР шёл к своей гибели, тем больше приходилось врать. Перевод Подразделения в высшую степень боевой готовности объявлялся все чаще. Бойцы возвращались с работы под утро. Ну как объяснить жене, почему ты, якобы «научный сотрудник», вернулся в четыре утра? Обычный ответ был — «готовили срочно документацию». Но что должна подумать жена, когда таких ночей в неделю выдавалось две-три?

Разводы в семьях наших сотрудников следовали один за

другим. Их волна пошла на спад только в девяностые, когда всё изменилось.

Секретность лопнула, как мыльный пузырь. Журналисты публиковали факты, скрываемые десятилетиями, щедро привирая от себя. Сверхсекретные документы из архивов ЦК КПСС зачитывались с телеэкрана. А новый шеф госбезопасности, Бакатин, начал свою деятельность на новом посту с передачи американцам схемы прослушки американского посольства — в знак доброй воли. Тогда всем очень хотелось быть людьми доброй воли.

Однако нам, «альфовцам», стало проще. Мы были избавлены от постоянного унижения и стыда перед родными и близкими. Более того, появилось правило — жёны должны знать, на что идут. Ещё до назначения в Группу к супруге кандидата приходил человек из Подразделения и проводил беседу. Говорил, что её муж хочет начать службу, сопряженную с высоким риском для жизни. Жена должна была дать или не дать свое согласие. Бойца брали, только если жена соглашалась.

К моей жене приходили тоже, и она сказала «да». А потом начались бессонные ночи. Я недавно спросил её, и она призналась — когда был Будённовск, она не могла сомкнуть глаз. Ну а когда начались командировки в Чечню, бессонными были чуть ли не все ночи, и это продолжалось месяцами.

Раньше она никогда мне не говорила об этом. Берегла.

Иногда я думаю: да, мы были готовы умереть на каждом задании, без такой готовности в Группе было нельзя. А вот были ли готовы наши жёны?

Впрочем, теперь они хотя бы знают, на что идут.

Но тогда появился новый повод для семейных ссор — нищета. Страшная, безысходная нищета девяностых годов.

За чудовищно тяжёлую и рискованную работу платили гроши. Никакого довольствия не было. Буквально — никакого. Мы ездили в боевые командировки за свой счёт. Деньги на обмундирование и прочие необходимые вещи мы брали из семейного бюджета. Помогали ветераны подразделения, которые знали, каково нам. Без этих денег — хоть в кальсонах воюй.

Моя жена все понимала и слова лишнего мне не говорила. А были те, кто уходили. И как их винить? Хотели ведь не красивой жизни — хотели хотя бы детей одевать по-человечески. А тут — траться на бронежилеты и комбинезоны.

1993, осень. 3 Октября. 13:00. Измайлово

Лена с мужем сидели на лавочке и наблюдали за пятилетним сыном, который бросал в озеро камушки. Геннадия что-то беспокоило. Хотя видимых причин не было — светило солнце, ветерок был прохладным, вокруг тишина. Но ему не сиделось.

В конце концов он предложил прогуляться. Они шли по сияющей солнечной аллее, Сашка бежал впереди. Лена ещё раз сказала, что джинсы Сашке сели хорошо, и правильно они их купили.

Сын подбежал к папе и спросил, пойдут ли они завтра в зоопарк.

— Пойдем, — сказал Гена и пообещал, что будут кормить жирафа морковкой. И, посадив сына на плечи, заторопился домой.

Дома был телевизор. По нему показывали, что творится у Белого Дома и вокруг.

Геннадий переменился в лице и сказал:

— Я на работу. Дела плохие.

В это самое время к Белому дому стягивались войска — Таманская, Кантемировская дивизия, Тульская дивизия ВДВ, 119-й парашютно-десантный полк, дивизия внутренних войск им. Дзержинского. В Москву в спешном порядке были вызваны ОМОНы чуть ли не со всех регионов страны. И, конечно, «Альфа» и «Вымпел».

Здание окружила возбужденная толпа. Были среди них и группы активистов со своими призывами и лозунгами, но в основном это была толпа зевак. С одной стороны, толпой двигало любопытство, поэтому зрители были и на набережной, и на крышах домов. С другой стороны, толпой руководил страх. Шутка ли — Белый дом был под прицелом танков, готовых по команде дать залпы по нему прямой наводкой.

— Будем вызывать по экстренной тревоге всех наших? — спросил один из руководителей Группы «А».

— Да нет, ни к чему. Штурмовать не будем. Помогать контролировать сможем и нынешним составом, — ответил другой.

В 13:10 на базе «Альфы» раздался звонок. Звонил находящийся в отпуске младший лейтенант Сергеев.

— Это Сергеев, отпускной. Скажите, есть необходимость подъехать к Белому Дому?

— Нет, приказа вызывать бойцов дополнительно не поступало, — ответил дежурный.

В 13:50 звонок повторился:

— Это снова Сергеев, я готов приехать. Что происходит у Белого дома? Что делают ребята?

— Наши на месте. Ждут указаний. Пока приказов не было.

Тем временем по телевизору показывали Александра Руцкого, который кричал в камеру:

— Все на Моссовет! Все в Останкино! В Кремль!

В 14:3 ˚Сергеев снова был на проводе:

— Я выезжаю в отдел. Где наши?

Лена смотрела, как собирается муж. Как берёт с собой тёплые вещи. И говорила себе, что ничего страшного не случится. В конце концов, там, у Белого Дома — обычные люди, вооружённые, в основном, палками, знамёнами и транспарантами. Ничего страшного. А милиции и армейских там уже целая толпа. Нет, ничего случиться с Геной не может. Просто не может.

И, конечно, она не могла не отпустить его. Он ушёл бы в любом случае. Как, наверное, любой «альфовец» на его месте. Разве что другой мог соврать супруге, что идёт «на встречу» или «по делам».

Сергеев собрался. Сказал Лене: «Давай попрощаемся». Поцеловал жену, надел старую кожанку, теплый свитер, кроссовки. Уходя, сказал так: «Если меня убьют, все мои вещи отдашь сыну».

Лена не разрыдалась. Хотя очень хотелось.

Тогда он повернулся и ушёл. Не оглядываясь. У «альфовцев» есть примета — никогда не оглядываться, уходя из дома. Обнял, поцеловал, попрощался — и все, уже не оглядывайся. Иначе точно не вернешься.

Но Лена всё-таки побежала к окну, чтобы увидеть, как муж выходит из подъезда. Но и там, внизу, он не поднял головы.

Тогда она передвинула кресло и поставила его прямо напротив телевизора. С трибуны продолжал кричать вице-президент России Руцкой, потом генерал Макашов. Призывали людей приходить к Белому дому и Останкино. Мелькали бесконечные кадры толпы, милиционеров.

Лена подумала, что Гена, наверно, уже там, среди этих людей. И сразу пришла мысль — почему он вдруг заговорил о смерти?

На улице стемнело, Сашка уже спал. Стояла тишина. Лена сидела в кресле и ждала звонка от мужа.

Но телефон молчал.

1991, осень. Москва

Мы с Сергеевым пришли в «Альфу» практически одновременно.

Гена был родом из «пятнашки» — пятнадцатого Главного Управления КГБ СССР, отвечавшего за спец-объекты и подземную Москву. Но он, как и я, не смог торчать под землей.

Следующей ступенью для него был «Вымпел». Там Геннадия Сергеева знали как отличного бойца. В идеальной спортивной форме, блестящий стрелок, каратист. На все задания рвался первым. Но и там ему было тесно. Через год службы Сергеев пришел к своему командиру и заявил:

— Я хочу перевестись в «Альфу». Что для этого нужно сделать?

Ветераны «Вымпела» рассказывали — он всегда бредил опасностями, настоящими операциями по освобождению заложников. Ему хотелось настоящего дела.

Помню, мы тренировались вместе, и я у него спросил:

— Ген, а почему ты так рвался в «Альфу»? «Вымпел» же — элитное подразделение?

— Леша, в «Вымпеле» сплошная рутина, — ответил Сергеев. — Там нет боевой работы. А «альфовцы» участвуют в реальных боевых операциях, не вылезают из командировок. Вот это мужская работа. Поэтому и рвался, — добавил он.

Я сразу понял Гену. По сути, то же самое я сказал полковнику Савельеву в его кабинете, в своё первое ночное дежурство.

Очень хорошо помню наш первый — и для меня, и для Гены — боевой вылет. Мы были на базе, когда прозвучала команда: «Летим на Северный Кавказ. На борт самолета разрешили взять ровно шестнадцать человек, не больше». Пересчитали себя — нас семнадцать. Что делать? Решили тянуть жребий, кто лишний. Гена обрадовался, как ребенок — вытянул бумажку без крестика. И у меня — такая же. Крест достался бойцу, что без месяца был в «Альфе». На глазах этого парня мы увидели слезы.

Стали грузиться. Гена, деловой и собранный, упаковался быстрее всех. Все тридцать килограмм снаряжения были на нем уже через три минуты. Смотрим — и парнишка, который по жребию не должен лететь, стоит при полном параде. Мы с ребятами переглянулись и начали улыбаться — упертый парень.

И вот наш самолет поднялся в небо.

— Слышишь, можешь уже вылезать, долго еще бубликом сидеть будешь? — сказал Гена, постучав по инженерной кладовке.

Семнадцатый парнишка вылез, поправил каску, сверкнул

глазами. Спрятали мы его в кладовке, полетели все семнадцать.

«Альфовцы» своих не бросают. И тогда, в девяноста третьем, Сергеев не мог бросить своих. Просто не мог.

1993. 3–4 октября. Ночь. Измайлово

Телефон зазвонил около одиннадцати.

До этого времени Лена не находила себе места. Пыталась заниматься какими-то делами, но всё валилось из рук. Включённый телевизор надрывался — оттуда орал Макашов, Руцкой, ещё какие-то люди. Что они кричали, было уже неважно.

Когда задребезжал звонок, Лена кинулась к трубке. Это был муж. Он поинтересовался, как дела, и сказал:

— Вечером на улицу не выходите, к окнам не подходите.

На вопрос, где он находится, ответил:

— Не могу сказать. Когда вернусь, не знаю. Берегите себя.

Больше звонков не было.

На рассвете Лена сидела на кровати и смотрела на телефон. За ночь она успела его изучить — оттенок цвета корпуса, форму, каждую царапину. Телефон молчал.

По телевизору шла дурацкая утренняя программа. О Белом доме — ничего.

1993. 4 октября. Раннее утро. Белый дом

Генерал Зайцев искал политическое решение.

Вообще-то командир антитеррористического подразделения политических решений искать не должен. Его дело — исполнять политические решения. Но сейчас решение нужно было принять ему.

Ситуация, в которой оказалось подразделение, обычно называется «вилкой». Есть два варианта, ни один из которых неприемлем. Как говорил Сталин в таких случаях — «оба хуже».

Ельцин через Барсукова передал: или «Альфа» выполнит приказ, или Подразделение будет разоружено и расформировано. Но все понимали, что будет потом. В лучшем случае на них будет кровь сограждан. В худшем — это может стать началом гражданской войны.

Нужно было что-то придумать. То есть выполнить приказ, но так, чтобы его не выполнять.

В такой формулировке задача не имела решения. Но Зайцев знал: то, что не решается в целом, иногда решается по частям.

Из чего, собственно, состоит задание? Первое — нужно выдвинуться к Белому Дому. Второе — установить взаимодействие с уже собранными там силами. И только после этого можно ставить вопрос о штурме.

Ельцина взбесило то, что Подразделение отказалось даже выдвигаться. Но почему, собственно? Выдвигаться можно с разными целями. Например, для контроля ситуации. Контроль можно понимать в широких пределах, ситуация экстраординарная. А это оставляет поле для манёвра.

На Конюшковской улице, вблизи Дома Советов, стояло подразделение «А», построенное в каре. Перед бойцами ходил генерал Барсуков и напористо говорил:

— Нужно помочь Президенту. Нужно войти в Белый Дом. Иначе я буду вынужден подписать приказ о расформировании и разоружении Подразделения.

Одного только слова Барсуков не произносил — «штурм». Об этом речи не было. И все это заметили.

В конце концов он сказал, что сейчас подойдут три БМП. Нужны добровольцы, чтобы отправиться на рекогносцировку к Белому Дому. «На рекогносцировку», — подчеркнул он.

Ситуация, меж тем, ухудшалась с каждой минутой. У Белого Дома началась стрельба. Непонятно было даже, кто стреляет. Известно было одно — эти выстрелы не из Белого Дома. Но кто? Милиция? Или что это? Провокация? Попытка настроить

милицию — а значит, и толпу — против захватчиков Парламента?

До «альфовцев» дошло известие — снайперским выстрелом убита девочка в соседнем доме. Ребенок подошел к окну и через секунду упал, на кофточке — пулевое отверстие. Кто творит эти бесчинства? Кто тренируется в снайперских навыках на мирном населении?

Толпа тем временем увеличивалась, гневно гудела. Это собрались сторонники Ельцина, выведенные на площадь призывами по телевизору. Когда стрельба затихала, они активизировались и что-то кричали, провоцируя защитников Белого дома. Когда же стрельба возобновлялась, разбегались и прятались.

— Нужно три добровольца — объехать территорию и понять, что происходит, кто стреляет, — сказал Зайцев, собрав вокруг себя бойцов.

— Я, — тут же сказал Гена Сергеев.

— Я, — повторили за ним Торшин и Финогенов.

Втроем они погрузились в БМП и выехали. БМП двигалась в тылу Белого дома.

Тут из подъезда Парламента выбежала женщина в милицейской форме с маленькой девочкой на руках.

— Возьмем их! — крикнул Юрий Николаевич.

Машина остановилась, женщина увидела ее, подбежала и быстро подняла ребенка в БМП, затем залезла сама.

— Что Вы видели? Что знаете? — кричал женщине Торшин, но та смотрела на него стеклянными глазами и молчала.

— Смотрите, там раненые! — крикнул Гена Сергеев. — Надо подобрать!

Сергеев и Торшин вылезли из БМПшки. Молоденький солдат в бушлате корчился от боли. Пока добрались до него, наткнулись на двоих убитых.

— Да что здесь в самом деле происходит? — тихо произнес Гена.

Раненого подхватили — Сергеев за ноги, Торшин за подмышки — и понесли. Вдруг вокруг зацокали пули. Снайперы!

— Гена, пригибаемся и делаем бросок, — крикнул Торшин.

Сергеев тихо ойкнул, выпустил ноги солдата, сел и упал на спину.

— Меня зацепило, — прошептал он.

Торшин подозвал солдат из стоявшего неподалеку БМП. Они взяли раненого, Торшин присел и взвалил на себя Гену. И не смог поднять. В Гене было девяносто килограмм и тяжёлое обмундирование.

Кровь уже пропитала брюки на бедрах и ногах. Юрий Николаевич положил Гену на землю, потащил волоком.

— Сделай укол, — простонал Гена.

Торшин сделал укол. У нас всегда с собой обезболивающее на случай тяжелых ранений. Гена смотрел ему в глаза.

— Сейчас, Гена, уже близко! Сейчас! — кричал Тор-шин.

Подбежали солдаты, помогли затащить Гену в БМП. БМПшка понеслась к «Скорой».

— Слава Богу, должны успеть, — подумал Торшин, держа Гену за руку.

И тут рука стала холодеть.

«Скорая» стояла у магазина «Олимп», метрах в трехстах от того места, где Гену снял снайпер. Его быстро переложили на носилки, расстегнули бронежилет.

На часах было 15:30.

Торшин спросил, в какой госпиталь повезут Сергеева.

Врач ответил:

— В морг.

1993. 4 октября. День. Белый дом

Вооружённые конфликты начинаются по разным поводам. Но после первых выстрелов они становятся похожи друг на друга, как братья-близнецы. Потому что существует только одна причина, ради которой люди идут убивать и умирать. Это месть за погибших товарищей.

Правда, для этого нужны погибшие товарищи. Но если их нет — можно и организовать.

Кем были те снайперы? Неизвестно. Можно только сказать, что это были не любители. Это были люди, получившие хорошую подготовку и знающие различные провоцирующие приёмы. Один из классических приёмов — ранить человека, а потом ждать, пока его начнут спасать. После чего расстрелять спасателей.

Гибель Сергеева привела «альфовцев» в ярость. Теперь они, пожалуй, готовы были брать Белый Дом штурмом. Но Торшин убедил ребят — стреляли точно не со стороны Белого дома. Кто бы это ни был, это были не защитники Верховного Совета.

И бойцы послушали. Они сумели сохранить самообладание и не ворваться в Белый Дом, паля направо и налево.

А потом Владимир Келексаев и Сергей Кузьмин с самодельным белым флагом зашли внутрь осаждённого здания и сумели убедить защитников его покинуть. Под гарантии «Альфы».

Что было дальше — известно.

Если кто и пролил кровь защитников Белого Дома — это были не бойцы «Альфы».

1993. 4 октября, Измайлово

Около трех часов дня по телевизору сообщили, что Группа «Альфа» пошла на штурм. Один ранен, один убит.

Первой мыслью Лены было:

— Не дай Бог, Генка.

Потом заработал рассудок. В новостях сказали, что погибший служил в какой-то Группе «А». Ну, это точно не Гена. Он сейчас придёт и всё расскажет.

Но время шло, а он все не приходил. Лена убеждала себя, что он задерживается на задании, что вот-вот должен вернуться. Маленький сын тянул маму к бабушке Рае, а она не могла идти. Отговорилась тем, что папа сейчас придет с работы, ему надо отдохнуть.

Стемнело, Гены не было. Лена уложила Сашу спать. Сама сидела у телевизора. Вдруг подумала, что совсем ничего не знает о службе мужа. Непонятно даже, куда звонить, чтобы узнать, где он. Гена как будто растворился в воздухе.

Телефон молчал. Лена задремала в кресле.

Её разбудил Саша, когда было уже светло. Он спросил: «Мама, а папа скоро придет?»

1993. 5 октября, Измайлово

Сообщать о гибели мужа, сына и отца — самое тяжёлое, что нам приходится делать. Мы тянем до последнего. Как же боимся мы того момента, когда открывается дверь квартиры, и жена или мать видят нас. И сразу все понимают. Мы могли ничего не говорить. Вестники смерти. Я в такие моменты старался смотреть в пол. Не мог вынести этого взгляда, потому что он ищет в наших глазах надежду.

А сейчас нужно было сообщить жене Гены Сергеева, что он погиб.

Долго собирались духом, чтобы поехать к ней. Выехали только в два часа следующего дня. В Измайлово, домой к Елене, поехали три сослуживца и друга Гены — как когда-то на обед. На той же самой «копейке».

Лена потом вспоминала, что не хотела открывать дверь. Потом всё-таки открыла. Там стояли её знакомые, друзья Гены — Толик Данилин, Алексей Кузин, Александр Голембевский. Они молчали и отводили глаза. Гены среди них не было.

Данилин всё-таки выдавил из себя:

— Лена, крепись.

Она поняла не сразу. Переспросила:

— Ранен или убит? — И потом: — Он раненого спасал? И услышала:

— Да.

1993. 8 октября. Москва. Пехотная улица

Панихида началась в одиннадцать.

Лена с сестрой и подругой вошла в «шестигранник» — зал для прощания с офицерами госбезопасности.

В гробу лежал её Геннадий. Совсем молодой, двадцать девять лет. Обескровленное, бледное лицо. Волосы ежиком. Ресницы плотно закрыты, губы застыли. На лице — мёртвое спокойствие.

Сын смотрел на мёртвого отца не отрываясь.

На кладбище гроб несли под музыку — очень медленно. Вокруг было солнце, погода была не хуже, чем тогда, когда они последний раз гуляли в парке.

Дальше были поминальные речи, добрые слова. Троекратный салют из автоматов дал особый караул Кремлевского полка. Солдаты маршем, под оркестр, прошли около могилы.

1993. Осень — зима

Ельцин ничего не забыл и ничего не простил.

«Вымпел», бойцы которого отказались идти к Белому Дому, был передан в МВД и назван «Вегой». Из всего подразделения служить в милиции согласились около пятидесяти человек. Остальных разбросало кого куда — от СВР до МЧС. Только в 1998 году «Вегу» упразднили, вернули Подразделению прежнее имя и переподчинили ЦСН ФСБ.

«Альфу» Ельцин тоже хотел уничтожить. Но за неё вступились слишком многие. Включая генерала Барсукова, который воспротивился расформированию Подразделения, а когда Ельцин не захотел его слушать, подал рапорт об отставке.

За мужественные действия у Белого дома Геннадий Сергеев был награжден званием Герой Российской Федерации посмертно. Чтобы добиться этого звания для Сергеева, руководству «Альфы» пришлось непросто. Для Ельцина было важно одно — Подразделение не выполнило приказ, не убило его врагов. О какой награде могла идти речь?

Но не дать звезду Героя младшему лейтенанту спецподразделения «Альфа» Геннадию Сергееву, выносившему из-под обстрела раненого, власти в итоге не смогли.

* * *

Многие жёны погибших бойцов не могут устроить личную жизнь.

Они не готовы связать судьбу с человеком, который хоть в чем-то уступает погибшему мужу. Их планка слишком высока. Они так и остаются одни.

Лене Сергеевой повезло. Она встретила хорошего человека, и сейчас у неё два сына. Но она ничего не забыла. «Альфа» — часть её жизни, часть семьи. Друзья Сергея — её друзья.

Так и должно быть.

Владимир Высоцкий
Он не вернулся из боя

Почему всё не так? Вроде всё как всегда:
То же небо опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал,
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, — не про то разговор.
Вдруг заметил я — нас было двое.
Для меня будто ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалась, будто из плена, весна.
По ошибке окликнул его я:
«Друг, оставь покурить». А в ответ — тишина:
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие как часовые.
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло — для обоих.
Все теперь одному. Только кажется мне:
Это я не вернулся из боя.

Милицкий

1995, июнь. Будённовск

— Серёжа, дай пистолет.

— Нет.

В вертолете на носилках лежал боец Сергей Милицкий. Его глаз и левое плечо были перевязаны. Ноги — в крови. Он мёртвой хваткой держал пистолет, который пытались забрать товарищи.

— Сережа. Это я, Юра. Отдай пистолет.

Милицкий повернул голову и увидел на соседних носилках своего командира, Юрия Викторовича Дёмина. Разжал руки.

— Так-то лучше, Сережа.

Дверь вертолета захлопнулась, он поднялся в небо и через пятнадцать минут приземлился в соседнем Зеленокумске.

Когда выгружали раненых, Милицкий был без сознания.

Июнь 1995 года. Центральная районная больница, г. Зеленокумск

Милицкий пришёл в себя только на следующий день. Пошевелился — сильно отдало в ноги и в плечо. Вдруг понял, что видит только один глаз. Потянулся рукой к другому и наткнулся на повязку.

Он лежал один в палате. Ему начали приходить картины боя, в голове стояли крики и стоны заложников. Тут в палату зашли три наших бойца.

— Привет, Серега!

— Привет, мужики.

— Ты как?

— Живой. Сколько я был без сознания?

— Бой был вчера. Сейчас три часа дня.

— Бой закончился?

— Ушли чехи.

— Кто из наших погиб?

— Дима Рябинкин, Володя Соловов и Димка Бурдяев.

— Как погибли?

— Димку Бурдяева сняли, когда огневую точку менял. Пуля между пластинами броника прошла. Рябинкина в лоб убили, через шлем. Он на колено встал, высунулся, а там дикая плотность огня была. А Володя отход прикрывал. Был ранен, залег за дерево. Делал перевязку. Снайпер в сердце. Светлая память.

Помолчали.

— Серега, тебя врачи разрешили в Москву забрать. Завтра полетим. Там тебя на ноги поставят.

— Мужики, да я-то что, — отмахнулся Серега. — Оклемаюсь.

Бойцы ушли, и совсем скоро в палату зашла молодая девушка.

— Сергей Владимирович, здравствуйте. Я окулист. Как Вы себя чувствуете?

— Прекрасно, — усмехнулся Милицкий. — Хотел бы рассмотреть такую красивую женщину двумя глазами, а могу только одним. Повязку долго носить?

— Боюсь, что да, — серьезно ответила врач.

— Что с глазом? — привстал Милицкий.

— Я зашила Вам веко. Глаз пока не стала удалять.

— Зашили веко? Удалять? — спросил Серега и машинально поднес руку к глазу, но снова уткнулся в повязку.

— Да. Глаз сильно поврежден.

— Что-то можно сделать?

— Я, как уже сказала, не стала его удалять. Хотя положено. Коллеги в Москве сами решат, что делать. Завтра Вас отправим.

В ту ночь Сергей не мог заснуть.

Боец спецподразделения «Альфа» не может быть без глаза. Малейшее падение зрения — уже повод для списания. А уж если нет глаза — без вариантов. Милиц-кий лежал и считал часы до утра. Утром должен был прилететь самолет на Москву.

1995, июнь. Москва, городская клиническая больница № 15

Утром долетели до Москвы. Скорая забрала Сергея прямо с летного поля. Довезли до больницы, посадили в приёмной.

Воскресенье, в пустых коридорах не было ни души. Обе ноги и плечо сильно ныли. Прошло полчаса, а Милицкий все сидел один.

— Чего сидишь? Пойдем, посмотрю, — из-за какой-то двери наконец появился дежурный хирург.

— Сквозное ранение голени, неприятненько. Вынимаю жгут. Вторая нога нормально, рану прижгли, трогать не будем. В предплечье осколок. Потерпишь?

— Потерплю, — ответил Милицкий.

Хирург скальпелем раздвинул края раны и вынул осколок. Серега лежал, сжав зубы, и молчал.

— Готово, — сказал хирург.

— Да это все фигня. С глазом-то что?

— Я хирург, глаз офтальмолог будет смотреть. В палату тебя сейчас положим, она туда придет.

Хирург проводил Милицкого до палаты и оставил. Офтальмолог все не шел. Сережа пытался как-то почувствовать глаз, пытался им вращать, но ничего не чувствовал. Наконец в палату зашла молодая девушка.

— Добрый день, Сергей Владимирович, я дежурный офтальмолог, я вас осмотрю.

Девушка потянулась к лицу и начала рассматривать здоровый глаз.

— Странно, зачем здоровый-то, — подумал Серега, но промолчал.

— Глаз Вы, к сожалению, потеряли, — начала врач.

— Что? Ничего нельзя сделать? — на всякий случай спросил Милицкий.

— К сожалению, нет. Второй глаз постараемся оставить.

— Что значит постараемся оставить? — не понял Сергей. — Он же здоровый!

— По раненому глазу долго не принимали меры. Могла пойти инфекция в здоровый. Понаблюдаем до завтра. Завтра Вас осмотрит завотделением и примет решение.

Врач вышла. Серега остался сидеть на кровати. Мощный двадцатишестилетний боец стал инвалидом под списание. А может быть, вообще слепым. Это решится завтра. Но как дотянуть

до завтра?

2002 лето. Чечня

Я сидел за столом и ставил галочки на листке бумаги. Результат был ожидаемым. Лично для меня.

Тогда я, ещё в составе Группы, собирал материалы для кандидатской по психологии. Сейчас я сортировал материалы небольшого опроса среди своих же товарищей. Вопрос был простой: «Чего боятся сотрудники Управления «А»?»

Ожидаемый вроде бы ответ — смерти. Но в «Альфе» не служат люди, боящиеся смерти больше всего. Они или не идут в Подразделение, или не задерживаются в нём. Поэтому я не удивился, когда ответ «смерть» занял только третье место.

На втором месте — гибель товарищей. Это понятно. Для «альфовца» боевой товарищ — это близкий человек. Особенно тот, с кем много пройдено. Его утрата — это как утрата члена семьи. Вырванный из жизни, он оставляет после себя пустоту. Мы чувствуем её. Мы помним всех убитых. Мы общаемся с их родными, близкими. Память не уходит. Она не уходит никогда. Но всё-таки это можно пережить.

И, наконец, первое место — увечье. Любое увечье, достаточное, чтобы потерять право служить.

В «Альфу» идут люди, для которых бой — это и есть жизнь. Они живут ради этого. Ради невероятного кайфа спецоперации. Они изнуряют себя тренировками, выносят самые тяжёлые условия, идут на риск. Всё ради боя — и победы в бою.

Только представьте себе. Вы — опытный боец, на пике формы. Вы способны делать невероятные вещи.

За вашей спиной — десятки боевых эпизодов. Вы — мужчина, который может гордиться собой, своими друзьями и своей работой.

А потом вы встречаетесь с осколком или пулей. Сантиметр левее — она просвистела мимо уха. Сантиметр правее, и вы покойник. Но она летела именно так, как летела. Вы живы. Но у вас нет зрения. Или вы не можете ходить, и не сможете никогда. Или у вас трясутся руки, и всегда будут трястись. Все ваши мускулы и мозги больше никому не нужны. Вы инвалид. С этим нельзя смириться. Но придётся привыкать. Всю оставшуюся жизнь.

Но может быть и по-другому. Вы не инвалид — по обычным человеческим меркам. Ваши глаза, руки, ноги — всё при вас. Но медики говорят — «не годен». Потому что после этой встречи вы не сможете делать того, что могли раньше. Вы не сможете сдать нормативы, например. Потому что у вас что-то сломано внутри.

Этого достаточно.

Вы сильный, умелый. Но в бой уже не пойдёте. Вы списаны. Вы не сможете помочь товарищу. Да и товарищи — они остались там, а вы здесь. Не нужный ни им, ни себе.

В лучшем случае, если вы на хорошем счету, много знаете и полезны, вас переведут на штабную должность. Отныне в ваших руках не будет автомата — только папка с бумажками. Очень нужными и полезными бумажками. И каждый раз, когда вы будете видеть вооружённых бойцов, будете чувствовать приступ тяжелейшей тоски. Рождённый для боя не может дышать бумажной пылью.

Вам будут сочувствовать. Вы будете общаться. Вам расскажут, как было в Чечне и как было в Дагестане.

Вы будете волноваться, выспрашивать подробности. И всё время примерять — а что бы сделал я? Как бы себя повёл? Вы не сможете не думать об этом. Вы будете жить с этими мыслями. Не мёртвый, но и не живой по-настоящему.

Увечье. Худшее, что может случиться с бойцом.

Я не был удивлён ответам. Я сам ответил бы так же.

1995 года, июнь. Москва, Олсуфьевский переулок, штаб-квартира группы «Альфа»

Мы все знали, что Серёга потерял глаз. И что это означает.

Я звонил, чтобы поддержать. Бесполезно. Он не брал трубку. В разговоре с мужиками выяснилось — дозвониться не мог никто. Он никого не хотел видеть и слышать.

Где-то через месяц Милицкий появился в штабе. Он был одет как на официальное мероприятие — костюм, галстук, блестящие начищенные ботинки и такой же блестящий стеклянный глаз. Он быстро, деловито поздоровался со всеми, и направился к Александру Ивановичу Мирошниченко, первому заместителю командира группы.

— Александр Иванович, здравия желаю!

— Сережа, привет, рад видеть.

— Александр Иванович, я увольняюсь. Подпишите рапорт.

Мирошниченко взял рапорт и начал читать.

— Сережа, — наконец сказал он. — Я уволю тебя. Но тогда, когда увижу, что ты готов, — и разорвал бумагу. — Свободен.

— Я не буду протирать штаны в штабе, — отрезал Милицкий.

— Сережа, сейчас ты не готов уходить. Подумай, почему. Свободен, — повторил Мирошниченко.

Милицкий вышел из кабинета и побрёл к своему ящику. У каждого бойца есть личный ящик, где мы храним свои вещи, одежду для тренировок. Сергей выгреб все из ящика в пакет, оставил ключ в дверке и вышел из здания.

Тренироваться с остальными теперь ему было бессмысленно. Здоровый, но одноглазый, он был списан из боевого состава.

Я знаю, что творилось с Серегой. Я хорошо помню, как дрожал, что не попаду в Группу из-за дурацкого заключения врача поликлиники о повышенном давлении.

Мы летали в Чечню и Дагестан, а Серега сидел в штабе. Он переоделся в деловой костюм, и в руке вместо автомата у него была папка с бумагами.

Но в какой-то момент он начал ездить с нами на учения, давать себе нагрузки наравне со всеми. Без поблажек. Хотя мы все понимали, что это ему не пригодится.

Мы ошибались.

1998, январь. Олсуфьевский переулок, штаб-квартира группы «Альфа»

Сергей Милицкий снова стоял в кабинете Мирошниченко. Он был в костюме, при галстуке, в руках — папка для бумаг.

— Можно я полечу в Чечню? — спросил он.

Александр Иванович посмотрел на него с жалостью.

— Боец всё никак не успокоится, — подумал он. — Никак не может принять реальность.

Он опёрся руками на стол, посмотрел в лицо подчинённому:

— Сергей. Ты же понимаешь, что никак. Иди.

— Александр Иванович, — неожиданно сказал Милицкий. — Я знаю, что не могу идти в бой. Но я могу заняться другой работой.

— Какой, Сережа? — без интереса сказал командир Группы.

— Три года в штабе мы занимались анализом операций. Создали шаблон действий личного состава в стандартной ситуации, предложили разные «надстройки». Я подумал — в Подразделении нужен спец по психологии. Так это буду я.

— Чем ты хочешь заняться в Чечне?

— Оперативной работой.

— В Чечне есть оперативники.

— Но нет ни одного из «Альфы». В будущем я смогу быть переговорщиком.

— Ты никогда этим не занимался.

— Занимался, — уверенно сказал Милицкий. — Девяноста третий помните? Я восемь месяцев жил в «Интуристе». Работал по торговцам оружием. Я провалил хоть одну операцию? Хоть один меня раскусил?

Мирошниченко задумался. Очень серьёзно задумался.

— Хорошо, — сказал он, наконец. — Ты летишь. Но договоримся, что это пробная командировка. А там посмотрим.

Через сутки он вылетел на Кавказ.

Сергей был счастлив — впервые за эти три года. Гул мотора, бронежилет, лица ребят — всё вызывало эйфорию.

Он снова встал в строй.

* * *

Вторая чеченская война вернула Сергея к жизни.

Он колесил по Кавказу. Втирался в доверие к местным

жителям и бандитам. Жил среди них. Собирал информацию. На базу он возвращался под утро, а иногда — через несколько дней.

— А где Серега Милицкий? — спрашивал боец на нашей базе в Ханкале.

— Не знаю, вторые сутки нет его, — отвечал другой. — Рыщет как обычно. Вернется.

Он именно *рыскал*. Его вылазки помогали найти самых неуловимых. Он рисковал даже больше, чем в бою. Одно неправильное слово, жест, взгляд — и всё. Дальше — смерть. Скорее всего — мучительная.

Сергей всё понимал. И шёл на это.

2000, сентябрь. Краснодарский край. Сочи. Лазаревское. Улица Калараш, 24

В 9 утра в здание частной гостиницы ворвались неизвестные в масках. Взяли в заложники пятерых строителей-чеченцев. И забаррикадировались на верхнем этаже.

Местные силовики сделали то, чему их учили. Оцепили район. Подогнали технику для штурма. Привезли родственников террористов, чтобы те уговорили их сдаться. С одним через мегафон говорила жена, с другим — родной брат.

Террористы не хотели ничего слушать. Они стреляли в воздух и бросали в окно гранаты. Они требовали тридцать миллионов долларов и освобождение из российских тюрем чеченцев-боевиков.

Тогда вызвали «Альфу».

Сигнал тревоги поступил, когда бойцы только-только успели разместиться в Балашихе — только что вернулись из Чечни. И вот они снова погрузились в самолет и полетели.

Штаб устроили неподалёку от гостиницы, в здании военкомата. Там были местные силовики и бойцы «Альфы».

— Нужно пойти и передать им рацию, постараемся провести переговоры. Штурма надо избежать, — сказал начальник операции генерал-майор Угрюмов, прилетевший в Лазаревское из Чечни незадолго до наших.

— Можно я пойду? — сказал Сергей Милицкий.

— Идите, — разрешил Угрюмов.

На последний, мансардный этаж дома, где сидели террористы и заложники, вела внешняя лестница. Сергей поднялся и окрикнул террористов:

— Есть кто? — спросил Милицкий.

— Что надо? — крикнули из-за двери.

— Я принес рацию. Для переговоров.

— Передай. Но сам не заходи, убью. Положи на доску и подвинь мне.

Милицкий в темноте увидел, как по полу к нему двигалась доска. Он наклонился, положил рацию на край и начал медленно двигать доску обратно в приоткрытую дверь.

— Взяли? — спокойным голосом спросил Сергей.

— Да, — ответил террорист.

— Я ухожу, связь по рации.

— Проваливай.

Милицкий спустился и вернулся в штаб.

— Разрешите мне выйти на связь? — спросил с запалом Милицкий.

— Выходите, — разрешил Угрюмов.

— Ответьте, вы меня слышите? — закричал в рацию Серега.

Рация молчала.

— Прием, ответьте, вы меня слышите? — повторил он. Опять тишина. Сергей занервничал.

На него молча смотрели высокие чины. Смотрели без малейшей симпатии.

— Ты батарейки в рации проверил, переговорщик? — спросил кто-то из штабных.

— Нет, — ответил Сергей. И подумал, что, видимо, облажался.

— Прием, если вы меня слышите, скажите «да», — снова кричал в рацию Милицкий.

Прошел час, на том конце молчали, но Серега упорно пытался выйти на связь. Его крики уже никто не воспринимал всерьез — генералы обсуждали дальнейшие действия.

Внезапно рация ожила. Послышался треск, потом хриплый голос:

— Слышу, да…

Штабные снова обступили Милицкого.

— Вы меня слышите? — возбужденно повторил Сергей.

— Слышу. А ты кто такой? Я с кем разговариваю?

Милицкий думал не больше секунды:

— Я представитель Внешторгбанка, привез из Москвы деньги, — сымпровизировал он.

Генералы переглянулись.

— Можно я приду?

— Приходи.

Сергей выключил рацию.

— Идти туда надо, говорить с ними вживую, — сказал он, обведя глазами столпившихся штабных.

— Куда ты собрался? Денег-то нет, — сказали в штабе.

— Они не нужны. Нужно втереться в доверие. По рации сложнее, — уверенно ответил Милицкий.

— Идите, — отдал приказ Угрюмов.

Ровно через двадцать минут Серега опять поднимался по внешней лестнице.

— Доброй ночи. Я представитель Внешторгбанка, могу с вами говорить?

— Деньги привез?

— Да, привез. Сколько надо?

— Тридцать миллионов долларов, — ответил террорист.

Это был тот же самый голос, что и во время первого контакта. Видимо, он принимает все решения, решил Серега. С ним и нужно работать.

— Тогда обсудим нюансы, — сказал Милицкий.

— Какие еще нюансы? — насторожился террорист.

— Я сяду, ладно?

— Садись, только снаружи.

Серега взял ведро, валявшееся рядом, — в отеле шла стройка, — перевернул его и сел на пороге. Он напряжённо вглядывался в темноту. Фигуры мелькали, но из-за строительных козел их было не разглядеть.

— Тридцать миллионов долларов весят триста килограммов, — со знанием дела начал Милицкий. — Как вам их упаковать? По двадцать килограмм, по тридцать? Вы вообще столько унесете?

Террорист растерянно замолчал. Похоже, об этом он не подумал.

— Видели бы вы эту кучу денег, — сказал Сергей так, чтобы его было хорошо слышно. — Я за пятьсот лет столько не заработаю.

С той стороны не было слышно ни звука.

— А если бы и заработал, — продолжал болтать Милицкий, чтобы сохранить контакт, — жена бы всё потратила. И я бы ещё виноват остался, что мало.

— Все бабы — сучки, — вдруг произнес террорист.

Сергей в темноте победно улыбнулся. Вот оно! Общая тема!

— Твоя тоже достаёт? — спросил Милицкий.

— Моя ушла, пока воевал с ингушами, — зло сказал террорист.

— Сучки, точно, — подтвердил Милицкий.

— А твоя что? — террорист немного оживился.

— Да ей всё денег хочется. Ну и подозреваю, что мужик у нее есть, — немного подыграл Милицкий.

— Как тебя зовут? — спросил террорист.

— Сергей. А тебя?

— Аслан. Серега, триста килограмм — это, конечно, мощно, мы не подумали об этом. Давай три миллиона.

— Это тридцать килограмм, — сказал Милицкий.

— Серега, а давай вместе уйдем? — вдруг выпалил террорист. — Бабло поделим.

— Ну, ты меня озадачил, — изобразил удивление Милицкий. И шепотом, чтобы никто кроме «договаривающихся сторон» не услышал, добавил:

— Подумать могу?

— Думай, но недолго.

— Что они там? — занервничал один из генералов.

— Разговаривают… Болтающий террорист — не стреляющий террорист. Все правильно переговорщик делает, — понимая, что происходит, ответил другой.

Аслан подошел ближе и встал недалеко от Милиц-кого — так, что Сергей его по-прежнему не видел.

— Серега, а что у тебя с глазом? — спросил террорист.

— Ну ты же знаешь, как в девяностые бывало. Один на стрелке гранату кинул, я без глаза остался, — ответил Сергей.

— Не повезло тебе. Сочувствую, — сказал бандит.

Милицкий вернулся в штаб. Доложил, что бандиты согласились взять три миллиона вместо тридцати.

— Как тебе это удалось? — спросил кто-то в штабе.

— Объяснил, что тридцать миллионов они на себе не утащат. Это триста килограмм, — улыбнулся Милиц-кий.

— Понятно. Они это, судя по всему, даже не предусмотрели. Видно, на захват пошли спонтанно, — заметил один из генералов.

— Одного их них жена бросила, он на психе страшном. На этом и будем играть, — ответил Милицкий. — Я подыграл, мол, моя жена такая же. Кажется, удалось войти в доверие.

— Возвращайтесь к ним. Успокойте их. Расположите к себе, — сказал Угрюмов.

Серега снова поднялся по лестнице.

— Аслан, это снова я, — произнес он громко.

— Садись где сидел! — раздраженно выкрикнул террорист.

Вдруг в тусклой световой дорожке от хилого фонаря Милицкий видимо разглядел тёмную фигуру. Человек держал в руке что-то, похожее на гранату. И точно! Тот резким движением выдернул чеку.

— Серега! Уйдем вместе? — крикнул Аслан.

Позже Милицкий признавался, что в ту секунду его прошиб холодный пот. Он не ожидал такого поворота. Хотя и знал, что террорист на взводе.

Что ответить, чтобы граната не упала на землю? Что сказать, чтобы террорист захотел жить, а не взлететь на воздух вместе с вами? Вот что бы сделали вы, дорогой читатель? За пару секунд?

Я сам иногда думаю, нашёлся бы я или нет. Милиц-кий нашёлся.

— Не хочу, — сказал он. — У меня очки за полтора косаря.

Террорист замер. По спине Сергея стекала струйка пота.

— Я тоже хочу такие очки, — наконец, сказал террорист.

И вставил чеку обратно.

Потом уже, на базе, мы, затаив дыхание, слушали объяснения

Сергея. Он объяснил нам свой ход мысли так. Бандита бросила жена, и он чувствует себя неудачником. Я ему говорю, какие дорогие у меня очки, как я красиво живу. В этот момент террористу приходит мысль, что и он, получив миллионы долларов, может стать богатым и успешным. А значит — снова любимым. Умирать сейчас униженным и брошенным — глупо. И тогда он снова захотел жить. У него снова появилось будущее.

Но это было потом. Когда Сергей — мокрый как мышь — вернулся в штаб, генералы обсуждали показания заложника, который сумел выпрыгнуть из окна и сбежать еще до приезда «Альфы». Беглец высказал предположение, что женщина, которая сидит среди заложников, в сговоре с террористами.

Серега мгновенно присоединился к обсуждению.

— Надо выманить оттуда женщину, — сказал он. — Женщина на Кавказе, когда она в доме, руководит мужчинами. Отель — закрытое помещение, и психологически воспринимается мужиком как дом. Так что женщина там имеет власть над мужиками. Если среди террористов пара, то муж будет слушаться ее, ждать от нее команды. Я буду склонять мужиков сдаться, но на женщину я влияния не имею. Даже если мужики согласятся, баба им не позволит.

— Это ты откуда знаешь? — спросил штабной Милиц-кого.

— Я два года на Кавказе безвылазно. Знаком с десятками чеченских семей, за столом у них дома сидел и все это видел.

— Я гораздо больше на Кавказе и такого не слышал, — с обидой в голосе сказал тот же штабной.

— А, возможно, ситуация еще сложнее, — продолжал Милицкий, игнорируя реплику. — Он ждет команды от нее как от главной в «доме», а она — от него. Потому что отель не совсем дом, вокруг чужие люди, и она уже считает главным мужика. Так они и будут друг от друга ждать команды. Это замкнутый круг. В общем, её нужно вывести оттуда, — закончил он.

— Вы правы, — подумав, сказал Угрюмов. — Попробуйте добиться, чтобы отпустили женщину. Но аккуратнее. Они психически нестабильны.

— Я это уже заметил, — Милицкий дёрнул щекой. — Тот, что ведет переговоры, Аслан, чуть гранату в меня не бросил. Потому что от него жена ушла.

— Да, половина всех захватов из-за баб. Она кинула — он идет заложников брать, — усмехнулся кто-то из «Альфы».

— Больше, — ответил Милицкий. — Восемьдесят процентов из-за баб, еще десять — проблемы на работе. Убежденных террористов мало.

— Забросьте прослушку. Будем понимать, как они реагируют

на Ваши визиты, — сказал Угрюмов. — Когда поймем, что они Вам доверяют, можно склонять их сдаться.

На прослушку посадили нашего бойца Саню. Его, как и Милицкого, засунули в штаб после Будённовска — контузия руки, пуля попала в автомат. Отрикошетило так, что пальцы перестали сгибаться.

Серега поднялся по лестнице и на ходу забросил прослушку в окно.

— Это снова я, Сергей. В штабе просят, чтобы вы отпустили заложницу.

— Это еще зачем?

— Я не знаю, — отрешенно сказал Милицкий. — Они что-то там говорили, что это обычная практика — освобождать баб и детей. Что все террористы так делают, потому что негуманно их держать. Это типа негласного правила.

Повисла тишина. Через минуту к Милицкому, сидевшему на ведре, вышла женщина. Он отвел ее в штаб, где её тут же принялись допрашивать.

На прослушке оживился Саня:

— Они обсуждают возможность сдаться. Один из них сдрейфил, мол все равно накроют, даже если выпустят.

— Отлично, — сказал Угрюмов. — Надо дожимать.

Милицкий вернулся «на ведро».

— Мужики, слышите меня?

— Да, Серега, чего?

— Слушайте, мужики, может сдадитесь? Зачем вам этот геморрой. Уйдете с деньгами, так они вас все равно найдут. Я услышал в штабе, что сюда летит генерал из Москвы.

— Зачем? — испуганно спросил террорист.

— Так вы не знаете, какую шумиху подняли. Город оцеплен, операция будь здоров. По всем каналам показывают.

Серега рассказывал нам, что обрисовал большой ажиотаж вокруг захвата, чтобы Аслан, как главный террорист, почувствовал свою значимость. Это же к нему, к Аслану, летит генерал из Москвы.

— Почему он психанул и выдернул чеку? — рассуждал Милицкий. — Скорее всего, вспомнил, какой он жалкий и несчастный. Было важно поднять его самооценку и на эмоциональном подъеме договориться о прекращении захвата. Переговорщики всегда ловят этот эмоциональный подъем террориста, именно тогда с ним можно договариваться. Попытки договориться на спаде, когда террорист расстроен, встревожен, зол, как правило, провальны.

— Ага, сдадимся. И попадем в УФСБ Краснодарского края?

Там есть у меня враги, нас засадят по максималке.

— Слушай, я могу поговорить с генералом, чтобы он вас в Москву забрал. Хочешь?

— Что за генерал?

— Какой-то Тихонов[15]. Летит сюда специально для тебя. Слыхал о таком?

— Слыхал! Ещё бы! — воскликнул террорист почти с восторгом.

Этим предложением Серега поднял самооценку террориста до небес. Еще минуту назад Аслан был брошенным мужем, рядовым бойцом осетино-ингушского конфликта, а уже сейчас с ним будет говорить генерал, который общался с главными осетинскими командирами. Как человек воевавший, он слышал о Тихонове. И понимал, что это за величина.

Теперь нужно было дожимать.

— Давай я организую, он с тобой поговорит? — предложил Милицкий.

— Ну, давай по телефону, — ответил террорист, смущаясь.

— Зачем? Он сам придет. Лады?

— Лады.

Когда Серега вернулся в штаб, генерал-полковник Тихонов был уже там.

— Александр Евгеньевич, я пообещал террористу, что Вы с ним переговорите. Он готов сдаться, если Вы пообещаете, что заберете его в Москву, — обратился Милицкий к Тихонову.

— Да, мы слышали. Пойдём, — ответил генерал-полковник.

— Давайте я пойду и сыграю Вас? Зачем Вам ходить к этим отморозкам? — предложил один из штабных.

— Я тоже могу, — сказал другой.

— Нет. Генерала может сыграть только генерал, — отрезал Александр Евгеньевич.

— Тем более бандит с ингушами воевал. Наверняка захочет с Вами это вспомнить, — добавил Милицкий.

— Тем более. Ты что-то знаешь про ту войну? Имена, операции, локации? — спросил Тихонов бойца, выразившего желание его изобразить.

— Нет, товарищ генерал-полковник, — признался тот.

Тихонов молча встал и направился к выходу. Серега пошел за ним.

Александр Евгеньевич и Аслан говорили где-то с час, в основном вспоминали осетино-ингушскую войну.

— Ну всё. Он готов, — сказал генерал-полковник, вернувшись в штаб.

— Ага, обсуждают возможность сдаться, — оживился Саня на

прослушке. — Спорили, но сейчас все сошлись на том, что лучше сдаться.

— Тогда я пошел, — сказал Серега.

Снова поднялся по лестнице. Уже рассвело.

— Мужики, это снова я.

— Серега, да зайди ты уже сюда, — вдруг сказал главный.

Милицкий зашел.

Это была обычная мансарда. Бандитов было четверо, помятых и уставших.

— Серега, слышишь, вода капает? Очень раздражает.

— Слышу, Аслан, а где капает? — спросил Милицкий и закрутил головой, осматривая помещение. Успел понять, что заложников, прикованных к батареям, четверо. Ни один из них не поднял головы — изможден и обессилены.

— Вон, батарея, — ответил террорист и махнул рукой в сторону.

Милицкий увидел батарею, из которой была вырвана труба. Вода монотонно капала на плитку. Он понял, что это та батарея, которую вырвал сбежавший заложник.

— Серег, сделаешь так, чтобы перестало капать? — спросил главный.

— Не вопрос, мужики.

— И еще, Серег, а есть что перекусить?

— Тебе пожрать принести, что ли? — спросил по-простому Милицкий.

— Да, жрать хочется. А сигарета есть?

Серега достал пачку сигарет и протянул главному. Он впервые стоял в полуметре от террориста, вооруженного пистолетом и гранатами.

Потом он рассказывал, что улыбался, а сам думал, что в правом кармане у него пистолет, и, если террорист сделает резкое движение, выхватит его и всадит пулю в лоб. Он понимал, что это вряд ли случится, Аслан ему доверят и даже симпатизирует. Но мало ли что перемкнёт у него в голове?

Милицкий вернулся в штаб и передал просьбу закрыть воду.

— Серега, какая еще вода? Сейчас не до этого, — отмахнулся генерал.

Милицкий вернулся в гостиницу с бутербродами.

— Можно?

— Да, заходи, конечно, Серега. Вот спасибо. А что с водой? Бесит страшно. Закроют?

— Сейчас закроют, я передал.

— Когда сейчас, долго ждать? — вдруг занервничал террорист. Это что, так трудно сделать? Им бы так капало по

мозгам!

— Сейчас потороплю, — ответил Милицкий, понимая, что ситуация снова накаляется.

— Воду надо перекрывать как можно скорее, — заторопил Серега в штабе. — Главный психует.

— Да, мы слышали по прослушке. В самом деле, воду трудно что ли перекрыть? — вспылил кто-то из высшего руководства.

— Я сейчас, — крикнул «альфовец» Саша Христофоров, и выбежал из штаба.

— Готово! — доложил он через десять минут. — Я был в МЧС. Они во всём районе воду вырубили.

Штабные заулыбались.

Было уже утро. Все порядком вымотались. Из Москвы постоянно названивало руководство и просило закончить наконец операцию штурмом. Но Устинов брал начальственную истерику на себя, убеждая, что переговоры идут успешно и террористы сдадутся.

— Они довольны, — оживился вдруг Саня на прослушке. — Главный говорит, как хорошо, когда по мозгам не капает.

— Время идти и просить их сдаться, — сказал Угрюмов.

Серега в очередной раз поднялся по лестнице.

— Аслан, это я, — негромко позвал Милицкий.

— Серега, заходи-заходи.

— С водой все ок? Не капает?

— Нет, Серег, спасибо, услужил. Мы решили сдаться.

— Правильно, Аслан! Я рад.

— Но наш уговор в силе? Нас заберет Тихонов? Сам?

— Конечно.

Милицкий вышел вместе с террористами. Их посадили в машину — даже руки не заламывали. Это было уже не нужно.

Серега стоял у входа в гостиницу, когда к нему подошел генерал-майор Угрюмов. Обнял и сказал:

— Я горжусь, что есть такие офицеры, как Вы.

В эту секунду Сергей был счастлив.

Он снова был в строю. Не где-то в штабе, а на передовой. Он стал одним из главных действующих лиц в операции.

…На следующее утро, уже в Москве, Милицкий явился в Подразделение в костюме с иголочки, галстуке, дорогих часах и золотых очках Dupont.

— Серега, мне как-то даже неловко рядом с тобой, — сказал кто-то из бойцов. Милицкий и правда сильно выделялся среди нас, в трениках и майках.

— Привыкайте, ребята, так я теперь буду выглядеть всегда, — ответил Сергей, поправил очки и улыбнулся.

— Типа Джеймс Бонд? Может, тебе и девушку Бонда выдадут для достоверности? — смеялись парни.

— Неплохая идея, переговорю с начальством, — парировал Серёга.

Подколки прекратились, когда мы увидели Милиц-кого в деле.

Идея с «банкиром», родившаяся от безысходности, оказалась чрезвычайно удачной. Одна из базовых мотиваций террориста — почувствовать себя значительным. Он хочет рассчитаться за все унижения, пережитые в жизни. И прежде всего за то, что сильные мира сего не желали его замечать. И когда люди с вершин заискивают перед ним и выполняют его требования — он чувствует себя богом. На чём его и можно поймать.

Сергей блестяще освоил эту роль. Он приезжал на место захвата при полном параде. Представлялся или банковским работником, если террористы хотели денег, или представителем администрации президента, если выдвигались политические требования.

Он шёл к террористам спокойной походкой и с легкой улыбкой. Кем бы они ни были — психами, отморозками или профессиональными головорезами.

2001 год, 31 июля. Вторая чеченская война. Аэропорт Минеральных Вод

Сорок человек. Ровно столько их было в автобусе, захваченном в районе Невинномысска.

Террорист был один. Но он был очень опытен и опасен. Чеченский боевик Султан-Саид Идиев, ранее судимый и разыскиваемый за подозрение в убийстве. У него был автомат, граната. И требования — выпустить из тюрем чеченцев, которые в 1994 году захватили самолёт в Махачкале.

Автобус был окружён. Местные силовики подогнали грузовики, спрятали за ними штаб. Что делать дальше, они не знали. Никто не сомневался, что этот способен сделать то, что обещал. То есть убить всех.

На земле лежали двое местных милиционеров. Рядом хрипела рация.

Ментам было неуютно. Очень неуютно. Они боялись и террориста, и ответственности. Потому что в случае гибели заложников крайними могли сделать их.

Тут появился мужчина в белой рубашке с коротким рукавом, черных брюках, галстуке и темных очках. Он шёл, не скрываясь.

— Здорово! Быстро передайте террористу, что с ними будет говорить представитель Администрации Президента, — скомандовал он ментам.

Им это не понравилось. Как и все люди, работающие на земле, они терпеть не могли большого начальства, только и умеющего, что раздавать указивки.

— Ходят тут всякие… из Администрации Президента, — зло буркнул один.

— Тон смени, представитель, — захорохорился другой. — Приезжают из Москвы, приказы отдают!

Милицкий — это был он — только усмехнулся.

— Расслабьтесь, мужики, я полковник «Альфы», — тихо сказал он.

— «Альфа»? Всё, выдохнули! — радостно прошептал один служивый другому.

Регионалы моментально расслаблялись, когда прилетала «Альфа». Потому что знали — с этого самого момента вся ответственность за исход операции на нас, а не на них.

— Прием, приём! С вами хочет говорить представитель Администрации Президента, — закричал милиционер в рацию.

— Пусть приходит, — ответил террорист.

— Здравствуйте, я могу зайти переговорить с Вами? — спросил Сергей Милицкий у входа в автобус.

— Заходи! — крикнул из автобуса чеченец.

Террорист выглядел убедительно. В руках у него был автомат, а карман топорщился от стакана с гранатой без чеки. Стандартный приём: при падении стакана на землю граната взрывается через четыре секунды.

— Входи, я сказал! — повторил террорист с угрозой в голосе.

— Извините… Сейчас… Я боюсь, — сказал Милицкий, стараясь сыграть испуг поубедительнее.

— Заходи, раз пришёл, или вали, — с презрением скомандовал террорист, поводя дулом автомата.

Сергей, старательно играя напуганного и растерянного, поднялся в автобус. Он был полон изможднных и испуганных людей. А перед ним, в полуметре, стоял террорист, направив автомат ему в живот.

— Меня прислали обсуждать выполнение ваших требований… — начал было Милицкий.

— Ты кто такой? Быстро представился! — скомандовал террорист.

— Я из администрации Президента Российской Федерации, — ответил Милицкий. И тут же повернулся к заложникам:

— Уважаемые граждане! — сказал он. — Владимир Владимирович Путин сказал, все будет хорошо.

— Я тебя не знаю, — бросил террорист. — Чем докажешь, что ты из администрации?

— Я могу показать удостоверение, — сказал дрожащим голосом Милицкий и стал медленно тянуться рукой к карману.

— Стоять! — крикнул террорист, держась за автомат. — Что мне твое удостоверение? Ксиву нарисовать — раз плюнуть.

Сергей сконцентрировался — счёт шёл на доли секунды.

— Я не публичная персона… — начал он, изобразив крайнюю растерянность.

— Я его по телевизору видела, — сказала вдруг одна из заложниц. — Лицо знакомое.

Террорист не отреагировал. Он стоял, не опуская автомат, направленный в живот Милицкого, и молча его разглядывал.

— Ты просил освобождения сокамерников. Я должен сказать, что с колонией уже связался генеральный прокурор Устинов, — нарушил тишину Милицкий.

— И что? — спросил террорист.

Сергей начал говорить. Впоследствии он признался, что и сам не помнил, что именно говорил — всё держалось на интонации,

на спокойной волне. Чеченец должен был почувствовать себя хозяином ситуации и перестать психовать.

Беседа с террористами длилась минут сорок.

— Ну все, диалог у нас, я считаю, состоялся, пойду Волошину доложу, — завершил Милицкий. И как бы между прочим добавил: — Слушай, давай бабку старую заберу, зачем она тебе?

Серега уже давно приметил сухую старушку, которая сидела в конце автобуса.

Террорист кивнул.

— Что, мля, она пойдет, а мы здесь останемся?! Пусть сидит, старая! — вдруг забузили две кубанские бабы — круглолицые, с химическими завивками на башках.

— Она своё пожила! Пущай сидит! — стало доноситься из глубины автобуса.

Сергей чувствовал — если прямо сейчас предложить этим кубанским бабам убить бабку за возможность выйти из автобуса, они это сделают. Причем с особой жестокостью. Просто порвут на части.

— Где мой сыночек, где мой сыночек? — вдруг зарыдала тетка на сиденье в первом ряду.

— Вон женщине плохо, возьмите ее, — сказал какой-то пассажир. — Ее сына высадили из автобуса с аппендицитом. Пусть она к сыну в больницу едет.

— Пойдёмте, — сказал Серега, взяв женщину за руку. — Быстрее, вставайте.

Милицкий подхватил женщину за локоть и повел к выходу. Нужно было сделать все быстро, чтобы террорист вдруг не начал возражать, а то и не пристрелил бы обоих.

— Подождите, — неожиданно начала упрямиться женщина и развернулась, взяв курс обратно на свое место.

— Что такое? — спросил её тихо Милицкий.

— Сумку, сумку забыла, — ответила она и начала настойчиво отпихивать Сергея.

— Что в сумке? — крикнул террорист.

— Да ничего-ничего, пожалуйста, посмотрите, — пролепетала тетка, добравшись до сумки. Милицкий опять схватил ее за локоть и сместил к выходу из автобуса.

Сергей потом недоумевал — чем думают эти люди? Тётку могли пристрелить вместе с переговорщиком, а она полезла за своей котомкой.

Из людей в стрессовом состоянии лезет то, что лежит в основе души. У кого-то это — мужество и самопожертвование, а у кого-то — тупая жадность и скотство.

Но сейчас выбора не было. Сергей потащил женщину за

собой. Они шли, и Милицкий спиной чувствовал, что террорист может начать стрелять в любую секунду. Чеченец был зверь, настоящий зверь — это он хорошо понял во время переговоров.

Он запомнил каждый шаг. Их было двести сорок пять.

Когда он с женщиной завернул за грузовики, за которыми прятался штаб, его белая рубашка с коротким рукавом была мокрой насквозь.

Там же, несколько позже

— Переговоры вести бесполезно. Он не будет сдаваться, — говорил Милицкий. Остальные кивали. Всем было понятно, что уговорить Идиева сдаться не получится.

Оставался штурм. Последнее, крайнее средство. Успешность которого прямо пропорциональна объёму сведений о террористах, их вооружении и т. п. Этих сведений было мало.

В штабе решили: Сергей снова пойдет в автобус, чтобы разглядеть боевую оснащенность чеченца.

И пришлось идти.

— Это снова я, могу зайти? — Серега подошел к автобусу с поднятыми руками.

— Заходи, — рявкнул террорист и взял Милицкого на прицел.

Серега залез в автобус и метнул взгляд на место водителя. Недалеко от него увидел килограмма два пластида. Значит, автомат, граната в стакане и пластид, — резюмировал он. Но нужно было что-то сказать чеху? Не просто же так он пришел.

Вдруг по радио «Маяк», включенному водителем, когда еще автобус мирно катился по Ставрополью, отчетливо раздалось: «В Минеральных водах, где чеченский террорист захватил в заложники пассажиров автобуса, высадилось спецподразделение «Альфа».

— Ну вот и всё, — подумал за долю секунды Милиц-кий, — я труп.

— «Альфа»! — взревел чеченец. — Все, переговорщик, ты больше не нужен.

— Подожди, — крикнул Сергей. — Я ничего не знаю об этом, я же не военный! Но они все подо мной! Одно мое слово, и они все тут выстроятся!

— Сейчас ты пойдешь обратно, — усмехнулся террорист. — И скажешь «Альфе», чтобы летела домой. Иначе я всех тут положу. И ещё. Мне нужен вертолет, шесть пулеметов Калашникова, два гранатомета и ящик с патронами.

— Понял, — сказал Сергей. И вышел из автобуса.

— Совсем охренели журналисты, по «Маяку» выдали, что «Альфа» прилетела, он мне чуть мозги не высадил, — нервно выпалил Милицкий в штабе.

— Охренели не то слово, кружат каждый раз рядом, только портят всё, — среагировал руководитель операции. — Так, мы готовы к штурму. Нужно понять, есть ли сообщники внутри. Серега, иди.

— Я так думаю, один там среди пассажиров засел. Я, когда глазами бегал, одна рожа очень в массе выделяется, — сказал Милицкий.

— Посмотри, не этот? — сказал командир и показал Сереге фото. — Подозреваем, что он может быть с чехом.

— Мне надо еще раз взглянуть, — решил он. — Пойду.

— Ну, с Богом, Серёж.

Милицкий снова подошёл к автобусу.

— Я пришел дать гарантии, что «Альфа» улетела и Ваши требования будут выполнены, — сказал Милиц-кий террористу.

— Заходи, — крикнул тот и снова направил дуло на переговорщика.

Серега, заходя в автобус, метнул взгляд в салон. И точно — увидел рожу мужика с фотографии. Рядом с ним сидела еще одна подозрительная рожа. Вероятно, ещё один сообщник. Значит, террористов как минимум трое, резюмировал Милицкий. Ну да, не для себя одного он запросил столько стволов.

Он встал и машинально схватился обеими руками за поручень наверху. В тот же момент автомат уткнулся ему в живот.

— Прости, не подумал! — вскрикнул Сергей.

Милицкий знал, что сглупил: в этот момент наши снайпера взяли террориста на прицел и могут выстрелить на поражение в любую секунду. Поднятые руки они могли оценить, как намерение чеха стрелять в него. Выстрел снайпера — и террорист может успеть убить Сергея, а то и весь автобус своей гранатой в стакане. Но прошла уже минута, а выстрела не было.

Террорист стоял напротив Милицкого, автомат был направлен в живот. Он разглядывал переговорщика.

— Я хочу очки поправить, можно?

— Поправь, — ответил чех, продолжая буравить его взглядом.

Милицкий потом признавался, что так страшно ему больше никогда не было.

Он вернулся в штаб, подтвердил, что среди террористов мужик с фотографии (как потом выяснилось, бывший ГРУшник), и рядом сидит такая же рожа. То есть террористов как минимум трое.

— Будем брать. Он тебя, когда встречает, каждый раз высовывается из автобуса. Это нам и надо. Иди к нему, Сергей. Снайпера, готовность номер один, — скомандовал командир в рацию.

Милицкий шел по направлению к автобусу. Прямо около «Икаруса» ходил начальник Управления ФСБ по Ставропольскому краю генерал-майор Кондратьев. Серёга подходил все ближе, но террорист не высовывался.

— Ну давай же, давай, — тихо сказал Милицкий, словно уговаривая террориста показаться. Оставалось несколько шагов, когда чех не просто выглянул, а высунулся всем телом навстречу переговорщику.

— Садись! — крикнул Серега генералу. И, падая, в прыжке уронил его рядом с собой.

Через долю секунды снайпер поразил чеченца. Штурмовая группа бросилась вперёд.

2010, лето. Москва

— Не хотел бы я снова там оказаться, — закончил свой рассказ Сергей.

Мы сидим с Милицким в небольшом московском ресторане и вспоминаем прошлое. Вспомнить есть что.

— У тебя же четыре ордена Мужества, — напоминаю я ему. — Тебе же море по колено.

— Нет, — признаётся Сергей. — С такими, как этот Иди-ев, я бы встречаться не хотел. У него были глаза зверя. Я серьезно. Нечеловеческие. А как он меня взглядом сверлил… Хотя я даже не его чаще вспоминаю, а этих баб. Которые орали, чтобы старуху не освобождали. Они ведь даже не жизнь свою спасали. Им не хотелось, чтобы хоть кто-то спасся. Дескать, умирать, так всем. Да и вообще, как вспомню эти Минводы… Уставшая бесправная толпа. Озлобленные чеченцы. Несчастные старики, никому не нужные. Бабы эти мерзкие. Как из очереди. Которая еще из Советского Союза тянется. Но ведь нашлась в автобусе тетка, которая спасла операцию. Сказала, что видела меня по телевизору. И чех поверил, что я из Администрации Путина. То ли намеренно, по уму, то ли случайно, по простоте — теперь уже не разберёшь. И вот это все наша страна, наши люди. Такие дела. Давай ещё выпьем.

Мы выпили ещё и заговорили о другом.

Алексей Филатов
Наш командир

Посвящается
Савельеву Анатолию Николаевичу —
командиру и боевому товарищу

Он был лучше многих из нас,
Он был твердым внутри и снаружи не вата,
И в бою нас спасая не раз,
Улыбаясь журил аккуратней ребята.

Он был старше и во многом мудрей,
Но в бросках боевых за ним мы не успевали.
Говорил нам ребята смелей,
Когда наши неокрепшие нервы сдавали.

Он словами играть не любил,
Но когда говорил — было точно и верно.
И заслуг не считал не дробил,
И не гнался за званьем, за ростом карьерным.

Нас учил он своих не сдавать,
Оставаясь для нас молчаливым примером,
Жизнь учил за людей отдавать,
А иначе зачем быть офицером.

Наша дружба в бою закалилась огнем,
И мы помним года для нас дорогие,
Соберемся вместе и скажем о нем,
Он свою жизнь отдал, что бы жили другие.

Как прежде ветры разгоняют облака,
Как прежде солнце утро зажигает,
Наш командир мы слышим тебя издалека,
Как прежде служим, но тебя не хватает.

Колбанов

1994 год, лето. Минеральные Воды

Ног не было. Колбанов их не чувствовал.

Руки были. Тяжёлые, свинцовые. Руки держали снайперскую винтовку.

Он сидел на корточках, держа винтовку, уже семь часов. Он ждал своей секунды.

Их подняли вечером по тревоге. Вылетали из Внуково. Ситуация понятная: четверо чеченцев захватили рейсовый автобус, пригнали к аэровокзалу. Потребовали денег и самолет.

Саня Колбанов был в составе снайперской группы. Всего четыре человека, главный — Василий Денисов. Для Колбанова операция была не первая, но и не десятая. Он волновался. Но не настолько, чтобы не подремать в самолёте.

Автобус стоял на площади перед аэровокзалом. Окна зашторены и закрыты кусками газеты. Площадь — открытое место, залечь негде. Чтобы работать, снайперу нужно оборудовать лёжку. Стали искать подходящие места — чтобы автобус был виден со всех сторон, а снайперов из автобуса — нет. Ничего найти не успели, поступила команда из штаба: отъехать на летное поле, отработать захват — на случай, если операция дойдет до перехода террористов и заложников в самолет.

Роль террориста взял на себя генерал Зайцев, руководивший операцией. Несколько бойцов изображали заложников.

Снайперы заняли позиции в пятидесяти метрах от объекта. Бойцы окружили Геннадия Николаевича плотным кольцом, и все они начали двигаться бегом от автобуса до трапа самолета. Снайперы взяли Зайцева на прицел. Секунда, две, три — нет, в прицел постоянно попадал кто-то из «заложников». Сделали еще прогон. Ещё. Бесполезно. Снайперы доложили — работать невозможно, обязательно зацепят заложника.

Уже светало. Надо было начинать. Снайперам поступила команда занять точки.

Саня внимательно осматривал площадь. Ничего, совсем ничего — ни дерева, ни постройки. Наконец, Колба-нов высмотрел куст метрах в пятидесяти от автобуса. Он вышел на связь с Денисовым, тот утвердил точку. Осталось на неё попасть.

Чтобы добраться до места, нужно было проползти метров сто. Трава была высокой, но резкое движение было бы заметно и в ней.

Маскхалатов у снайперов тогда не было. То есть были самодельные — на голову сами вязали тесемочки цвета хаки, такие же вставки пришивали на плечи и рукава. Сами пришивали

к рукавам петельки, в них вставляли ветки.

Саня пополз. Очень медленно, сантиметр за сантиметром. Светало. В темноте можно было бы двигаться быстрее. Но не сейчас.

Прошло полчаса, пока Саня дополз до точки. Куст оказался высоким. Колбанов понял, что лежа он ничего не увидит. Выход один — сесть на корточки. Он так и сделал. Пропустил винтовку через ветки. Обрезал те, что мешали обзору. И принялся ждать.

В рации шли переговоры. Террористы требовали то деньги, то водку, то ещё чего-нибудь. К ним постоянно ходил кто-то из штаба, подносили еду, лекарства. Саня был в ежесекундном напряжении, глаза начинали болеть. Мышцы зрачка от неподвижности сводило судорогой. Он лишь изредка опускал голову, отрывая взгляд от прицела, на пару секунд.

В рации прозвучала команда группе захвата выехать для отработки захвата с движения. Бойцы репетировали захват с подлетающего к объекту микроавтобуса. В таких случаях, когда понятно, что штурма в ближайшие минуты не будет, можно расслабить глаза.

Саня оторвался от прицела. Нашел в пяти метрах от себя цветок, сфокусировал зрение на нём. Перевёл взгляд на цветок подальше. Потом закрыл правый глаз, дал отдохнуть ему. То же самое левым.

Из автобуса вышли две заложницы. Террористы стали выходить покурить, один за другим.

Колбанов снова прильнул к прицелу.

Судя по тому, что говорили по рации, развязка была близка. Все требования банды выполнялись.

Подали вертолёт. Стало понятно — сейчас они выйдут и будут садиться.

Вышел террорист, обыскал экипаж на предмет оружия. Дал разрешение лётчикам занять места, сам сел у открытого люка. Он сидел очень удобно, соблазнительно удобно — метрах в семидесяти от дульного среза Сашиной винтовки. Его было отлично видно в прицел.

— Я Маяк-один, цель наблюдаю на отлично, поражение с гарантией сто процентов, — доложил Колбанов по рации.

На том конце его слушал генерал Зайцев.

— Принято, — сказал он.

Это было не то, чего ждал Колбанов. Это не была команда на поражение. Но он понимал: если команды нет, значит, остальные террористы снайперам не видны.

Вся банда устроилась в вертолёте. Люк закрылся. Вертолёт оторвался от земли и улетел. Операция закончилась, так и не

начавшись.

Саня опустил винтовку. Осторожно поднялся с корточек. Начал разминаться, прогуливаясь туда-сюда по площади перед вокзалом. Скрученные мышцы, наконец, начали болеть. Это было хорошо — значит, ноги оживают.

Колбанов просидел на корточках восемь часов.

Пальцев ног он не чувствовал ещё полгода.

1967–1985. Самарская область, Жигулёвск — Харьковская область, Купянск — Москва

Колбанов был родом из-под Самары. В детстве жил в Туркмении, потом семья переехала на Украину. Там он и вырос — в городе Купянске Харьковской области.

В восьмом классе средней школы он впервые взял в руки винтовку — в местном тире. В девятом — гитару. У него отлично получалось и с винтовкой, и с гитарой.

О военной карьере он мечтал с детства. Сначала хотел быть десантником, потом — пограничником. По окончанию школы поехал в Москву — поступать в Московское Высшее пограничное командное ордена Октябрьской революции Краснознаменное училище КГБ СССР имени Моссовета. Поступил.

Саня Колбанов был, что называется, парнем хоть куда. Высокий, мощный, круглолицый, с вечно улыбающимися глазами. Любимый вид спорта — лыжи. У него были отличные спортивные результаты — по лёгкой атлетике, по рукопашке. Это не считая работы с оружием.

При этом он был начитанным, интеллигентным человеком. Играл на гитаре, писал стихи, пел песни. Любил Блока и умел его читать.

Особенно он любил «Стихи о Прекрасной Даме». И стрельбу по движущимся мишеням.

1987, 31 декабря. Пограничное училище, Москва

Тот день начался с того, что Саня поехал в роддом.

Вообще-то предновогодний день был не для того. Вечером ожидались танцы, на них приглашали девушек. Это был единственный день, когда на закрытом военном объекте появлялись девушки — юные, смешливые, румяные от мороза, пахнущие «Красной Москвой».

Курсанты Московского Высшего пограничного командного училища этого вечера ждали. Хотя счастье и длилось недолго. Потоптавшись в актовом зале клуба — разумеется, никакого интимного полумрака, всё при свете — в одиннадцать часов отправлялись обратно в казарму. Но всё-таки это был глоток свободы и свежего воздуха.

И, конечно, он тоже ждал этого вечера.

Но утром в столовку зашел старшина и скомандовал:

— Все, у кого первая положительная, встали и за мной. В родильный дом — сдавать кровь.

У Колбанова была именно эта группа.[16]

Вернулись уже после обеда, сильно обескровленные.

Саню накрыла слабость, и он повалился на койку. Курсантам-донорам дали выходной.

Уже стемнело, когда в комнату зашел старшина:

— Саша, ну чего ты лежишь?

— Я не пойду, лучше отосплюсь.

— Александр, нет! Так дело не пойдет. Я уже сказал, что ты будешь.

— Кому?

— Поварихе, врачихе. Они дочек приводят. Я им тебя обещал. Поднимайся.

Колбанов поднялся и пошел в клуб.

В клубе курсанты сновали туда-сюда — готовились к вечеру.

— Саня, постоишь на гардеробе минут тридцать, ладно? — крикнул Колбанову пробегающий мимо сокурсник.

— Постою, ладно.

Четыре курсанта уже поджидали прибывающих в гардеробе. Саня перемахнул через стойку. Двери открылись, и начали заходить девушки.

В тот же день, около восьми вечера, в подмосковном Королеве девушка Лариса вернулась с работы — уставшая, измотанная. Работала она в Москве в министерстве, училась на

вечернем в автодорожном. Родители, сотрудники космической отрасли, ждали дочь за накрытым столом.

Вдруг зазвонил телефон.

— Алло, Лариска? Ну что, поедешь с нами?

— Нет, девочки, устала страшно. Да и ездить в пограничное училище — не мое.

— Ну ты что, там парни хорошие.

— Нет, не хочу.

— Ну выходи хоть посадишь нас в такси, поздравимся.

— Ладно.

Лариса набросила шубу и выбежала на улицу. У соседнего подъезда, где жила подруга, уже стояла «Волга» и дымила в мороз.

— С новым годом! — крикнули три подружки.

— С новым! — ответила Лариса.

Девчонки полезли обниматься, схватили Ларису и засунули в такси.

— Девочки, вы что, с ума сошли? — отбивалась та.

— Лариска, все! Трогайте, — скомандовала одна из них таксисту.

— Вы что! Да у меня даже платье не нарядное, я только с работы!

— Лариска, ты и в пыльном мешке будешь красивая! Вперед!

И девушка смирилась.

Когда они зашли, первый, кого увидела Лариса, был паренёк из гардероба. Она протянула ему пальто, он его повесил и отдал номерок.

Он влюбился сразу, с первого взгляда. Да, такое бывает.

Они танцевали. Один раз. Молча. Саша так и не решился заговорить.

Номер её телефона он вытащил из Ларисиной подружки, записав на спичечном коробке. Позвонил ей на следующее утро. Потом ещё раз. И ещё раз.

Он выкраивал время для свиданий, писал ей стихи и песни, носил кассеты с записями. Он был очень упорным. И очень терпеливым.

Через полтора года он сделал Ларисе предложение, от которого было совершенно невозможно отказаться. 29 апреля 1989 года они поженились.

Подруги и друзья Ларисы любили ходить в гости к Колбановым. У них всегда было тихо, не суетно, уютно. Лариса хлопотала у стола, Саня пел под гитару. Негромко, без надрыва.

«Какой спокойный, добрый, домашний муж», — думали друзья Ларисы.

Они не знали, что его профессия — снайпер.

1989, август. Москва

На последнем курсе в училище пришли люди из секретного подразделения. Отобрали четверых, среди них — Саню.

28 августа их повезли на Лубянку. Там с каждым лично побеседовал Расщепов[17]. Затем состоялось знакомство с Карпухиным. Дальше началась служба.

В первый же день над ним прикололись. У нас это принято — прикалываться над новенькими. Мы сдавали много фото на разные документы. Саня принёс свои. В отделе кадров офицер ему и говорит:

— А на памятник где?

— Как на памятник?

Офицер ухмыльнулся:

— Ну ты куда пришел служить?

Саня пожал плечами и ответил:

— Вы скажите параметры фотографии, я донесу.

Офицер посмеялся.

На стрельбище не смеялся никто. У Колбанова оказалась очень твёрдая рука. После этого Саню вызвал к себе руководитель группы, Михаил Сергеевич Зотов. И после недолгого разговора задал ему вопрос.

— Колбанов, я хочу тебя в снайперы, — сказал Зотов. — Ты как?

Колбанов честно ответил, что хотел бы бегать со всеми на штурм, а не лежать в сторонке.

Зотов помотал головой:

— У тебя отличные результаты по стрельбе. Я не могу тебя не взять. Ты — лучший. И не беспокойся, бегать придётся.

На следующий день Саня взял в руки снайперку.

Пока бойцы отрабатывали штурмовые задачи — отход, наступление, организация засады — Саша тренировал стрельбу. На несколько секунд в оконном проеме появлялась мишень — рука с пистолетом, рука с ножом. Поражали ее снайпера то с 25-ти, то с двухсот метров.

Отдельная тема — маскировка. Иногда, чтобы сменить позицию, приходится два часа ползти десять метров. Это требует огромной выдержки. Но Саня был очень упорным. И очень терпеливым.

Правда, песен он больше не сочинял. Ни строчки. Работа не оставляла сил на поэзию. Да и повода к ней не давала. О снайперах петь непросто.

1995, январь. Чечня

В декабре 1994-го началась Первая Чеченская война.

Колбанов стал начальником оперативной группы. Это 10–15 бойцов в подчинении. Снайперскую винтовку пришлось оставить.

Он все еще иногда выезжал во главе группы, если снайперская поддержка нужна была боевым подразделениям других министерств. Но теперь Саня все больше охранял первых лиц. Или брал особо опасных духов. Здесь его снайперская выдержка и бесконечное терпение были на вес золота.

Первой его задачей стало руководство личной охраной Владимира Лозового — осетина, который исполнял обязанности главы администрации.

Саня достаточно быстро наладил систему. Забирали Лозового из военного городка в 8 утра, привозили обратно далеко за полночь. Саня всегда сидел в машине, охраняемого, спереди — оттуда обзор лучше. Рядом с Лозовым — Санин сотрудник. Если Колбанов видел что-то подозрительное в пути, он тут же менял маршрут. Следом ехала машина сопровождения с четырьмя сотрудниками. На дальние расстояния машину сопровождал еще и БТР с десятью солдатами.

В январе 95-го у Лозового было назначено в Моздоке совещание с Шойгу. Полетели на вертолете. Саня решил, что сопровождать будет только он. Переговоры ожидались цивильные, в кабинете. За время Кавказской кампании мы от таких и отвыкли. Там переговоры почти всегда проводились на открытой местности. Так безопаснее — обзор хороший.

Как только переговоры закончились, Лозовой скомандовал — едем обратно во Владик, завтра важная встреча. Саня был уверен, что на ночь охраняемый им объект останется в Моздоке. Как назло, и небо закрыли — погода нелетная. Значит, гнать по ночной Осетии. А война-то в разгаре. Но Лозовой настаивает — совещание важное. Саня принял решение ехать. Впереди — водитель и Саня, сзади — глава администрации. Дорога — глаз выколи.

Саня позвонил нашим ребятам во Владик и скомандовал взять боекомплект по-тяжелому — каски, бронежилеты, связь, гранатометы, боекомплект — и выдвигаться навстречу. С включенными проблесковыми маячками, чтобы не разминуться.

Что такое на трассе ночью маячки, понятно. Это подсвеченная мишень. Но это такая игра со смертью. Саня хладнокровно ввязался в неё и выиграл. Лозового довезли до места.

Я спросил у него, почему он тогда согласился ехать. Ведь как

начальник охраны мог настоять на своем.

Колбанов ответил так:

— Мы ж гнали спонтанно, никто об этом не знал. Ну и вообще, что мы, не мужики что ли?

2001, июль. Село Майртуп, Чечня. Вторая чеченская война

Было пять утра. Группа во главе с Колбановым тряслась в «таблетке» из Грозного в сторону Майртупа. Пёс Чен, немолодой, бывалый, лежал между ног Сани, чтобы не болтало по УАЗику.

— Только бы чёрт не успел свалить. Чуйка у них у всех как у шакалов, — бросил один из бойцов.

В Майртупе скрывался террорист Абу-Умар. Через него шли основные денежные потоки для банд.

— Умный. Придумал вешать бомбы на деревья, — сказал Саня.

— Да, я сам так чуть не попал, — сказал боец. — Ехали по Джалкинке, уткнулись в машину с мертвыми бойцами — взорвались незадолго до нас. Взрывчатку, гады, прикрепили к дереву. Весь ствол от взрыва разворотило.

Остановились, не доезжая до дома, где, если верить агентурной наводке, прятался Абу-Умар.

— Ну, с Богом! — сказал один из бойцов. Офицеры и овчарка быстро покинули машину и двинулись к дому.

Было тихо, петухи ещё не проснулись. Тридцать секунд, бойцы уже были у дома, заняли исходную позицию.

Настойчивый стук в дверь. Боевая готовность. Загремел засов, дверь открыла заспанная чеченка средних лет.

— Мы должны обыскать ваш дом, — сказал Саня.

Казалось, женщина спросонья не поняла, что происходит. Её оттеснили в сторону и зашли внутрь. Традиционный чеченский дом. Два крыла: мужское и женское. Часть бойцов рассредоточилась в мужской половине.

Чен — немецкая овчарка, натренированная на задержания — принялся обнюхивать дом.

Саша Колбанов и два бойца двинулись в женскую половину, за ними бежала хозяйка и что-то кричала по-чеченски, размахивала руками, делала запрещающие знаки.

— Мы быстро. На женщин смотреть не будем, — сказал ей Колбанов, но она продолжала верещать.

Подоспел ее муж.

— Там беременная дочка. Туда нельзя. Вы не должны ее беспокоить, — заявил он.

— Мы не побеспокоим. Мы должны осмотреть дом, — вежливо сказал Саня.

Женщина продолжала причитать, следуя за бойцами.

Ребята зашли в плохо освещаемую комнату, которая была центральной в женской половине. В углу жалась девушка. Она стояла спиной, было понятно, что она держится руками за живот. Больше в комнате никого не было. Большая комната вела в спальную.

— Извините, — сказал Саша беременной. И, стараясь не смотреть на нее, двинулся в спальню.

Вдруг его взгляд упал на порог. На пороге стояли мужские тапки.

— Это чьи? — крикнул он, обращаясь к хозяину дома.

— Это? Нашего свата. Он носит их, когда заходит, — ответил мужик.

— Свата? На женской половине? — спросил Саня.

— Да, тут их почему-то оставил. Откуда мне знать, почему, — нервно ответил мужик.

Бойцы осмотрели спальню, кухню — никого. Двинулись к выходу. Беременная продолжала стоять в углу, лицом к стене, и держаться за живот.

— Извините, — сказал ей Саня, всё так же стараясь пристально не смотреть на неё. Беременная молча кивнула.

На мужской половине тоже ничего не было.

— Ушёл, — проговорил со злостью один из бойцов.

— Кто ушёл? Куда? — раздраженно спросил хозяин. — Зачем вы пришли? Дочка беременная, жену напугали.

«Альфовцы» вышли на веранду. Уже кричали петухи.

— Поехали отсюда, — сказал кто-то из бойцов.

Ребята направились к машине, когда Чен вдруг закрутился на месте. Начал рыть пол веранды. Саня быстрым жестом показал на пол. Бойцы открыли стрельбу, веранда разлетелась в щепки. Один из бойцов прыгнул под веранду:

— Это он! — крикнул боец.

Из-под веранды вытащили труп. Чёрт Абу-Умар не успел дать деру.

Тело привезли в Грозный.

— Отлично! — сказал начальник отдела. — Ребята, а общак не нашли? При нём должен был быть общак.

Колбанов немного подумал. Бандитский общак — это куча наличности. Найти ее нетрудно, если не рассовали по разным местам. Но почему они ничего не нашли?

Саня скомандовал бойцам:

— Быстро в «таблетку» и обратно!

Приехали, начали стучать. Никто не открывал. Долбанули по двери со всей силы, хотели уже ломать. Открыл хозяин. Саня бросил его на пол, закричал:

— Где общак?

— Какой общак? — замямлил мужик.

Саня оставил старика и ворвался в дом. Вбежал в женскую половину. Там было пусто. Беременной и след простыл.

После первого же вопроса: «Где беременная?», хозяева признались, что в животе был не ребенок, а деньги.

Руководитель операции, начальник Курчалоевского отдела, получил за неё Героя России. Но деньги исчезли бесследно.

Посмотри Саша на беременную пристальнее, он, может быть, понял бы, что с ней не так. Но он сочувствовал чеченским обывателям и старался не оскорбить их обычаи и традиции.

И чаще это всё-таки окупалось. Хорошим отношением. Которое — бесценно.

1996 год, апрель. Первая чеченская война. Чечня, Джалкинский лес

Мы не любили Джалкинский лес. Хотя он очень красив, особенно весной.

Через Джалкинку идет трасса Грозный — Гудермес. Густые деревья по обе стороны дороги, а над ними — весеннее ясное небо, солнце печет с раннего утра.

Этот лес был смертельной ловушкой. Убивать в Джалкинке легко. Сосны подступают прямо к дороге и стоят стеной. Ничего не видно. Можно обстреливать из-за них машины. Или ставить бомбы. На обочинах то и дело встречались воронки от подрывов.

Колбанов, старший группы, вез своих бойцов в Гудермес, к местным операм. Десять часов назад в лесу обстреляли федералов. На месте нашли следы крови. Значит, убийцы могут быть в одной из больниц Гудермеса. Или в морге. Сейчас, по горячим следам, их ещё можно было найти.

Местные попросили об огневой поддержке. Поэтому четверо бойцов и Саня тряслись ранним утром в уазике-«таблетке».

В дороге травили анекдоты. В основном — переделанные американские, времён Вьетнама. Свои появились позже.

— Солдат-дезертир убегает от военного патруля и видит монашку. Говорит ей: «Можно спрячусь у Вас под юбкой?». «Прячься», — отвечает монашка. Патруль проносится мимо, солдат благодарит монахиню: «Извините, я просто не хочу погибнуть в Чечне. А у Вас очень крепкие ноги!» — «Если бы ты посмотрел выше, то увидел бы еще и крепкие яйца: я тоже не хочу погибать в Чечне».

Солдаты смеялись, трясясь в кузове. Дороги в Чечне были отвратные.

Остановились в Гудермесе у районного отдела УФСБ. Вышел только Саня, остальные остались в машине. Если кто-то увидит и настучит боевикам, что чеченские опера сотрудничают с федералами, через несколько часов опера будут покойниками. Саня в гражданском зашел в здание. Внутри маленького кирпичного скворечника всего несколько пустых комнат — люди «в полях», в Чечне было некогда просиживать задницы. Только в дальней комнате ждали три опера.

— Привет, поехали, — поздоровался Саня и махнул в сторону выхода.

Все погрузились в «таблетку».

— У вас что из оружия? — спросил Саша.

— Три пистолета ТТ, десять гранат, один пулемет, — ответил старший опер, Руслан.

— А на пулемете кто? — уточнил Колбанов.

— Вот он, Казбек, — опер показал на низкорослого парня лет двадцати пяти в очках, с жидкими усами.

— Э, нет, так дело не пойдет. На пулемете будет он, — улыбнулся Саня, показывая на своего бойца.

— Да, он у нас не потерпит, чтобы самый длинный был не у него, — бросил один из наших, местный юморист.

— Ну мы-то все знаем правду, у кого на самом деле самый длинный, правда, Казбек? — сказал Хасан и подмигнул.

Человек в очках криво улыбнулся.

— Мужики, ближе к делу, — сказал Руслан. — Наша задача — объехать больницы и морги. Три больницы, два морга.

— Радует, что больниц больше, — сказал Саня.

— Больных пока больше, чем мертвых… Еще нужно заскочить на рынок, у нас там агентура.

— Значит так, — начал распоряжаться Колбанов. — Расстановка такая: наши двое на пулемете. Один наблюдатель, другой помогает. Остальные — по периметру, как обычно. Если нападение по дороге — выходим через заднюю дверь. Пулеметчик последний. Погнали.

Тронулись.

Гудермес уже проснулся. Люди сновали по улицам. Не сказать, что война — вполне себе мирный город. Но это только казалось. Даже от проходящего мимо ребенка можно было ждать гранату. В Чечне такое бывало не раз.

На точках опера в штатском выходили из машины. Наши прикрывали — были в машине, но смотрели в оба.

Позади уже было несколько точек. Пока ничего. Оставалась слабенькая надежда на агентуру с рынка.

— Мы тут как бременские музыканты, колесим целый день, задница уже болит, — пожаловался солдат.

— Бременские музыканты. Это точно, — улыбнулся Саня.

— Ничего на свете лучше нэту, чем бродить друзьям по бэлу свэту, — затянул Руслан и подмигнул.

— Тем, кто дружен, не страшны тревоги, нам любые дороги дороги, — подпевали чеченцы и русские.

«Таблетка» остановилась у рынка.

Опера вернулись недовольные. Пусто. Ловить было нечего. Бандиты то ли уже ушли из города, то ли в нём и не появлялись.

Когда закончили, уже смеркалось. Нужно было возвращаться в Грозный. Но было уже за восемь — начался комендантский час. Ехать через Джалкинку в темноте не хотелось. А встретить ребят

наши из Грозного не могли — связи с Грозным не было. В 96-м карманная рация далеко не добивала, а переносную Колбанов не взял — никто не думал, что застрянут в Гудермесе до темноты.

Саня задумался. Оставаться в Гудермесе тоже опасно. Ночевать в здании УФСБ? Два этажа, кладка в полтора кирпича — для укрытия сойдет. Но если их вычислили и вели, то при хорошем боекомплекте сровняют с землей.

Когда «таблетка» подъехали к зданию УФСБ, было уже около девяти.

— Все, мужики, давайте мы тут, а вы по домам, — сказал Колбанов операм.

— Давайте вернемся в Грозный, проскочим, нормально все будет, — предложил один из бойцов.

— Да-да, может, поедем? — поддержал другой.

— Мы остаёмся здесь. Мужики, бывайте, — сказал Саня и пожал руки операм. Они уже начали вылезать из «таблетки», когда Руслан остановился:

— Нет, так дело не пойдет. Каждый из нас возьмет по одному к себе на ночлег.

Саня понимал, что значило это предложение.

— Спасибо, но мы не можем рассредоточиться. По одному мы легкая мишень. И вас не хочу подставлять.

— Я один живу, давайте все ко мне, — внезапно сказал Казбек.

— Казбек, спасибо, дорогой, но ребята идут ко мне. И точка, — сказал Руслан.

— Но у тебя двое детей… — начал было Казбек.

— Тихо, — оборвал его Руслан. — «Альфа», едем?

— Нет, — твёрдо сказал Саня. Он понимал, что если за ними хвост, духи перебьют Руслана и его семью.

Но Руслан не двигался с места.

— Едем, — повторил он с нажимом.

Саня понял, что опер обидится, если его приглашение не примут. И кивнул.

Они сделали несколько кругов по городу и только потом поехали в Новый Биной.

У дома Руслан загнал машину в ворота так, что задняя дверь оказалась встык к входной двери дома. Так никто не увидит, кто выходит из машины.

На пороге стояла жена Руслана. Тот быстро и строго произнес что-то по-чеченски, и она убежала на кухню. Вышли две девочки — дочки лет пяти и семи. Девчонки попятились назад, но совсем не ушли, продолжали смотреть на бойцов из-за двери.

— Где можно умыться? — спросил Саня.

— Во дворе.

Ребята разоблачились. Сняли бронежилеты и накладки. Младшая девочка смотрела на Саню, и вдруг что-то спросила у отца. Тот засмеялся и перевел нашим:

— Дочь спрашивает, куда делась половина дяди?

Бойцы умылись в небольшом закутке с умывальником. Вернулись в комнату — накрыт стол, окна плотно занавешены. Сели, но расслабиться не получалось. Бойцы то и дело прислушивались.

Внезапно раздался звонок. Звонили от калитки. — Руслан, можешь не открывать? — спросил Саня.

— Нет, свет горит. Заподозрят неладное.

— Мы прикроем, — сказал Саня.

Руслан скомандовал жене на чеченском — видимо, отправил к детям. Сам медленно подошел к двери. Открыл. Вышел во внутренний двор. Наши заняли позиции по двум сторонам от него.

— Кто там? — спросил Руслан через дверь. По-чеченски прозвучало имя «Рамзан».

Руслан начал открывать. Наши спрятались, не снимая дверь с прицела. Дверь открылась, на пороге стоял пожилой чечен. Мужчины начали разговор. Старик как-то странно стрелял глазами, будто старался осматривать двор. Но Руслан приоткрыл дверь совсем немного, и наша машина не должна была попасть в поле зрения старика. Руслан быстро попрощался и закрыл дверь.

— Этот сосед. Давайте скорее гасить свет. Я покажу вам комнату, — сказал он.

Прежде чем лечь, бойцы расставили оружие в окнах. Гранатомет — в окно, выходившее на огород. Это была самая опасная стена — за ней огород, открытое пространство, наступать через которое удобнее всего. Напротив входа — автомат, автоматы также у окон на кухне. Перед тем, как потушить свет, проверили боекомплект личного оружия, положили каждый возле себя. Устроились на полу, постелив свои броники.

Наступила полная темнота. В такие моменты слух обостряется, ждешь нападение в любой момент.

Сане удалось задремать, как вдруг — шорох.

Он вскочил. Бойцы уже сидели на бронежилетах, в руках пистолеты.

— Спокойно! Это я в туалет встал, спите, — прошептал один боец.

Улеглись. Саня вслушивался в тишину. Нервы были на пределе, но скоро отпустило, и снова накрыла приятная дремота — то состояние, когда мерещится, что лежишь дома, в своей

кровати, а не в чужом доме. Вдруг стук. Саня вскочил, оглянулся, а парни снова уже сидят в трусах и с пистолетами. Оказалось, включился электрический чайник на кухне.

Больше никто не спал.

Поднялись в шесть. Нужно было успеть уехать до того, как чеченцы выйдут из домов на работу.

Попрощались с Русланом. Он обнял Саню и сказал:

— Надеюсь, еще свидимся.

Через восемь месяцев российские войска были выведены из Чечни по Хасавюртским соглашениям. Чеченцы начали проводить расследования, искать тех, кто сотрудничал с федералами. О том, как чехи могли расправиться с опером и его семьей, мы все понимали. Один мой знакомый, полковник ФСБ, рассказывал, что его люди, в чьи обязанности входило отсматривать изъятые у боевиков пленки с пытками пленных русских солдат, спали с гранатами в карманах. Больше всего они боялись попасть в плен.

Сане не давала покоя мысль, что если Руслан и его семья не уехали в 96-м, их, скорее всего, вырезали. Он хотел узнать, живы ли они. Если да — еще раз поблагодарить. Нет — помолиться за него.

2004, апрель. Вторая чеченская война. Чечня. Шелковская

В тот день «Альфа» и «Вымпел» отработали по пустому вызову и уже собирались ехать на базу, когда им сообщили, что в Шелковской видели Абу-Бакара.

Абу-Бакар Висимбаев по кличке «Одноглазый» был человеком с репутацией. Личный охранник Басаева, один из организаторов теракта на Дубровке (в частности, готовил сестёр Ганиевых), он также успел отметиться в Ингушетии. Слишком много подвигов для одного человека. Ликвидировать Абу-Бакара хотели давно, но он был очень ловок. Теперь появился шанс.

Раскладку сделали такую: «Вымпел» блокирует адрес, «Альфа» штурмует. Колбанов был старшим группы захвата.

Информации о самом доме почти не было. Даже внутреннее расположение комнат было неизвестно. Но выбирать не приходилось.

Команда поступила в 8:20. Две «газели» стремительно подъехали к дому. «Вымпеловцы» его оцепили и блокировали все выходы. «Альфа» стала заходить через веранду, которая была засыпана строительным мусором. Дальше шёл узкий коридор.

Шли трое. Первым был боец Елизаров, он нёс щит. Вторым — Александр Лялькин. Колбанов — третьим. Замыкающим был Юра Данилин.

Впереди было две комнаты, правая и левая. Лялькин повернул вправо. Колбанов — влево.

Это решило всё.

Он не успел даже повернуться, как из-за полупрозрачной занавески раздалась автоматная очередь. Александр молниеносно ответил.

Его пули прикончили Одноглазого. Но тот успел убить Данилина, зацепить Лялькина и прострелить Колбанову ногу.

Он сначала не почувствовал боли. Просто ноги не стало. Он её не чувствовал.

2005, апрель. Москва

Саша Колбанов лежал на больничной койке. За этот год он успел её возненавидеть. Как и вообще всё, связанное с лечением.

Там, в Шелковской, он думал, что ему конец. В лучшем случае останется без ноги.

Ему повезло. Пули разорвали не артерию, а вену, а это дало время. Кость была раздроблена, но нервы целы. Врачам удалось обойтись без ампутации. Колбанову это стоило четырёх операций и аппарата Илизарова на ноге.

Он не был на похоронах Юры Данилина. Он был не в том состоянии. А вот к нему ходят — и сотрудники Группы, и руководство. Они его подбадривают. Но он-то знает, что к службе уже не вернётся. Даже если медики разрешат. Командир отделения должен быть здоровым не на сто, а на двести процентов. Его чинили. Это значит, что он уже не тот. Хотя бы потому, что он будет об этом думать. А это не дело.

На штабные должности тоже не хочется. Не его это — перекладывать бумажки. Хотя он ещё подумает. Время есть. Вообще, впервые за все эти годы у него появилось время. Можно, наконец, выспаться. В тишине.

Тут он замер — как человек, который услышал очень тихий шорох. Что-то откликнулось.

— В тишине, — думал он. — Ночью в тишине. Я ночью наслаждаюсь тишиной… — он стал ждать второй строчки.

Песни Саша снова начал писать ещё в Первую Чеченскую. Именно ночами. Подразделение охраняло себя само. Независимо от звания каждый должен был отстоять на посту два часа. Под ночным небом Ханкалы — красивым, звёздным — снова стали приходить слова. Записывать было нечем, он запоминал. И переносил на бумагу уже в казарме, в темноте.

Потом они стали расходиться на кассетах, их переписывали, перепевали другие. Саша даже стал известен как «военный бард» — есть такое направление. Он об этом не задумывался. Ему просто нравилось сочинять. Для себя и для друзей.

— Я ночью наслаждаюсь тишиной — другой награды мне не надо, — нарисовалось в голове. Не хватало одного слова, но Саша не волновался. Оно придёт. Сейчас или позже.

2005 и позже, Москва

Он остался. Сначала — как тренер региональных подразделений спецназа. Потом — стал куратором подразделения Приволжского округа. Потом — занимался созданием спецподразделений в погранвойсках. В отставку ушёл полковником.

Оставался только один неоплаченный долг. Он хотел знать, что случилось с чеченским опером, Русланом, у которого «альфовцы» ночевали когда-то. Он узнал и это — через пятнадцать лет, но узнал.

Цену спокойных ночей, когда рядом не лежит автомат, он выплатил полностью.

Александр Колбанов
Это наша работа

Нас не манят награды, нам не нужно почёта,
Лишь бы мирные только горели огни,
Лишь бы наших друзей не оплакивал кто-то,
Лишь бы матери наши не остались одни.
Пусть метёт за окном и вставать неохота,
Пусть порою нам пот заливает глаза,
Что поделаешь, друг, — это наша работа,
Это наша работа и наша судьба.

Ранним утром и днём, и в дождливую полночь,
Что бы вдруг не стряслось — мы готовы всегда.
Все мы здесь для того, чтоб бандитская сволочь
Не тревожила наших людей никогда.
Если даже в строю не хватает кого-то,
Если наших друзей не вернуть никогда,
Что поделаешь, друг, — это наша работа,
Это наша работа и наша судьба.

Сколько ждёт нас ещё на пути испытаний,
Знать бы нам наперёд, что готовит судьба.
Но пускай будет меньше для жен расставаний,
И пускай ни к кому не приходит беда.
В нашей жизни всегда не хватает чего-то,
Не всегда на нас смотрят любимой глаза.
Что поделаешь, друг, — это наша работа,
Это наша работа и наша судьба.

Пётр Синявский
Нам прикажут — мы исполним
Песня

Мы там, где земля пополам,
Где слышится стон тишины,
Где ценят друзей по делам
И где не глядят на чины.
Мы насмерть стояли не раз
И многим из нас не везло —
Такая работа у нас,
Такое у нас ремесло.

Нам прикажут — мы исполним,
И вернёмся, и наполним.
Да за крест наградной,
Да еще по одной —
За ребят, которых помним.

И снова получен приказ,
И наша задача ясна.
И снова уходит спецназ,
И жёны грустят у окна.
А мы — на переднем краю,
Где пуль ошалелых не счесть.
Спецназ — это доблесть в бою,
Спецназ — это гордость и честь!

Нам прикажут — мы исполним,
И вернёмся, и наполним.
Да за крест наградной,
Да еще по одной —
За ребят, которых помним.

Блинов

2000, июнь. Москва

По выходным к Татьяне ходили молодые мужчины. За знаниями.

Таня работала в Институте Гёте[18]. Немцы платили как типичные немцы — аккуратно и вовремя, но не слишком много. В субботу-воскресенье Татьяна давала уроки немецкого на дому. Язык она знала, учеников чувствовала, учить умела.

В основном к ней обращались те, кто собирался эмигрировать. Врачи, программисты — люди востребованных на Западе профессий. Они были все одинаковыми — хорошо одетыми, с отработанными улыбками и приятными манерами. Старательные, но вечно страдающие от нехватки времени. Привыкшие экономить усилия. И главное — никто из них не любил немецкий язык. Он им был нужен, они им занимались. Но не любили, нет.

Кроме одного.

Его звали Виктор Иванович. На вид ему можно было дать где-то около полтинника. Он отличался размерами — очень высокий худой мужик с жёстким, костистым лицом, будто вырубленным топором. Острый нос, острые скулы, тяжёлый подбородок. Таким Таня представляла себе Кащея. Тело у него было тоже грубым и крепким. И очень сильным. Особенно пугали руки: огромные корявые ручищи. Одевался он или в спортивное, или в камуфляж. Чувствовалось — в этой одежде ему удобно.

У Татьяны он вызывал опасливое любопытство. Человек не соответствовал ни одному из известных ей мужских типажей.

Точно не из офиса. Достаточно было посмотреть на него один раз, чтобы понять — ни с каким офисом этот человек несовместим абсолютно. Не бизнесмен, вот уж точно. И не работяга, нет. В нём было что-то такое, чего в простом рабочем человеке и быть-то не может. Опасная профессия? Может быть, военный? Но зачем тогда ему немецкий?

Фамилия его была Блинов — тёплая, добрая, пахнущая печкой. Но в этом человеке не было ничего тёплого и очень мало доброго. И фамилия его напоминала не о печке. А о железных блинах на штанге.

Учительница пыталась найти подход к странному ученику, что-нибудь выяснить. Ученик оказался абсолютно закрытым и остро-колючим в общении. Он не просто держал дистанцию. Он не позволял сократить её ни на сантиметр.

Зато он был крайне аккуратен. И — главное — немецкий язык он любил. Это было видно.

Появлялся он точно в назначенное время, минута в минуту. В прихожей снимал кроссовки, ставил их у стенки — строго параллельно — и проходил в комнату. После того, как истекало время занятия, он коротко и сухо благодарил, быстро обувался и исчезал.

Когда он только появился, Таня думала, что с языком у него будут трудности. Однако пятидесятилетний ученик заговорил быстро. Что её особенно поразило — усилия, которые он тратил, чтобы выучить правильное произношение. Врачи и программисты этим не заморачивались. Им было нужно, чтобы немцы их понимали, и всё. На совершенствование никто не тратил сил и времени.

Виктор Иванович подходил к делу иначе. Он аккуратнейшим образом делал домашние задания, слова выговаривал чётко и громко. И каждый раз спрашивал, где он ошибся.

Вот и сейчас он старательно декламировал, сдвинув брови, немецкие стихи:

Ob's stürmt oder schneit,
Ob die Sonne uns lacht,
Der Tag glühend heiß
Oder eiskalt die Nacht.
Bestaubt sind die Gesichter,
Doch froh ist unser Sinn…

— Я правильно читаю? — прервался он.

— Всё правильно. Теперь перевод, — ответила Татьяна.

— Данке шон, Татьяна. Я перевел это так: «Штормит ли или идет снег, смеется ли нам солнце, раскаляя день горячо, или холодная ночь. Лица покрылись пылью, но радостны наши чувства…»

— Всё правильно. Разве что eiskalt…

— Я переводил по словарю, — нахмурился Виктор Иванович. — Там указано значение — «холодный».

— Да, но тут корень Eis, лёд. Лучше — «ледяная ночь».

— Ледяная ночь, ледяная, — забормотал Блинов, исправляя свой перевод на листе, справа от немецкого текста.

— Кстати, что это такое? — заинтересовалась учительница. — Какой-то марш тридцатых годов?

— Марш. Сочинён обер-лейтенантом Куртом Виле 25 июня 1933 года. Музыка Адольфа Гофмана, — добавил он.

— Нацистский марш? — поёжилась Татьяна.

— Немецкий, — строго сказал Блинов. — Его и сейчас поют в Бундесвере. Запретили третью строфу, там про Рейх. А вообще —

хорошая солдатская песня. Немцы умеют воевать и сочинять песни.

— Очень интересно, — вежливо сказала Татьяна. — Читайте дальше.

Es braust unser Panzer
Im Sturmwind dahin,

— отчеканил Блинов.

— А это как переведете?

— Едет наш танк в штормовом ветре…

— Проносится, — поправила Татьяна.

— Проносится, — Виктор Иванович склонился над бумагой и опять поправил перевод в своем листе. — Я говорю правильно?

— Правильно, — одобрила учительница. — Вы много думаете о произношении, — одобрила она. — Ученики обычно говорят — меня поняли и ладно, пусть даже я говорю с ошибками.

— Я не терплю ошибок и неточностей, — сказал Блинов очень неприятным голосом. Таким голосом говорят о личных врагах.

1995 год, 14 июня. Москва. Олсуфьевский переулок, база группы «А». Утро

В то утро стояла страшная жара.

С меня сошло семь потов, пока я добрался до Олсуфьевского. Было без десяти восемь. К восьми все сотрудники должны были быть на месте.

Я зашел в ворота и увидел, как новобранец Вася, высокий и здоровенный, — он только пришел к нам, служил вторую неделю, — держал за капот поднятый ИЖ Комби. Из-под ИЖа торчали длинные ноги в камуфляже и берцах.

— Это что такое? — спросил я группу бойцов, куривших и наблюдавших немного в стороне.

— Виктор Иваныч развлекается, — ответил Леха Лосев.

— А-а-а, — сказал я и присоединился к группе наблюдавших за происходящим. Про развлечения Виктора Ивановича я уже был в курсе. ИЖ Комби принадлежал Блинову, и ноги из-под машины торчали, конечно, его.

Блинов не любил вопросов о машине. У него были на это личные причины. Спросить Виктор-Иваныча о его тарантасе означало нарваться на неприятности, которые Блинов причинять ближним умел. Но Вася об этом не знал.

— Доброе утро, Виктор Иванович! — крикнул он в то утро Блинову, склонившемуся над капотом развалюхи.

— Доброе, — пробурчал Иванович недовольно.

— Как ваша машина? — вежливо спросил Вася, не чуя худого.

— Как моя машина… — рассеянно повторил Блинов, оценивающе глядя на Васю. — Вот я смотрю: ты такой здоровый, качаешься. Сколько ты поднимаешь?

— Двести, Виктор Иванович. А что?

— Можешь поднять машину за бампер?

— Попробую, — ответил Вася.

— Попробуй, — сказал Блинов тем же тоном.

Молодой напрягся и поднял.

Виктор Иванович очень быстро лёг под автомобиль, и принялся что-то откручивать.

— Виктор Иванович, вы скоро? — спросил через пару минут Вася, тужась. По лбу его ползли капли пота.

Блинов молчал. Со стороны было видно, что он лежит под капотом и смотрит на часы.

— Виктор Иванович! — крикнул Вася.

Блинов молчал и не шевелился. Именно этот момент я и

застал, когда подошел.

— Поможем? — спросил боец из нашей компашки.

— Воспитательный момент, — тихо объяснил ему другой. — Блинов знает, на что сотрудник годен. Сейчас вылезет.

И точно, Блинов зашевелился и ловко выбрался из-под ИЖа.

Бледный Вася дрожащими руками опустил ИЖ на землю.

— Ну что? Теперь ты понял, как моя машина? — улыбнулся Виктор Иванович, ласково похлопывая Васю по плечу.

Вася не ответил. Он едва стоял на ногах.

— Ты чего к Блинову пристал? — спросил парня один из бойцов, когда тот, еле удерживая равновесие от перенапряжения, проходил мимо.

— Это я к нему пристал? У меня руки до сих пор трясутся, — с возмущением сказал Вася и вытянул руки. Они действительно тряслись, а точнее — ходили ходуном.

— Дурак ты, Вася, — усмехнулся боец. — Виктора Ивановича с утра трогать нельзя.

— Я думал, не выдержу, — признался Василий.

— Это ты зря. Виктор Иванович человек опытный. Видит, на что ты годен. Ему одной тренировки достаточно, чтобы понять. Скажи ещё спасибо, что по печени не дал.

— По печени? — не поверил Вася.

— По печени. А ты как думал? Увернуться от удара боец должен уметь. Блинов ударил. Ты пропустил. Кто виноват?

Парень замер на секунду — видимо, размышляя, верить или нет. Решил всё-таки поверить. Махнул рукой и поковылял в раздевалку.

1995 год, тот же день, несколько позже. Москва. Новодевичий парк

Утром было жарко. Но днём стало гораздо жарче. По самой жаре мы бежали тренировочный кросс.

Мы задыхались. Обливались потом. Наши лица облепила пыль.

Но всё это было терпимо — жара, пыль, пот. Гораздо хуже был Блинов. Именно он в тот день проводил тренировку.

Он бежал рядом — легко и непринуждённо. Его ноги работали как поршни, дыхание было мощным и ровным. Казалось, ему всё равно — стоит он или бежит.

Никто не пытался с ним соперничать. Это было невозможно. Мы все это знали и не пытались. Всё, что мы могли — хоть как-то соответствовать его требованиям.

Блинов был одним из старой гвардии, из первых бойцов «Альфы». В Группу «А» Седьмого управления КГБ СССР Виктор Иванович был зачислен в июне 1978 года. Вместе с Савельевым он брал в Афгане штаб ВВС. Но Савельев с тех пор вырос до начальника штаба, а Блинов остался рядовым бойцом.

Нет, его не затирали. Ему много раз предлагали командирские должности. Блинов неизменно отказывался.

— Я умею руководить только одним человеком — собой, — отвечал он на все предложения.

Это была правда. Собой он умел руководить идеально — но больше никем и ничем. Даже вождение автомобиля доставляло ему настоящие мучения. Блинов был отвратительным водителем. Он вцеплялся в баранку так, будто её сейчас вырвут у него из рук. Любую машину на дороге он воспринимал как опасность, при этом мог обогнать кого-то по встречке. Он всё время попадал в какие-то мелкие аварии. Однажды он въехал в столб, потому что параллельно ехавший водитель как-то не так на него посмотрел. Но дело было, конечно, не в этом. Блинов не мог контролировать машину так, как контролировал собственное тело. Это приводило его в бешенство.

Лучше всего он чувствовал себя в бою — или на тренировке. В спортзале, на стадионе, в любом месте, где он мог тренироваться. Тренировки, физические нагрузки — это было главное и единственное удовольствие Блинова. Во всех остальных отношениях он был аскетом. Само слово «аскеза» на древнегреческом означает «упражнение». Духовное, конечно. Но физические упражнения для Виктора Иванович были и

духовными тоже. Он как бы оставался один на один со своим телом — и становился еще более, чем обычно, молчалив и сосредоточен. Но в такие минуты, как мне кажется, он готовил не только тело, но и дух. Он вел какой-то внутренний диалог с самим собой — неважно, предстоял ответственный бой или была обычная штатная служебная ситуация. Каждый боец знал — во время тренировки Блинова лучше не беспокоить.

Помню, я был в Группе еще совсем недолго, когда мы полетели в командировку на Северный Кавказ. Я вышел в три ночи дежурить во дворе. И услышал в спортзале удары по груше. Пока я стоял, они продолжались.

— А что, там кто-то еще занимается? — спросил я своего сменщика.

— Да это Виктор Иваныч.

— Тренируется? — удивился я.

— Да он может до пяти утра колошматить, — ответил он.

В ту ночь Виктор Иванович колотил по груше до четырех, а потом еще бегал во дворе.

Тренировался он всегда и везде. В девяностые мы часто несли службу на даче Президента, обеспечивали безопасность. Мы приехали вечером и сели ужинать в комендатуре. Видели только, как Виктор Иванович, переодетый в спортивный костюм, убежал на пробежку. Минут через десять пришли местные офицеры.

— Ребята, это не ваш там сотрудник бегает? — спрашивают.

— Наш, а что?

— А вы могли бы ему сказать, чтобы он не бегал? А то он у нас всю сигнализацию задействовал!

— Ребята, хотите — сами говорите, — ответил кто-то из наших.

— А что так?

— Ну вы попробуйте и поймете.

Офицеры вышли.

— Не завидую мужикам, — сказал тогда один из наших. Но Виктор Иванович умел не только тренироваться, но и тренировать. Не руководить, не управлять — а именно тренировать. Жёстко, жестоко, выжимая из нас последние силы. Сколько сил у каждого он знал точно. Обмануть его было невозможно.

Перед началом тренировки он выстроил нас и проорал, что наша подготовка ни к чёрту не годится, а на носу сдача нормативов. Поэтому бежать мы будем двенадцать километров с ускорениями.

Теперь Блинов бежал и покрикивал:

— Ускорились! Ускорились, я сказал! Живее, живее,

шевелитесь!

Мы ускорялись. Он тоже ускорялся — всё так же легко.

Для тренированного бойца — а других среди нас не было — первые километры даются легко. Буксовать мы начали где-то километре на пятом. Это было рановато, но жара и пыль делали своё дело.

Блинов всего этого не замечал.

— Шевелитесь! — кричал он. — Ускорились! Ещё ускорились!

Мы бежали последние километры. Дышать было нечем. Лёгкие горели, сердце разрывалось. Ноги были чугунные — вся кровь прилила к ним. В пустой, обескровленной голове моталась одна мысль — поднять ногу, опустить ногу, повторить.

Двенадцать километров жары, пота, хрипа, пересохшей глотки. И — Блинова.

— На обед заработали, — порадовал нас Виктор Иванович, когда мы финишировали и пытались отдышаться под палящим солнцем.

Возвращались мы из парка на базу по Большой Пироговке. Ноги гудели. Страшно хотелось пить. Ещё лучше — пить и есть.

— Ну, Виктор Иваныч, устроил пробежечку, — сказал я, когда сбитое дыхание, наконец, восстановилось.

— Н-да, суров наш Блинов, — выдохнул Сережа Филяшин.

Я не ответил. Серёжа сказал очевидную вещь. Вода мокра, огонь горяч, Блинов суров. Это слово идеально к нему подходило. Нет, даже не так — он был ходячей иллюстрацией к этому слову. В Подразделении водились монстры, но настолько суров был только он.

— Это что, — включился в разговор Миша. Он пришёл к нам из десантуры и уже успел побывать в разных ситуациях. — Знаете, что он мне устроил?

Мы прислушались. Блинов был мастером стрёмных сюрпризов. Разумеется, он устраивал их с лучшими намерениями. Он пытался хоть немного приблизить нас к своему уровню.

— Я как пришёл в Группу, меня во Владикавказ отправили, — начал Миша. — Про Блинова я не знал. И в первый же день оказался с ним рядом в столовой. Он меня и спрашивает: «Что делать собираешься?» Я так расслабленно ему: «Не знаю, может, по городу пройдусь». А он мне: «Ну, пошли». Я решил, он мне достопримечательности какие-то показать собирается…

— И что? — подбодрил я Мишу. — Показал?

— Показал, — вздохнул боец. — Он меня в спортзал притащил. Я в костюме, мы там охраняли какую-то шишку из правительства. Говорю, я в рубашке с галстуком, после еды, так

не тренируются. А он мне: «Ты, парень, вообще куда пришел? В «Альфе» ты должен быть готов всегда!» Подводит к боксерской груше. «Двигайся, двигайся, уклончики-уклончики, тихонечко-тихонечко». И так — где-то час. Закончили. Он счастливый, глаза блестят. «Всё, — говорит, — хорошо-хорошо-хорошо». Ну хорошо и хорошо. На следующий день иду по дорожке — там садик был, гулять можно. Смотрю, вдалеке стоит Виктор Иванович. Я ему махнул — типа поздоровался. А он мне рукой — мол, подойди. Я подошел, а он полушепотом: «Пошли в спортзал».

— И как? — я уже понимал, что будет дальше, но хотел услышать.

— И так он меня каждый день караулил. И в спортзал таскал. Каждый раз до изнеможения.

— Ты хоть по городу пройтись успел? — спросил Сережа.

Миша невесело засмеялся.

1995 год, 14 июня. Москва. Олсуфьевский переулок, база группы «А», столовая. День

Бойцы сидели в комнате, которую называли столовой. Комната столь высокого звания не заслуживала. У Подразделения «А» не было столовой. Нам её организовали только в 2001 году, уже по месту нового расположения Группы. В этой комнате можно было только погреть еду, принесённую из дома.

Бойцы расселись и каждый достал свою пайку. Виктор Иванович неторопливо вытащил маленькие баночки с капустой и морковкой. Хлеба, мяса и всего такого прочего он не ел.

Блинов вообще не любил еду. И всё с ней связанное. Он не ел, а вводил в организм необходимые вещества. Кулинарию он презирал, как и все остальные человеческие слабости. Когда ему приходилось участвовать в каких-нибудь праздниках желудка, он это терпел, но списывал время как потерянное. После выходных на даче, если его спрашивали: «Ну как выходные провели, Виктор Иваныч?», Блинов бурчал что-то вроде: «Сидели на даче, жрали как свиньи».

Он не любил и людей, связанных с едой. Я слышал про него такую байку. В девяноста первом «Альфа» вошла в структуру Главного управления охраны России, и бойцы ездили на обед в кремлевскую столовку в здании Арсенала. В обеденный перерыв все грузились в автобус и ехали в Кремль. Выгружались веселой толпой в своих синих куртках и брюках — униформе лётно-технического состава. Такой была наша рабочая одежда в то время. Бойцы брали дешевое мясо. Виктор Иваныч выставлял на поднос свои баночки и начинал наполнять их овощами. Он садился и употреблял свои овощи, сосредоточенно и не торопясь. Как бы не чувствуя страстных взоров буфетчиц, которым он нравился. Огромный мужик волновал их приувядшие чувства. Однажды самая смелая — и самая пышногрудая — буфетчица, кокетливо поводя глазками и всем остальным, спросила Блинова, как ему понравился компот. Блинов обернулся и сказал: «Судя по этому компоту, с водопроводом у вас все в порядке». Бойцы вышли из столовой и дружно заржали. В тот день буфетчицы потеряли всякую надежду…

— Где моя ложка? — внезапно рыкнул Блинов.

— Какая ложка? — спросил Сережа Филяшин.

— Ну тут лежала моя ложка. Кто взял?

— Виктор Иваныч, я ее бросил в стакан с ложками. Подумал, валяется бесхозная, — замялся Серёжа.

— Бросил, Сережа? — Блинов подался вперёд. — Эта ложка у меня с Афгана. Как бросил, так давай ищи! — рыкнул он.

Серёжа быстро выковырял ложку из общего стакана, и Виктор Иваныч начал ковыряться в своих баночках, аккуратно держа маленькую вещицу в своей огромной лапе.

— Виктор Иваныч, ну Вы нас измордовали. Случись сейчас что, мы в бой пойти не сможем. Разве что поползем, — пробормотал молодой офицер, с трудом проталкивая слова через набитый рот.

Вообще-то мы были с ним согласны. Но говорить не хотелось. Мы отходили от кросса. Страшно хотелось жрать. И отдыхать. Лучше — в горизонтальном положении. Ещё лучше было бы делать и то и другое одновременно. Но это было невозможно. Природа не предусмотрела, что такое умение человеку может понадобиться. Природа не предусмотрела Блинова.

— Жуй-жуй, глотай, — отреагировал, наконец, Виктор Иванович. — Тебе сколько? Тридцать? В тридцать ты в бой должен идти как новенький после любой нагрузки.

— Виктор Иваныч, а помните деда в Осетии? Того, с ведрами, — сказал Леша Лосев.

— Помню, Леша. Расскажи этому дохлому, чтобы не ныл, — разрешил Блинов.

— Короче, были мы в Осетии, — начал Леха. — Только разместились, выходим, а наши уже турник смастерили. И уже народ стянулся на нас посмотреть. Девчонки местные тоже смотрят. Ну мы и начали выделываться. Подтягиваемся, подъем-переворот, все дела. Вдруг идет мимо дед. Старый, лет семьдесят ему было. Может, больше. С ведрами куда-то идет. И вдруг подходит к турнику. Ведра поставил, за турник схватился и давай подтягиваться. Пять, десять, пятнадцать — дед все тягает и тягает. Мы насчитали тридцать раз. Спрыгнул, молча ведра взял и пошел дальше. Еще походка такая — ковылял.

— Так что для тебя в тридцать двенадцать с ускорениями — это еще по-божески, — подытожил Виктор Иванович — И ты должен быть такого деда по «физике» на голову выше. Потому что у этого деда внутри силища. И он будет жилы рвать, чтобы тебя в бою уничтожить. Потому что дед — кавказец…

Он не договорил. Вбежал дежурный.

Тревога. Захват заложников в здании, численность и вооружение неизвестны. Берём всё штатное вооружение и спецсредства для здания. Выезд через 20 минут.

Мы бросили всё и рванули в ружкомнату. Я успел увидеть, как Виктор Иванович, прежде чем вскочить с места, резким движением сунул свою афганскую ложку во внутренний карман.

1995 год, 14 июня. Москва — Минводы — Будённовск. День

Самолёты бывают разные. Особенно внутри.

Ил-76 устроен так, что может возить и людей, и технику. Когда внутри всё демонтировано, самолёт похож на огромный склад.

Откидных лавочек хватило половине сотрудников. Остальные притулились на мешках или просто на полу.

Так бывает не всегда. Но команда была — лететь всем, кто был на службе в момент тревоги.

Нас было около ста человек. Всё, что мы знали — что террористы захватили заложников в городской больнице Будённовска. Тогда это был мало кому известный городок где-то на юге, точка на карте. Лучше бы он таким и оставался.

Но мы ничего не предполагали. Мы направлялись в Минеральные Воды, откуда должны были перебраться в город.

Нам сообщили, что террористов, по предварительным данным, полторы сотни. Сто пятьдесят вооружённых до зубов террористов и наёмников. Конечно, мы понимали, что на место стянут не только нас. Но столько злодеев ни мы, ни другие подразделения еще не брали.

Часы в самолете никогда не запоминаются. Обычно все неразговорчивы. Самолет, собака, гудит, не поговоришь, да и каждый в себе, старается набраться сил.

В тот день это было особенно важно: мы летели уже вымотанные утренней тренировкой. Вымотанные и не успевшие отдохнуть, поесть, прийти в себя.

Блинов сел рядом со мной и сказал:

— Зря я так гонял. Нагружать можно только на пятьдесят процентов. Всегда может случится бой. Всегда. В любой момент. Сегодня я был не прав.

Он говорил это не мне. Чужое мнение ему в этот момент было безразлично. Он говорил это себе.

В Минеральных водах тоже стояла жара. Не как в Москве, хуже. Какая-то особая духота, будто усиленная висящим в воздухе напряжением. В обмундировании мне казалось, что на улице градусов сорок.

Мы пересели в автобус. Предстояло час добираться до Буденновска. Автобус-развалюха был, наверно, моим ровесником. Мы тряслись по пыльной дороге, мелькали унылые пейзажи, орало радио.

— Hey Jude, don't let me down
You have found her, now go and get her
Remember to let her into your heart
Then you can start to make it better[19], –

романтическим голосом пел Пол Маккартни. Меня раздражала эта песня, этот сладкий голос, она была как-то особенно неуместна здесь и сейчас.

Вдруг мой взгляд упал на Виктора Ивановича, который сидел через проход. Блинов шевелил губами за солистом «Битлз», и попадал в такт.

— Ген, смотри, Иваныч поет «Битлз». По-английски он знает, что ли? — спросил я тихонько Гену Соколова, который сидел рядом со мной.

— Во дает! Хей, Джуд, — улыбнулся Гена, скосив глаза на Виктора Ивановича. — Так он английский знает отлично. Он в институт иностранных языков хотел пойти после школы. Недавно немецкий начал учить.

— Зачем? — не понял я.

— Виктор Иванович у нас эксперт по Второй мировой. Вот и интересуется.

Мы въехали в Буденновск уже в сумерках. На улицах было пустынно, только изредка навстречу проносились машины со спецсигналами.

На тротуарах и проезжей части лежали убитые гражданские.

Внезапно к нашей колонне из трёх автобусов выбежал молоденький милиционер в синей рубашке с перебинтованной головой. На бинте проступали пятна крови, в руке — пистолет Макарова. За ближайшим деревом, тоже с пистолетом, изготовился для отражения очередной атаки его товарищ. Позже мы узнали, что местные силовики были настолько шокированы произошедшим днём, что ещё несколько часов в любом транспорте им виделось подкрепление боевиков. Их, в общем, можно было понять. Тогда мы были одеты кто во что и напоминали больше партизанский отряд. Импортные материалы тогда были нам не по карману.

Быстро успокоили местных милиционеров, отдав должное их мужеству (или безрассудству). После того, сколько бандиты покрошили людей, бросаться на полные автобусы с голыми руками требовало отваги.

Мы подъехали к зданию РОВД. Стены были в крови.

Именно там начался захват заложников и расстрелы — боевики зашли в отделение и расстреливали всех, кто попадался

на пути. Многих спасло, что именно в тот момент они ушли на перерыв обедать. Другим повезло меньше. Бандиты прибыли к зданию РОВД на двух «КамАЗах» и «ВАЗе» и сразу открыли огонь. Они положили несколько сотрудников милиции. Расстреляли в упор адвоката, выходящего из здания. Потом ворвались в помещения и стреляли по обычным людям в коридорах и по дверям кабинетов. В фойе перед дежурной частью они расстреляли женщину, принёсшую в отдел передачу арестованному сыну.

Бандитам было всё равно, кого убивать. Они убивали всех, кого могли. Им нужен был эффект.

Надо отдать должное местным милиционерам — им удалось положить нескольких нападавших. Потом их тела сложили во дворе. Именно в этой куче трупов я впервые увидал арабских наёмников.

Но как бы не сопротивлялись милиционеры, боевиков было больше и на их стороне был эффект внезапности. Бой продолжался минут пятнадцать. После чего бандиты, уходя, увели с собой работников паспортно-визовой службы, буфетчиц, и просто людей, пришедших в райотдел.

В разгромленном РОВД нас сориентировали по цифрам — около двухсот террористов и почти две тысячи заложников.

— Две тысячи?! — не поверил кто-то из наших.

— Сгоняли людей отовсюду, — ответили местные силовики. — Отсюда, с центральной площади. Врывались в дома и квартиры и оттуда волокли людей в общую колонну.

— А трупы на улице? — спросил наш боец.

— Это те, кто пытался сбежать из колонны. Ну и просто случайных людей убивали, когда в город вошли. Поливали по всем подряд.

— Басаев? — спросил кто-то из наших.

— Он.

Мы включились в работу — выставили посты наблюдения, оцепление. Часть бойцов пошла на разведку.

Поздно ночью нас разместили на центральной площади города. Крыши над головой для нас не нашлось. Мы улеглись на бронежилеты на улице.

— Я пробегусь, — вдруг сказал Виктор Иванович.

Мы не удивились: все знали о его всепоглощающей страсти к постоянным тренировкам. Хотя и не ожидали, что он будет тренироваться сейчас и здесь. Но он не хотел упускать такой возможности.

Минута — и он уже скрылся за домами.

15 июня 1995 года, Буденновск. Утро

Следующее утро было таким же жарким. Хотелось есть. Несколько бойцов пошли в магазин, но вернулись только с буханками хлеба. Все магазины в городе были закрыты. Продавали только хлеб с машин.

Мы быстро съели хлеб и пошли к больнице, где удерживались заложники. Нужно было оценить расположение зданий больницы, посмотреть, какая видимость вокруг. Утром нас обещали снабдить аэрофотосъемкой, но ее все еще не было.

По городу туда-сюда ездили грузовики с гробами. В кузовах, рядом с гробами, сидели люди. Они хоронили тех, кого расстреляли вчера.

— Эти гады везли в кузовах пустые гробы. На блокпосте сказали, что везут «двухсотых». Циничные твари, — сказал кто-то из бойцов.

Мы зашли на территорию больницы. В ней было очень много корпусов. Но было понятно, что боевики засели в главном здании. Есть ли их наблюдатели в других корпусах — неизвестно. Обошли больницу вокруг. Как назло, только жиденькие деревца и кустики, в случае штурма укрыться негде.

— Похоже, пойдем как пушечное мясо, — заметил кто-то из наших.

Он не был трусом, этот боец. Это была трезвая оценка ситуации.

Храбрецы, впрочем, появились. Так бывает каждый раз — появляются храбрецы. Один, поддатый, подошел к Блинову:

— Я спецназовец. Я знаю, как проникнуть в больницу, у меня есть план по выводу заложников. Пустите через оцепление?

Виктор Иванович осматривал местность. Не отвлекаясь, даже не взглянув на человека, ответил:

— Брат. Хочешь — иди. Будешь как дырявый носок.

В этот момент рядом оказался журналист — они смело лазали вокруг в поисках сенсации — и обратился к Виктору Ивановичу:

— Простите, а Вы кто?

На этот раз Виктор Иваныч повернул голову. Смерил журналиста взглядом и буркнул:

— Капитан Пауэр. И солдаты будущего.[20]

16 июня 1995 года, Буденновск. Вечер

День прошёл в подготовке к штурму. Точнее, в раздумьях о штурме. Группа делала всё от неё зависящее, чтобы раздобыть информацию по больнице. Информации не хватало. А которая была, указывала, что мы не сможем провести операцию имеющимися силами.

Утром предстоял бой. Который — мы это прекрасно понимали — для кого-то станет последним.

Мы пытались хотя бы отдохнуть. Получалось плохо. Мы нервничали, не спали, много ели. Местные несли нам еду, какая была — колбасу, картошку, сладкий лимонад местного производства. Около пяти-шести вечера нам привезли горячую пищу — тушёную картошку с мясом. Всё это мы съели так же быстро.

И какое же моё было удивление, когда по возвращению в Москву я обнаружил потерю восьми килограммов веса! Но это было потом. А тогда мы ели как в последний раз. Для кого-то — и вправду в последний.

К исходу вторых суток нас сняли из оцепления больницы и разместили в здании какого-то интерната. Нам было всё равно. Мы уже привыкли, что вблизи мест, где происходят теракты, не бывает пятизвёздочных отелей.

Местные жители несли нам еду. Несли все, что у них было. И это при том, что в городе, как я уже говорил, были закрыты все магазины, и что будет дальше, сколько это продлится, никто из жителей не знал.

— Поешьте, сынки, силы вам нужны, — сказала подошедшая к нам старушка. Она принесла молоко, хлеб и сосиски.

— Спасибо, мать, — сказал ей Блинов.

— Виктор Иваныч, держи, — боец протянул Блинову сосиску и хлеб.

— Я это не ем. Ешь сам, — отказался Блинов.

— Виктор Иваныч, не время привередничать, — сказал боец.

— У меня система, — жестко отрезал Блинов.

Ближе к ночи мы все собрались на обсуждение плана штурма. Нам показали аэрофотосъёмку здания. Начальник отдела посмотрел на неё и сказал:

— Аэрофотосъемка бестолковая. Кроны деревьев не дают увидеть никакую картину. Плана корпусов больницы тоже нет, а постройка очень непростая. Корпусов много и стоят замысловато. Вокруг лысо, поэтому мы будем у террористов как на ладони. Но взять их все равно надо. Берете светозвуковые гранаты и

лестницы. Задача — добраться до здания и проникнуть внутрь. Выбиваете окна. Лестницы вам в помощь.

— Александр Михайлович, а если на первом этаже будут решетки, что делать? — спросил Гена Соколов.

— Соколов, ты чё, сука, самый умный? Действовать по обстановке.

Командир понимал, что посылает людей на смерть. И что их смерть будет бесполезной. Взять штурмом больницу было просто невозможно. Но у него не было выбора. У нас тоже.

Блинов тогда ударил кулаком по бронежилету, но ничего не сказал. Просто встал и ушёл.

Мы вернулись в здание школы-интерната — выспаться перед боем. Долго таскали кровати, которые только привезли. Улеглись, но свет сразу не потушили.

Бойцы разговаривали — уснуть перед боем непросто, хотя и очень нужно.

Виктор Иванович ни с кем не разговаривал. Он достал какую-то толстую книгу и углубился в чтение.

— Гена, что Иваныч читает? — спросил я Соколова.

— Лех, я не рискну спросить, он на бой настраивается. Сейчас потихоньку гляну, — ответил он. С Блиновым Гена был в хороших отношениях — настолько хороших, насколько это было возможно с Блиновым.

Он осторожно заглянул Иванычу через плечо.

— Это Библия, — тихо сказал он мне. — Ну то есть Новый Завет. На трех языках — русском, английском и немецком. Виктор Иванович ее с собой возит. Хоть и тяжёлая.

Блинов читал, переворачивая страницы туда-сюда — видимо, читал по очереди на трех языках.

Бойцы тем временем разговаривали:

— Шансов мало, — говорил один.

— Провальная операция, — вторил другой.

— Задание есть, и мы будем его выполнять, — вдруг сказал Виктор Иванович.

— Будем, конечно, но смысла нет, — ответил первый боец.

— Думай о выполнении боевого задания и о тех, с кем идешь в бой. Этого достаточно, — отрезал Блинов.

— О тех, с кем в бой? — переспросил боец.

— Не предай. Не подставь ни в бою, ни после боя, — сказал Виктор Иванович.

— Виктор Иванович, Вы чего? Такого у нас не бывает.

— Мы не одни идем. Будет ещё «Вега» и СОБР, — сказал Блинов.

— К чему это ты, Виктор Иваныч? — снова спросил кто-то из

бойцов.

Но тут Анатолий Николаевич сделал ему знак — утихни, не сейчас.

Виктор Иванович снова уткнулся в Библию.

Тогда я ничего не понял. Кроме того, что сейчас действительно лучше ничего не спрашивать.

И только потом Анатолий Николаевич Савельев рассказал мне одну историю. Которую он слышал от жены Блинова, а она поведала ему.

Это случилась незадолго до Буденновска. И сильно задело Виктора Ивановича.

1994 год. Чечня

— Саня, ты чего? — крикнул Виктор Иванович, подбегая к армейцу, который согнулся и упал на землю.

— Виктор Иванович, задело, — ответил тот, держась за живот.

Стреляя, вдалеке бежали несколько чеченцев. Звуки от выстрелов были почти не слышны. Казалось, их сносило ветром.

— Саня, ты ранен, — сказал Виктор Иванович, осмотрев бойца. — Сейчас.

Их было всего двое — Виктор Иванович и раненый Саня. Они были направлены в разведку в горы и нарвались на боевиков.

— Приём, приём, у меня раненый, ранение тяжелое, передаю координаты, — кричал Виктор Иванович в рацию.

— Прием, вас слышим. Координаты приняты. Слишком большая высота, мы вас оттуда не достанем. Спуститесь ниже. Диктую ближайшие координаты высоты, — ответил вертолетчик.

— Парень ранен, какое спуститесь ниже! Это займет сорок минут, — прорычал в рацию Блинов.

— Повторяю, мы туда не поднимемся, спускайтесь, — прозвучало в рации.

Бойцы — люди простые. Некоторые, что называется, разговаривают матом. Виктор Иванович был человеком культурным и матом не разговаривал — только ругался. Сейчас был именно такой случай — просто не было других слов.

— Б*я… Саня, держись.

Виктор Иванович взвалил напарника на себя и пошел. Как обычно — уверенно и быстро.

— Долго еще, Виктор Иванович? — сказал негромко Саня. Ему было совсем худо.

— Минут двадцать, — ответил Блинов. Он шел все так же быстро и уверенно. Шансы спасти парня были. Пуля попала куда-то в область желудка. Скверная рана, но таких вытаскивают. Главное — успеть.

— Красиво-то как, Виктор Иванович. Я сегодня восход видел. Первый раз так рано проснулся, вышел, а там такое, — говорил Саня, чтобы заглушить боль. — В Москве такое не увидишь — здесь ты будто выше, чем солнце. Пока оно поднимается, ты наверху, а солнце внизу…

— Да, Саня, так и есть, — отвечал Виктор Иванович. — Так оно и есть. Держись, Саня.

Блинов протащил бойца сорок минут, пока они достигли нужной высоты.

— Приём, мы на условленной высоте, вы где? — вышел на связь с вертолетчиками Блинов. — Прием!

— Приём, будем у вас через полтора часа, — ответили в рации.

— Бл*, вы чё, о*уели?! Какие полтора часа? — взревел Виктор Иванович. — У парня пулевое ранение в живот! Вылетайте сейчас же! — кричал в рацию Виктор Иванович.

— У нас обед — с двух до трех. Раньше трех не вылетим, — ответил голос.

— Вы совсем *****?! Поднимай машину в воздух! Бойца нужно в госпиталь! — кричал Блинов.

Ответа не было.

— Что у них, обед? — переспросил Саня.

— Обед, — взревел Виктор Иванович.

— Обед, — сказал Саня и заулыбался. Он лежал на земле и смотрел в небо.

Виктор Иванович орал и матерился в рацию. Вертолётчики не отвечали. У них был обед, они кушали.

Боец умер через пятьдесят минут. Что происходило эти пятьдесят минут, о чем говорили Виктор Иванович и Саня, Блинов не рассказывал никому.

Вертолетчики, покушав, всё-таки прилетели, но никого не нашли. Тело Сани Виктор Иванович дотащил на себе до лагеря, который был в десяти километрах.

17 июня 1995 года, Буденновск. Ночь — утро

Было два тридцать ночи, когда мы выстроились на площадке. Поспать так и не удалось — только потушили свет, начали поступать команды на доукомплектование боеприпасами. Спали в итоге полчаса.

— Виктор Иваныч! Подкинь патрончиков! — шутканул Сережа Филяшин.

— Не тот момент, чтобы патронами делиться, — наставительно сказал Блинов, заряжая оружие, но отсыпал горсть.

— Это все? — сказал Гена Соколов, осмотрев наше жидкое построение.

Вопрос был резонным. На штурм больницы с двумя сотнями террористов и двумя тысячами заложников шла неполная сотня бойцов. А по правилам ведения боя перевес со стороны штурмующих должен быть трехкратный, а лучше четырехкратный.

Моя боевая тройка двигалась на точку, определенную командиром на аэрофотосъемке — к фасаду больницы, где центральный вход.

Мы пошли — провожатый, командир и я с пулеметом. Я понимал, что мы идём не в ту сторону. Топографию я знал и был в этом уверен. Но я молчал. Мне не хотелось, чтобы обо мне говорили — дескать, струсил и не хочет выходить на точку.

Мы всё-таки вышли к больнице. Правда, с другой стороны. Что в итоге и спасло нам жизнь. С этой стороны у здания больницы оказались укрытия — морг и котельная. И как только мы вышли из-за них, чтобы рвануть к окнам больницы, басаевцы окатили нас проливным дождём из свинца. Стало понятно, что все подходы были заранее пристреляны бандитами. Мы успели спрятаться за котельной.

Тут до меня дошло, что точке на карте соответствовало место на пустыре. К укрытию мы вышли только благодаря ошибке провожатого. Скажи я ему, что идём не туда — мы бы взяли «правильный» курс и вышли на пустырь, где нет укрытий. И нас бы уже не было в живых.

Мы укрылись за стеной котельной. Из окон можно было прицельно стрелять и подавлять огневые точки противника. Это давало хоть какой-то шанс.

Штурм начался в четыре утра.

Басаевцы за полтора часа уже знали, что мы пойдем —

перехватили переговоры на открытой частоте. Армейцы тоже отличились — за час до боя стали прогревать технику. Здесь и дурак догадается, что будет штурм.

В первые же секунды боя началось что-то невообразимое.

Плотность огня была такова, что деревья в момент становились голыми. Листва осыпалась как бумага, порезанная на тысячи кусочков. Террористы были вооружены пулеметами и гранатометами, и один басаевский «виртуоз», как сейчас помню, отбивал очередями кричалку фанатов «Спартака»: та, та, та-та-та! А у нас были автоматы. В окнах боевики поставили заложников, используя их как живой щит. Нам было запрещено применять крупнокалиберные пулеметы, чтобы не пострадали невинные люди.

У меня был пулемёт Калашникова, самовольно взятый с собой. Но палить из него очередями в сторону больницы я не мог — пострадали бы заложники. Только прицельно, только одиночными.

В это время наши ребята брали корпуса больницы. До последнего было неизвестно, есть там чеченцы или нет. Ворвались в инфекционное и травматологическое отделения, но нашли только пустые койки и тарелки с остывшей едой. Стало ясно, что всех заложников согнали в главный корпус. А на улице продолжалась мясорубка, плотность огня чеченцев была страшная.

Уже было понятно, что атака захлебнулась. Трое двухсотых и несколько раненых бойцов лежали под огнём. Выбраться самим у них не было шансов. С этого момента эвакуация с поля боя наших ребят стала основной задачей.

Вдруг я увидел бегущую фигуру. Боец сделал бросок к окнам больницы. По нему поливали свинцом из окон. Но он продолжал бежать.

— Твою мать! — вырвалось у меня.

Это был Виктор Иванович.

Как рассказывал потом Сережа Филяшин, который шел в одной с Блиновым боевой тройке, они начали движение вместе, но Виктор Иванович рванул вперед напролом и его потеряли из виду.

Для него штурм не был кончен. Он пошёл в атаку один.

Блинов добежал до больницы, до Главного корпуса. Потом выяснилось — он был одним из трёх, кто вообще смог до него добраться.

Блинов подобрался с торца, с угла. Там была небольшая мёртвая зона. Достать его свинцом было нельзя.

Тут я увидел, как из окна полетела граната. Потом вторая,

третья. Блинов ловил гранаты руками и забрасывал их обратно в окна.

Но долго это продолжаться не могло. Блинов не мог войти в корпус, а помочь ему было некому. Мы тоже не могли. У нас было задание — вытащить с поля боя, раненного в ногу Фёдора Литвинчука.

Он лежал перед нами рядом со своим напарником Андреем Руденко. Федю мы звали «форточник» — он был небольшого роста, как раз для проникновения в пилотскую кабину воздушного судна. А вот у Андрея был позывной «Ломоносов», за богатырское телосложение, русую шевелюру и голубые глаза, как у великого русского учёного. Оба находились в пяти метрах от нас, за маленькой кучей песка. Но пройти эти пять метров и остаться в живых не было никакой возможности. Только с третьей попытки, на исходе четвёртого часа боя, нам удалось их вытащить из-под огня.

В рации вдруг захрипело:

— Соколов «двухсотый».

Дальше другие фамилии и слова «трехсотый», «двухсотый», но их я уже плохо слышал. Мой друг Генка Соколов погиб.

Тогда я не смог взять себя в руки, у меня все поплыло. Я сел и пытался дышать ровно, но получалось плохо.

— Блинов «трехсотый», — услышал я как сквозь вату. «Значит, Виктора Ивановича всё-таки зацепило», — подумал я. Но «трехсотый» казалось нам ерундой по сравнению со страшным «двухсотый». Смерть Гены — это меня, что называется, «накрыло».

Дальнейшее я помню плохо. Если честно — мне было уже почти всё равно.

Помню, я полез на крышу морга. Я хотел погасить точку противника огнём. Мне мешали деревья, я пытался вылезти на плато. Почти залез, как кто-то снизу дёрнул меня за ноги. Им оказался Саша Автаев.

— Ты чё, совсем? Ляжешь на эту крышу, одной минуты не проживёшь, — орал он на меня, возвращая в реальность.

Я ему за это по гроб жизни благодарен. Он спас меня от верной смерти. Но тогда я это не очень понимал.

Дальше вспоминаю себя у Главного корпуса больницы. С двадцати пяти метров я видел в прицел смертельный ужас на лице заложника. Террорист прятался за ним, за его телом, держа свою голову за головой своей жертвы. Я не мог выстрелить.

У меня появилась идея — стрелять чуть выше окон, в перекрытия. Посыпется штукатурка, заложники пригнутся, террористы на секунду останутся без живого щита. Тут снайперы откроют огонь на поражение.

Офицер Олег Ишанов зарядил из «мухи» по перекрытиям. Он стрелял из помещения. Для этого нужно было быть отморозком — за спиной гранатомётчика должно быть 15–20 метров свободного пространства для огневого хвоста заряда, иначе можно сгореть. Но Ишанов не боялся. У него отсутствовала реакция на опасность.

К сожалению, рисковал он зря. Из нашей затеи ничего не вышло — поднялось такое облако штукатурки, что ни мы, ни снайперы ничего не видели.

В трёхстах метрах в оцеплении были мотострелки. Они начали стрелять в сторону больницы на звук боя — то есть нам в спины. В какой-то момент они вдарили в окно прямо над нами. И почти зацепили группу Савельева.

— Не с-сюда, не сюда! — кричал Анатолий Николаевич.

А перед нами лежало два раненых бойца. Которых нужно было вытащить.

От последующего в памяти остались отдельные кадры. Например, сгоревшие бронемашины, одна с экипажем и тыловым майором.[21] Первая подбитая БМП перекрыла нам выход из котельной. Где-то час бабахало как при Сталинграде. Олег сказал, что стены могут обрушиться. И правда, здание несколько раз подпрыгнуло. Хорошо раньше строили, а то бы нас там всех завалило.

Бой закончился около девяти утра. Я тогда стоял у здания морга. Понял, что всё закончилось, потому что стало тихо.

Мне не хотелось никуда идти. Я не хотел видеть мертвого Гену.

Из морга вышел наш боец с кружкой.

— Что пьешь? — спросил его кто-то.

— Морс какой-то, там стоял, — ответил он и показал на морг.

Другой наш боец лежал на носилках у морга — отдыхал. Носилки были в крови.

Уже было глупо торчать у морга, и я пошел к своим. С фасада больница выглядела ужасающе — разбитые окна, из которых висели белые простыни, одна из них с надписью чем-то красным: «Не стреляйте».

Я подходил к нашим, когда меня кто-то схватил сзади. Я обернулся. Гена! Живой!

— Лёха, ты чего? — спросил Гена, когда увидел мои слезы.

— Ничего-ничего, — ответил я и обнял его.

Ошибка передающего или я просто ослышался? Потом я узнал, что по рации говорили: «Соловов «двухсотый». Это был майор Владимир Соловов. Ошибиться может каждый. Но тогда я ругал себя, что дал волю эмоциям, весь бой думал о гибели друга, а мог и должен был быть более собранным и толковым. Но

заведомая безнадежность этого штурма снимала с меня часть вины. Никто на моём месте не сделал бы ничего.

После завершения спецоперации на вылет в Москву собрались оставшиеся в живых. Мы грузили раненых. Виктор Иванович тоже был ранен, но не тяжело, и мог передвигаться самостоятельно.

Вдруг ребята из СОБРа начали дружно нам хлопать и аплодировать. Но мы не хотели этих аплодисментов. Мы не выполнили задачу. Никто бы её не выполнил, но сейчас это были мы.

Мы молча ныряли в самолет.

— Витя, ну т-ты как? — рядом с Блиновым сидел Анатолий Николаевич Савельев.

— Да что я. Жив, — ответил Виктор Иванович.

— Ты больной что ли — т-так б-бегать, когда чехи п-поливали без остановки? Ты в-вообще помнишь, что ты гранаты ру-уками ловил, как в цирке? Я удивлен, что ты не-е в цинковом г-гробу.

— Отстань, Толя, — сказал Блинов.

— В-воды хочешь? — спросил Савельев.

— Одно я хочу — поселиться в доме в глухом лесу, чтобы скотство не видеть. Человек мерзкая тварь.

— В-витя, в лесу м-медведи приходят.

— Пусть приходят. Они лучше людей.

— Витя, они б-боевики, они нелюди. Мне что ли тебе ра-ассказывать.

Я не слышал этого разговора. Мне рассказал Алексей Лосев, который сидел рядом и слышал Блинова. Тот говорил Савельеву:

— У меня на первом этаже пьяница живет одноногий. Ну такой, бомжеватого вида, спившийся уже, на протезе, — начал рассказывать Виктор Иванович. — По социалке ему квартиру на первом этаже дали. Пьет и ведет аморальный образ жизни. Я пошел за хлебом, сетку взял, купил хлеб и иду обратно. Смотрю, он стоит перед подъездом и не может подняться. В таком грязном заблеванном плаще. Я думаю, надо помочь. Подхожу, взял его за локоток и пытаюсь поднять, но что-то мешает. Я дергаю, а он не поднимается, я сильнее. Тогда он начал орать. Думаю, ну орет просто потому что пьяный, по дури. Я еще сильнее — он орет. У меня хлеб уже болтается в сетке, о его плащ трется — я выбросил потом эту буханку. Я все дергаю и дергаю, а он орет. А потом смотрю — у него протезы попали под ступеньку, и ему реально больно. Вот так же и мы в этом Буденновске, Толя. Вот и мы здесь так же.

Потом мы узнали, что ещё дёшево отделались. Подразделение потеряло троих — майора Владимира Соловова

(это его фамилию я спутал с фамилией Соколова), лейтенантов Дмитрия Рябинкина и Дмитрия Бурдяева. Помимо трех погибших каждый четвертый участник штурма был ранен.

За смерть бойцов Савельев просил прощения у их родителей. А потом рассказал нам, что руководство в оперативном штабе предполагало, что при штурме погибнет восемьдесят пять процентов личного состава Управления.

Но платить пришлось по-другому. Пришлось пойти на переговоры с террористами и выполнять их требования. Шамиль Басаев выступил по CNN, прославился на весь мир и сумел отойти — с потерями, но сумел — на чеченскую территорию.

В самом Буденновске погибло 129 человек, 415 были ранены, у тысяч было психическое потрясение. Мы — все, кто участвовал в штурме — были морально подавлены.

Потом был Хасавюрт, независимость Ичкерии, вторжение Басаева и Хаттаба в Дагестан летом 1999 года, потом «Норд-Ост» и Беслан… А началось всё здесь, у больничного корпуса.

Спустя пять лет я с Геной и Серёжей Филяшиным впервые после боя прилетели в Будённовск, чтобы побывать у больницы. Тогда бытовало мнение, что местные восприняли участие спецназа в тех страшных событиях неоднозначно. Но нас тянуло — и мы поехали.

Мы обошли места гибели ребят, помянули. Затем подошли к дому, откуда ещё сутки после штурма мы наблюдали за происходящим в больнице и ждали прорыва боевиков. Дом тогда только строился, был без окон и дверей. Тогда нам повезло. Серёжке Таланову вражеский снайпер в мясо разнёс магазин на винтовке. Пять сантиметров в сторону или не столь удачный рикошет — и гробов было бы больше. Разорванный магазин сейчас занимает почётное место в музее Управления.

Теперь дом был достроен. Заметив нас, вышел хозяин. Узнав, кто мы такие, практически силой затащил нас в гости, представил домочадцам. И удерживал нас до самого обратного рейса.

Никто из нас не забудет Будённовск. Никогда.

2000, июнь. Москва

— Я не терплю ошибок и неточностей, — сказал Блинов очень неприятным голосом. — И жену поправляю, — тут он немного смягчился.

— Вы с женой по-немецки говорите? — удивилась Татьяна.

— Нет. Она что-то запоминает, когда я в машине Ваши уроки слушаю.

— И потом что? Вместе учите? — не отставала Татьяна. Загадочный ученик чуть-чуть приоткрылся, и ей хотелось разглядеть как можно больше.

— Ну как учим. Сидим, например, ужинаем. Она за конфетой тянется. Я ей говорю: «Как название этой конфеты по-немецки?» Она мне: «Роткапхен[22]».

— Роткэпхен, — поправила Татьяна.

— Вот и я ей говорю: «Произноси правильно. Роткэпхен». Она мне: «Не придирайся».

— А Вы что? Пока правильно не сказала, конфет ей не дали? Сурово, — не удержалась Татьяна.

Блинов не ответил.

— Простите, — учительница всё-таки набралась смелости. — Но зачем Вам немецкий? По работе?

— Я пенсионер, — сказал пожилой ученик. — С девяноста девятого.

— А какая у вас была работа? — осмелилась Татьяна.

— Хорошая работа, — ответил Блинов. — Очень хорошая работа. Я хотел бы и дальше работать. Но меня отправили… на вольные хлеба, — подобрал он выражение. — А немецкий я просто люблю. Есть в этом языке сила, мощь. Я всю жизнь собирался его выучить. Ну вот, дождался… Я пойду, время, — закончил он, снова становясь холодным и недобрым.

Он распрощался и отправился домой.

По дороге он думал о работе. На самом деле ему было чем заняться — как и любому бойцу его уровня. Ещё в девяностые многие из «Альфы» стали заниматься охранной деятельностью. Не от хорошей жизни. В Группе «А», как и практически во всех силовых структурах в начале девяностых, перестали вовремя платить зарплату — и без того крохотную. Когда же зарплата все же доходила до получателя, то инфляция уже превращала её в пыль. Бойцы уходили, и недобор в элитное спецподразделение был сорок процентов. А ветераны становились бизнесменами, налаживали бизнес. Виктор Иванович не рвал с ними отношения, но жизнь их не понимал и не принимал. Деньги он презирал —

как и все прочие блага. «Мне хватает», — неизменно говорил он, когда в девяностые его пытались сманить в какую-нибудь бизнес-структуру.

Впрочем, от работы он не отказывался — например, в охране. Не только потому, что ему всё-таки не хватало. Но и потому, что это было хоть какое-то подобие настоящей работы. Всё лучше, чем тихо гнить на даче…

— Витя, привет, — сказала входящему в двери мужу Наталья Михайловна, жена Блинова.

Виктор Иванович посмотрел на неё как на пустое место, молча кивнул и прошел в комнату.

— Все дуешься? Ну сколько можно, Вить!

— Мамуся, не приставай.

— Вить, ну заснула и заснула. Уставшая была. Хочешь, снова включим?

Неделю назад, тоже в субботу, Виктор Иванович предложил жене посмотреть фильм.

— Только давай что-нибудь легкое, ладно? — попросила она мужа.

Виктор Иванович молча включил телевизор, поставил диск в DVD-плеер. На экране появилось название фильма: «Дикие гуси».

Этот фильм Блинов просматривал регулярно. Наталья Михайловна сбилась со счёта, сколько раз она его смотрела. Но спорить с мужем по такому поводу было невозможно. Наталья Михайловна вздохнула, села в кресло — и через пять минут уже спала.

В тот вечер Виктор Иванович съехал на дачу.

— Это неуважение — засыпать на таком фильме, — сказал он, выходя из квартиры.

Целую неделю не выходил на связь, но Наталья Михайловна знала — пройдет. Вернется как ни в чем не бывало.

Они очень хорошо знали и понимали друг друга. Их отношения были, что называется, проверенными. Не раз и не два.

Однажды Блинову довелось охранять английского бизнесмена. Как-то в лимузине они разговорились. Оказалось, что Блинов неплохо владеет английским языком. Виктор Иванович англичанину понравился, и тот предложил ему возглавить свою службу безопасности в Лондоне.

— Мамуся, меня позвали работать в Англию. В Лондон хочешь? — спросил тогда Блинов жену.

— Что, папуся, ты мелешь?

— Я серьезно. Месячная зарплата такая, что мы за год с тобой не видели. Жилье, автомобиль. Правда, с правым рулем. Хочешь?

— Витя, если не шутишь, то… не знаю даже, а ты?

— Я — нет.

— Ну, о чем тогда говорить. Тогда, конечно, нет.

— Так, мамуся, проверка.

Ни в какой Лондон они не поехали. Виктор Иванович продолжал жить в своей скромной квартире, ездить на русском автомобиле и общаться с очень узким кругом давних знакомых, проверенных бойцов. Это его устраивало… ну, почти.

— Папусь, я творог вкусный купила, деревенский, быстро на кухню! — весело крикнула она, радуясь, что упрямый супруг вернулся и теперь всё снова будет хорошо.

— Позже, — сказал Виктор Иванович и прошел в комнату.

Просто обставленная мебелью семидесятых, она служила ему спортзалом — пол застелен двумя коврами для отжиманий — и библиотекой. На полках — книги о Второй мировой, истории России, Гитлере, Рейхе, боевых искусствах. О всём том, чем он жил — и тогда, и сейчас.

Он сел на стул, поставил на старый проигрыватель пластинку и включил его. Раздалось шипение — пластинка была не новая. Сквозь помехи загремел немецкий марш. Мёртвый немец пел о воинском счастье.

Und läßt uns im Stich
Einst das treulose Glück,
Und kehren wir nicht mehr zur Heimat zurück,
Trifft uns die Todeskugel,
Ruft uns das Schicksal ab,
Ja, Schicksal ab,
Dann wird uns der Panzer
Ein ehernes Grab. [23]

— Ein ehernes Grab, — шевелил губами Виктор Иванович.

Сторона пластинки закончилась, иголка щелкнула. Виктор Иванович сидел неподвижно. Он видел немецкий танк, оставшийся там, в жёлтых песках.

Потом вспомнил, что нужно помириться с женой.

— Мамуся, давай «Диких гусей» смотреть, — крикнул он ей на кухню.

Они устроились у телевизора. Наталья Михайловна сняла фартук, обняла мужа и села в то самое кресло, в котором так неосторожно заснула.

«Диких Гусей» она смотрела регулярно. Сколько раз этот фильм пересматривал Блинов — в одиночку на даче — она не знала.

На экране бойцы английского элитного спецподразделения в

отставке, уже старики, собирались вместе, чтобы тряхнуть стариной — отправиться в Африку в опаснейшую операцию. Англичанин, похожий на Витю как две капли воды, тренировал отряд спецназа, переброшенный в Африку.

— Папуся, ну копия ты этот актер, — сказала жена мужу. Тот улыбнулся — что с ним бывало редко.

Он смотрел на экран не отрываясь. Некоторые фразы он проговаривал вместе с героями.

— Тоскую я, мамуся, — вдруг сказал он.

Супруга вздохнула. Она прекрасно знала, о чём он тоскует.

— Витя, даже не начинай, — твёрдо сказала она. — Хватит, навоевался. Всю жизнь тебя ждала. Ваня на мне, дача на мне. Всё. Смирись, что ты пенсионер. Обо мне тоже немного подумай.

— Я думаю, мамуся, — рассеянно ответил он. — Я именно думаю.

2017, февраль. Сирия

Виктор Иванович зашел на кухню, где сидела жена. На нем были гимнастерка, брюки, пилотка и кирзовые сапоги.

— Здрасти. Картина «Вернулся солдат с фронта». Ты что, опять в военном магазине был? — спросила Наталья Михайловна.

— Наташка, мне идет?

— Да не то слово. Подожди, сфотаю.

— Не надо.

— Подожди, говорю, — Наталья Михайловна ушла за фотоаппаратом.

Виктор Иванович подошел к зеркалу и поправил пилотку. Из зеркала смотрел старый суровый воин.

На пенсии Блинов всё-таки не сгнил. О нём вспомнили. В том числе о его тренерских талантах. И предложили тренировать бойцов «Витязя».

Блинов не подвёл. Он выходил на спарринг с тридцатилетними — и бил точно в печень. А в 2011-м, когда ему было шестьдесят один, через двенадцать лет пенсии, он сдал норматив на «краповый берет». У него были проблемы со спиной и с ногами. Но когда было нужно, он отодвигал их в сторону. Управлять собой и своим телом он умел.

Супруга вышла с фотиком.

— Давай, папуся, прими позу, — сказала жена и прицелилась «мыльницей».

Блинов стоял, браво выгнув грудь. — Наташа, я через три дня уезжаю.

Наталья Михайловна растерянно опустила фотоаппарат.

— Куда это ты собрался?

— Не твое дело. Когда ты у меня это спрашивала за тридцать лет? Я ненадолго. Поехали, нужно обувь мне купить. И тебе красивое заедем купим.

— Витя, ну зачем? У меня все есть.

— Хочу, чтобы у тебя было то, что тебе нравится.

— Витя, я еще раз говорю, мне не нужны шмотки. Поехали за обувью.

Они купили три пары.

— Одну пару с собой возьму, две дома оставлю, — сказал Виктор Иванович и затолкал две коробки под стул. — Наташка, поехали на дачу. Переночуем две ночи. В город вернемся перед моим отъездом.

В поселке Храпуново, в маленьком доме без отопления было холодно. Виктор Иванович затопил печку.

— Витя, ты уезжать собрался, а как твои уроки немецкого?

— Я предупредил, что меня какое-то время не будет. И вообще все дела закончил. Давай теперь посмотрим «Диких гусей».

Смотрели на этот раз молча.

Потом жена ушла спать, а Виктор Иванович еще долго перематывал пленку туда-сюда.

Вернулись в город накануне отъезда. В пять утра Виктор Иванович с вещмешком через плечо стоял на пороге квартиры.

— Папуся, давай я тебя отвезу? — попросила жена.

— Спи, Наташа, такси уже внизу.

— Ты ненадолго?

— Я же сказал, ненадолго. Все, ложись.

Уехал Виктор Иванович как обычно — не прощаясь.

Через десять дней Наталья Михайловна получила смс: «Все хорошо».

Она успокоилась, поехала на дачу.

Прошло три дня, когда запищал мобильный. Жена Виктора Ивановича надела очки и прочла: «Читай псалом 90 на обоих языках».

Наталья Михайловна поняла — мужу грозит опасность, и очень серьёзная. Псалом 90, «Живый в помощи Вышнего» — охранительная молитва, оберег, защищающий от зла.

Зло оказалось сильнее.

Виктор Иванович погиб через три дня, 10 февраля 2017 года в Сирии при штурме высоты. В заключении сирийские врачи записали: «Геморрагический шок от ранения в брюшную полость».

Он умер там, в жёлтых песках. Точное место гибели неизвестно.

В квартире подполковника Группы «А» под стулом, рядом с гантелями и утяжелителями, стоят две коробки с неношеными ботинками сорок шестого размера.

Kurt Wiehle
Panzerlied

Ob's stürmt oder schneit,
Ob die Sonne uns lacht,
Der Tag glühend heiß.
Oder eiskalt die Nacht.
Bestaubt sind die Gesichter,
Doch froh ist unser Sinn,
Ja unser Sinn;
Es braust unser Panzer
Im Sturmwind dahin.

Mit donnernden Motoren,
So schnell wie der Blitz,
Dem Feinde entgegen,
Im Panzer geschützt.
Voraus den Kameraden,
Im Kampfe ganz allein,
Steh'n wir allein,
So stoßen wir tief
In die feindlichen Reihn.

Mit Sperren und Tanks
Hält der Gegner uns auf,
Wir lachen darüber
Und fahren nicht drauf.
Und droh'n vor uns Geschütze,
Versteckt im gelben Sand,
Im gelben Sand,
Wir suchen uns Wege,
Die keiner sonst fand.

Und läßt uns im Stich
Einst das treulose Glück,
Und kehren wir nicht mehr
Zur Heimat zurück,
Triff t uns die Todeskugel,
Ruft uns das Schicksal ab,
Ja Schicksal ab,
Dann ist unser Panzer
Ein ehernes Grab.

Курт Виле
Panzerlied

Будь то буря или снег,
Смеётся ли нам солнце,
Раскаляя день горячо –
Или ледяная ночь.
Лица покрылись пылью,
Но радостны наши чувства,
Да, наши чувства:
Наш танк
Проносится в штормовом ветре.

С грохочущими моторами,
Быстрые как молния
Завязываем бой с врагом
С нашей бронёй
Впереди наших товарищей
В битве все как один
Мы встанем все как один
Вот так мы поражаем глубоко
Вражеские порядки.

Заграждениями и танками
Противник преграждает нам путь,
Мы смеемся над этим
И едем не останавливаясь,
И если впереди орудия,
Скрытые в жёлтых песках,
В желтых песках,
Мы ищем пути,
Которые никто не нашёл.

И если когда-то счастье
Нас вероломно оставит,
И больше мы не вернемся
Назад на Родину,
Если смертельная пуля встретит нас,
Если судьба позовёт нас,
Да, судьба позовет,
То станет нам танк
Железной гробницей.

Торшин

2015, лето. Москва

Юрий Николаевич Торшин отдыхал.

Отдыхать он предпочитал дома. И в одиночестве. Друзья, разговоры — это всё замечательно. Но переключатель в голове в таких случаях стоит на позиции «работа». Чтобы переключиться на «жизнь», нужно лечь на диван, расслабить мышцы и смотреть в потолок.

Рядом, на столике, стоял коньяк. Людям, которым есть что вспомнить, коньяк отлично заменяет телевизор. Можно сделать глоток, прикрыть глаза и включить память. И вот на потолке перед глазами начинают проплывать картины — неясные, смазанные. Афганский кишлак на фоне горного хребта, испуганные глаза местного чумазого мальчишки, вечно палящее солнце и постоянный песок на зубах. Николаич машинально коснулся языком зубов. «Воображение — покруче 4D-кино, ещё мгновение — и сухой горный ветер наполнит лёгкие», — подумал он. Стало как-то спокойно, губы расслабились в естественной улыбке.

Внезапно зазвонил мобильник.

— Юрий Николаевич, здравствуйте, — зажурчал женский голос, — это с телевидения беспокоят, с канала… — картинка вмиг испарилась с потолка. Торшин так и не узнал, с какого канала его беспокоят.

— Господин Торшин…

— Полковник Торшин, — перебил Юрий Николаевич.

— У нас к Вам такой вопрос. Вчера в Ницце произошёл теракт, в день взятия Бастилии, грузовик врезался в толпу…

— Я в курсе, — снова перебил Торшин. Разговаривать не хотелось. Хотелось лежать на диване и смотреть в потолок.

— Вы служили в силовом подразделении и знакомы с темой терроризма…

— Я служил в «Альфе», — поправил Торшин. — Служил, — повторил он. Слово отозвалось привычной болью под сердцем. — Я был руководителем третьего отдела.

— Так вот, Вы можете прокомментировать, почему террористическая активность в нашей стране выше, чем в любой из европейских стран?

Полковник помолчал секунды две. Переключатель в голове перещёлкнулся с позиции «жизнь» на позицию «работа». Юрий Николаевич сел на диване.

— Назовите мне последние пять терактов в России, — спокойным тоном сказал он.

На том конце повисло недоумённое молчание.

— Вы не можете назвать пять последних терактов, а утверждаете, что у нас их за последнее время больше, чем в Европе? — с нажимом продолжал Торшин, в голосе начали появляться жёсткие нотки — Кстати, «последнее время» — это сколько лет? Какой-то странный отрезок времени, Вы не находите?

Молчание продолжалось.

— Хорошо, я Вам помогу. В этом году в России было два теракта. 29 декабря — обстрел Дербентской крепости. Опять ИГИЛ. 8 октября — Петербург, личная инициатива. Погибших нет. Теперь Франция. 7 января — расстрел редакции «Шарли Эбдо», двенадцать погибших, ИГИЛ. 9 января — Париж, нападение на супермаркет, четверо погибших. 26 июня — теракт на химическом заводе, один погибший. 13 ноября — сразу несколько атак: взрывы на стадионе, расстрелы в ресторанах, расстрел в концертном зале. Всего сто тридцать погибших. ИГИЛ. Вы говорили, что в России террористическая активность выше, чем в любой из европейских стран? Вы не считаете Францию европейской страной?

В трубке раздалось что-то вроде «э-э-э».

— Вы не подготовились к разговору, — заключил Тор-шин. — Сначала проработайте вопрос. Потом звоните, — он нажал «отбой».

Переключатель в голове вернулся в позицию «жизнь». Рука с телефоном бессильно упала, тело расслабилось, взгляд упёрся в потолок.

На потолке снова включился проектор, поплыли новые картинки. Белое, бескровное лицо Генки Сергеева, рядом на кухне плачет Лена, его жена. Вдруг щелчок, плёнка оборвалась, и стоит таксист-осетин с разорванным пополам ребёнком на руках в беслановской школе. Откуда-то появился промозглый туман, напряжённые лица сотрудников, которые лежат в засаде без движения уже десятый час. Сердце бешено забилось от выброшенного адреналина. Сознание вернуло Николаича на диван загородного дома. На кухне по хозяйству шуршала Валя, жена, что-то бубнил диктор в телевизоре.

«Неужели остались только воспоминания?» — подумал Торшин, сжав до боли кулаки. В груди предательски защемило.

2002, лето. Чечня

Труп, пролежавший полгода на жаре, выглядит страшно. Пахнет — ещё хуже.

Но бойцы «Альфы» не брезгливы. Это из них выбивается на первых же учебных выездах. Полковник не опасался, что кого-нибудь стошнит. Он опасался мин и боевиков. И мин, и боевиков здесь хватало.

«Альфа» не имела никакого отношения к этой истории. Просто Торшин со своими людьми оказался в этом районе. Оказался по делам войны. Очередной войны — которой уже по счёту.

Юрий Торшин родился в 1958 году в посёлке Белые Берега, что под Брянском. Сын инженера и медсестры, он всю жизнь связал с армией. Служил в РВСН в Махачкале, потом его взяли в КГБ, в «семёрку» — охранял французское посольство. За настоящую службу он это не считал. Стоять навытяжку перед людьми в смокингах было скучно. Так что, когда в 1982 ему предложили попробовать перевестись в Группу «А», он ухватился за этот шанс. И выиграл — командировки в Афган, в Таджикистан, в Нагорный Карабах, в Чечню. В промежутках бывало всякое разное, включая Белый Дом 1993 года. Впереди были Дубровка и Беслан, но тогда он об этом еще не знал.

Торшин был физически крепким. Бойцы шутили, что Юру даже ущипнуть невозможно. Но физически крепких бойцов в «Альфе» хватало. Его любили и ценили за удачливость и понимание ситуации. Он понимал войну. Он всегда знал, как выполнить задание и сохранить жизнь. Себе и другим. Он брался за рискованные дела, но удача его хранила.

Сейчас он взялся за очень рискованное дело. К тому же не вполне своё.

Вертолёт с экипажем был сбит полгода назад. Его искали, но не слишком усердно. Шансов на то, что кто-то остался в живых, не было. Местность заминирована, по ней постоянно перемещались чеченские боевики. Никому не хотелось посылать людей в это осиное гнездо ради того, чтобы вывезти трупы.

При этом все прекрасно понимали, каково приходится родственникам погибших. Формально они числились пропавшими без вести. Их семьям не платили пособия. У них не было возможности сходить на могилу родного человека. От чьих-то отцов, сыновей, мужей не осталось даже доброй памяти.

Историю со сбитым вертолётом Торшин услышал от руководителя авиации ФСБ Гаврилова[24]. И вызвался помочь.

Потому что понимал ситуацию. И ещё потому, что с авиацией нужно дружить.

Вертолёт — лучший друг спецназовца. Можно несколько дней топать зелёнкой по холмам и ущельям к месту выполнения задания, таща на горбу боекомплект, снаряжение и паёк.[25] Прийти, отсидеть пару дней в засаде — которая может оказаться холостой. И потопать восвояси на базу. А можно с ветерком и налегке метнуться на «восьмёрке»[26] под прикрытием летающей крепости, отработать по бандитам и вечером наслаждаться горячим ужином, а ночь провести на белых простынях. Своевременная эвакуация раненного с поля боя — вопрос жизни и смерти. При этом вертолётов вечно не хватает, у авиации всегда есть дела. И чтобы «вертушка» прилетела именно по твоему вызову — лучше иметь личные отношения с авиацией. Которые нужно строить заранее. И регулярно подтверждать делом.

Сразу после разговора Торшин пошёл в расположение своего подразделения. Объяснил личному составу проблему, выбрал пятнадцать добровольцев. Через полчаса вертолет поднялся в воздух, через час был на месте.

Юрий Николаевич не знал никого из погибших. Да и не мог знать, поскольку это был не «альфовский» спецназ. При этом он прекрасно знал: в районе крушения вертолета по-прежнему находились лагеря боевиков, и местность там очень плотно заминирована. В случае неудачи могли погибнуть все. Расчёт был на скорость, неожиданность и, конечно, везение.

Приблизившись к месту крушения, Торшин отдал вертолетчику приказ повиснуть над местностью. Садиться было опасно, можно было не успеть взлететь в случае атаки чеченцев. Вертолет завис. Бойцы Группы рассредоточились и занялись поисками.

А через час на зелёнку пал густой туман.

Торшин понял, что попал. Не было ни одного шанса забрать бойцов на борт. Вокруг мины, темнота, противник. Двадцать часов без единого движения и слова Николаич с подчинёнными пролежал в ожидании своего последнего боя. В готовности — если уж дойдёт до этого — вызвать огонь на себя.

Но и в этот раз повезло. Вернулись все. Тащили на себе останки вертолётчиков и фрагменты обшивки с номерными знаками как доказательство того, что люди погибли при исполнении воинского долга.

Честное имя пилотов было восстановлено. Тела их похоронили с почестями, а вдовы стали получать финансовую помощь.

За эту вылазку Торшина не наградили. Но и не наказали. В других случаях бывало иначе.

1992, октябрь. Астрахань

Охранять Президента — та ещё ответственность.

В 92-м Россией правил Ельцин. Не тот, который через несколько лет превратится в посмешище, а Ельцин крепкий, энергичный и популярный.

Через год он расстреляет Белый Дом, через два — начнёт Первую Чеченскую. Через восемь — скажет по телевизору, что устал. Но тогда всего этого никто и вообразить-то не мог. Тогда Президент и его окружение боялись только одного — советского реванша. Ельцин ездил по стране, агитировал народ за гайдаровские реформы. Астраханская область считалась «красной». Нужно было дать решительный бой на территории противника.

Президент прибыл в Астрахань 30 октября. Возложил венок к могиле павшим, выступил перед народом, посетил городскую гимназию. Это была видимая часть визита.

Невидимая часть состояла из работы безопасников. Ельцина охраняли крайне тщательно.

«Альфе» поручили обследовать водолазами судно, на котором плыл Президент из Астрахани. Это называлось «передовая отработка». Ответственным назначили Торшина.

«Альфовцев» разместили в местном «Интуристе». В номерах спали по восемь человек. Ели в интуристовском ресторане, за счёт Администрации Президента. За «альфовцами» даже закрепили столик. Это было удобно и не хлопотно.

В тот день Торшин дежурил. Поэтому обедал последним — пока все ели, он присматривал за номерами. В номерах бывали горничные, уборщицы, которые могли заглянуть в какую-нибудь сумку и наткнуться на оружие.

Наконец, все разошлись, и он пошёл обедать. В спортивном костюме, под мышкой — кобура с «макаровым».

За другим столом сидела компания — местные «братки» и их женщины. Николаич на них не обращал внимания. В те годы «братва» только-только поднималась. И чувствовала себя восходящим классом.

Закончив с завтраком, Торшин встал и собирался уйти. Однако старший браток заметил, что он не заплатил. Это ему не понравилось. Браток решил навести справедливость.

Юрий попытался поговорить. Братве это тоже не понравилось. Его окружили. Кто-то схватил за куртку и увидел кобуру.

Торшин достал пистолет. Братки не испугались. Их было

много, они были крепкими парнями. И к тому же были уверены, что стрелять в них не будут.

По инструкции, Торшин должен был сначала предупредить, что будет стрелять, потом сделать предупредительный выстрел в воздух, и только потом стрелять на поражение.

Он всё это сделал. Только немного поменял последовательность. Сначала выстрелил в грудь бандиту, а потом — в воздух. Эту пулю потом нашли в потолке.

Сердце у человека слева. Пуля Торшина пробила правую сторону груди, зацепив плечо. Но браток упал и не двигался. Остальных Торшин легко загнал под стол.

Официанты вызвали милицию. Торшин дождался наряда. Когда милиционеры ворвались в кафе и взяли его под прицел, он медленно, спокойно, на расстоянии, достал удостоверение и представился. И дал показания, которые официанты подтвердили. Всё кончилось отказом от возбуждения дела.

Как ни смешно, Юрий Николаевич потом следил за судьбой раненого им братка, даже помог ему с лекарствами. Хотя за злоупотребление служебным положением ему досталось. Однако он считал, что поступил правильно: научил плохого человека хорошим манерам.

Другие уроки силовой педагогики обходились ему дороже.

2004, ноябрь. Махачкала, окраина города

Мужика трясло как ненормального.

В ноябре в Махачкале ночи теплые, градусов пять выше нуля. Но мужика трясло. Тощий дагестанец стоял в одной майке, и его колотило так, будто вокруг стоял арктический мороз.

— Ты успокоишься — или твою дочку убьют. Поэтому ты успокоишься, — сказал Торшин дагестанцу.

Мужик закачал головой. Его продолжало трясти.

Он был капитаном МЧС. Полчаса назад в его дом вломились четыре боевика. Они уходили от группы Торшина и засели в доме. Взяли в заложники его самого и его десятилетнюю дочь. Потом отца выпустили — на переговоры.

— Пришёл в себя? Рассказывай, чего хотят?

— Они прислали сказать, что просят коридор. Иначе убьют мою дочь, — трясся дагестанец.

— Коридор, говоришь? Значит так. Сейчас ты возьмешь эту рацию и вернешься в дом. Я буду говорить с ними, а ты переводить. Понял?

— Я не пойду, не пойду, — бормотал дагестанец.

— Что? Там твой ребёнок! — заорал Юрий Николаевич.

— Я не пойду. Сказал не пойду — значит, не пойду! — дагестанец заплакал.

— Слушай сюда! — рявкнул Торшин. — Если ты не пойдешь, твою дочь убьют. Лучше тебя, чем её, согласен?

Я не могу — на вашем не разговариваю. Так что без вариантов. Вот рация. Пошёл!

Юрий Николаевич сунул в руку рацию, взял его сзади за майку и толкнул в сторону крыльца.

Дагестанец шел, продолжая трястись от рыданий.

— Видали? Внутри дочь, а он говорит — не пойду, — усмехнулся молодой офицер.

Это был боец из Ессентуков. Юрий Николаевич видел этих ребят впервые. Их подтянули для штурма, чтобы обеспечить поддержку.

— Тебя как звать, умник? — спросил Торшин.

— Александр, товарищ полковник, — доложился боец по форме.

Это Торшину понравилось.

— Саша, не суди, — сказал он примирительно. — Мужик неподготовленный. Он же МЧСник, а не СОБР. Поплакал и хорошо. Пар выпустил. Сейчас он все правильно сделает.

— Сомневаюсь я что-то, — презрительно бросил боец.

— Ты, смотрю, у нас самый смелый? — прищурился Николаич.

— Да уж дочь бы свою с головорезами не бросил, — заявил боец.

Торшин не ответил. Начиналась работа, разговор перестал быть ему интересен.

— Значит так, — скомандовал он. — Пока я переговариваюсь — окружаем дом. Все поняли?

Бойцы двинулись на исходные позиции для блокировки периметра и штурма.

— Слышите меня? — проговорил Торшин в рацию. — Я полковник ФСБ России. Требую от вас сдаться.

— Они просят коридор, — ответил дагестанец.

— Никакого коридора не будет. Это невозможно.

— Они говорят, что тогда убьют нас.

— Хотите убить девочку и отца — убивайте. Они нам никто, — чеканил Торшин. — Вы убьете их, я убью вас. Сдайтесь по-хорошему. Если нет крови на руках — отсидите лет шесть-восемь и выйдете. Вы останетесь живы. Иначе будет штурм. Мы убьём вас всех. Вы поняли?

Ответа не было. Прошло две минуты. Вдруг дверь открылась, и человек вытолкнул дагестанца с дочерью на руках.

— Девочку уведите, а дагестанца сюда. Будет переводить, — скомандовал Юрий Николаевич.

В этот момент бойцы уже окружили дом.

— Вы меня слышите? Сдавайтесь! Иначе начнем штурм! — прокричал Юрий. Дагестанец перевел.

— Аллах Акбар! — захрипела рация.

— Где они засели? — спросил Юрий Николаевич дагестанца.

— Они в подвале…

В этот момент из подвального окна раздалась очередь. Полетели стекла. Автомат гремел и гремел.

Все упали на землю.

Торшин поднял голову. И у стены дома увидел Сашу — того самого бойца, который так хорохорился перед боем. Его позиция была безопасная: из подвала боевики могли попасть только по ногам.

Но Саша вжался в стену и вытаращил глаза. По напряженным рукам было понятно — он вцепился в автомат мертвой хваткой.

— Саня! Уходи от окна! — прокричал Юрий Николаевич.

Боец не пошевелился. Похоже, его переклинило.

— Слушай меня, — закричал Торшин. — Я сейчас начну простреливать подвал, а ты уходи! Щитом ноги прикрой.

Торшин выбежал на огневую, прямо перед окнами подвала,

открыл огонь. В подвале наступило затишье.

— Пошел! Пошел! — заорал Юрий Николаевич.

Саша не двигался с места.

— Ступор у него, товарищ полковник, — сказал офицер из Ессентуков.

— Это что, его первая операция? — крикнул Юра.

— Какая первая, год по горячим точкам…

— Быстро очнулся! — закричал Торшин. — Я стреляю, а ты вали!

Показалось, что Саня кивнул.

Торшин сделал прыжок и снова оказался перед окном. Растянулся на животе и разрядил рожок внутрь. В подвале снова затихли. Но офицер стоял как истукан.

— Ты шевелиться будешь? — заорал Николаевич. — Окно на уровне твоих ног, просто перепрыгни через него и уходи! Тебя не убьют! Ты это понимаешь?

— Я двигаться не могу! — Саша.

— У тебя граната есть?

— Нет.

— Держи гранату, брось ее в окно, после взрыва сразу вали! Понял?

— Да, — ответил Саша и вдруг отмер. Он начал махать руками, будто разминался.

— Хорошо, — прошептал Торшин и бросил гранату.

Парень поймал гранату, резким движением выдернул чеку и бросился к окну с криком:

— Сдавайтесь, мрази! Сдавайтесь!

— В окно бросай, ты куда? — заорал Торшин.

Саня стоял перед боевиками — как мишень в тире.

Раздалась очередь. Боец упал на землю. Было понятно, что он мёртв.

Торшин выругался и приказал открыть огонь.

Трёх боевиков убрали гранатомётом. Оставался один. Он периодически вел огонь по нашим и сдаваться не хотел. Пришлось отутюжить дом из танкового орудия. Через десять минут его сравняли с землёй.

Юрий Николаевич доложился руководству об успешном проведении операции. Он был спокоен. Он победил, его люди живы, враги — нет. За это должны выписать какие-то награды. Наверное, и ему тоже. Награды у него уже были, но всё равно приятно… Единственное, что омрачало настроение — смерть бойца. Молодой парень, ему ещё жить… и вот так получилось.

Он думал об этом, сидя в столовке на базе в Ханкале. Юра сидел за одним столом с заместителем начальника управления,

осетином, и его подчинёнными. Выпили по рюмке. Юрий принялся рассказывать, как брали боевиков.

Осетин молча слушал, потом скривил губы и громко сказал:

— Тоже мне, успешная операция. Вы только детей в Беслане стрелять можете.

2004, осень. Беслан

Здание школы зияло выбитыми стёклами.

— Это ещё почему? — спросил Торшин «вымпеловца».

— Это после Дубровки. «Духи» сделали выводы. Выбили в школе все окна, чтобы газовой атаки не было.

— Что в штабе?

— Сложно всё. Местные достали оружие и грозят стрелять нам в спины, если на штурм пойдем, — ответил «вымпеловец».

— А оружия у них до фига, — добавил другой.

— Оттеснять пытались?

— Да какое там. Дети их внутри, они отморозились. У многих и дети, и жены там. Четыре садика сегодня после ремонта не открылись. Младших тоже с собой в школу потащили. Почти все они сейчас там, — боец махнул рукой в сторону школы. До неё было метров триста.

— Пойду поговорю с местными, — сказал Юрий Николаевич.

— Аккуратнее только. Многие не в себе.

Торшин кивнул. Ситуация была хуже некуда.

1 сентября 2004 года, боевики в масках подъехали к зданию бесланской школы № 1. Там как раз проходила школьная линейка. Детей, родителей и учителей — всего 1128 человек — загнали в спортзал и объявили заложниками. От российских властей они потребовали освобождения всех боевиков, задержанных за участие в нападении на Назрань, и вывода российских войск из Чечни.

Москва действовала как обычно — послала «Альфу» и «Вымпел». Их разместили в здании местного ПТУ. Подтянули и местные силовые структуры. К сожалению, этого было недостаточно. Поскольку опасность представляли не только террористы, но и местное население.

Кавказ — это не тихие, мирные русские регионы. На Кавказе всё население вооружено и охотно пускает в ход огнестрел. Местные вооружились и пошли к школе. Чтобы не допустить штурма здания.

Юра подходил к школе. Дворы вокруг были пустые. Людей уже эвакуировали. У школы толпились люди — взрослые и дети, те, кто чудом избежал плена. Мужчины — с оружием в руках.

— Командир, организуй, чтобы тела убрали. Жара же, разложатся, — обратился к Николаевичу осетин в штатском.

— Какие тела? — спросил он.

— Там, под окнами, гора тел — расстрелянные заложники. Видите, женщина стоит — пыталась уже кинуться, еле держат.

Там в куче трупов ее муж. Сверху лежит. Расстреляют ее, если сунется.

Торшин посмотрел на женщину. Ее держали с двух сторон, а она сползала на траву. Лицо ей обтирали водой.

— Дочь и сын ее в школе, мужа убили, — сказал осетин.

— У тебя там тоже кто-то? — спросил Юрий Николаевич.

— Нет, — ответил осетин. — Я просто с людьми говорю, помощь предлагаю. Я таксист. Вез сюда женщину с ребенком на линейку эту. Хорошо, они не успели. Я всем предлагаю отвезти бесплатно кому куда надо. Но никто отсюда не хочет ехать. Родные их там. С бандитами. Так что вы что-то с трупами сделайте. Страшно это — смотреть на близкого человека, когда он так лежит.

Торшин кивнул, молча пожал таксисту руку и направился к местным мужикам с оружием. Они что-то громко обсуждали, размахивая руками.

Юрий подошёл. Его заметили.

— Мужики, что с оружием думаете делать? — спросил Юрий Николаевич.

— Или по бандитам или по вам стрелять, если штурмовать полезете, — бросил в ответ один из спорщиков.

— Прямо в спины нам будете стрелять?

— Будем, если на штурм пойдёте.

— Запросто возьмешь и в спину мне пальнешь?

— У меня там жена и два сына. Одному восемь лет, другому — два. Думаешь, я дам их убить? Да я десятерых таких, как ты, лучше положу.

— Да что ты ему объясняешь? — бросил другой. — Его бы дети там были, не спрашивал бы. Свои-то у него дома сидят.

— Ему на наших детей плевать, он приказ выполнять будет, — добавил другой.

Торшин смотрел на лица ополченцев. И вспоминал детство, посёлок Белые Берега. У соседской суки утопили щенков. Несчастная собака искала их повсюду. Вечером она приходила, ложилась и выла. У этих мужчин были такие же глаза, как у той собаки.

Этим людям было плевать на политику. Им было не плевать только на своих детей и своих женщин. Они знали: если «Альфа» и «Вымпел» пойдут на штурм, боевики начнут убивать заложников. То есть — их женщин и их детей. Поэтому они были готовы сделать всё, чтобы не было штурма. Пусть лучше Россия сделает то, чего хотят эти люди. Пусть освободит боевиков, пусть выведет войска из Чечни. Что угодно! Главное, чтобы наши дети и женщины остались живы, думали они. Разговаривать с ними было

бессмысленно.

Он отошёл, чувствуя спиной тяжёлые взгляды.

2004, осень. Беслан, 3 сентября

Лучшее время для штурма — ночь с третьих суток на четвёртые. Через трое суток с момента захвата у террористов перевозбуждение сменяется усталостью, они теряют концентрацию. К тому же ночью хочется спать.

Но до штурма ещё надо дожить. А до того — отработать взаимодействие, изучить местность, подготовиться.

У «Альфы» и «Вымпела» это почти получилось. Почти.

На второй день на полигоне под Бесланом бойцы отрабатывали взаимодействие. Демидкин, Канакин и Торшин, назначенные руководителями штурмовых групп по линии «Альфы», отрабатывали синхронность работы своих отделов.

Изучили план здания: длинный коридор, примерно посередине налево — вход в спортзал. В конце коридора — столовая и кухня. По правую руку тянутся классы. Террористы держат заложников в спортзале. Юра взял на себя зачистку длинного коридора от центрального входа до столовой — наверняка там расставлены пулеметы. Демидкин должен был зачистить путь до коридора со стороны столовой. Канакин — штурмом взять второй этаж, где у террористов был штаб.

Тем временем обстановка возле школы накалялась. Людей стало больше: приезжали родственники тех, кто внутри. Дежурили машины скорой помощи: откачивали тех, кто терял сознание. Женщины рыдали. Было очень жарко.

В штаб привели мужчину-заложника, которому удалось сбежать ночью — он притворился мертвым и, как стемнело, сумел уползти. Он рассказал, что в спортзале самодельные бомбы разложены на полу, развешены в баскетбольных кольцах и на тросах между ними. На вопрос, как ведут себя террористы, ответил коротко: «Зверствуют». На его глазах они расстреляли мужчину, который замешкался и не сразу опустился перед бандитами на колени. На глазах собственных детей убили заложника, который начал успокаивать людей на осетинском языке. Бандиты кричали, что говорить разрешается только по-русски. Скоро их стал раздражать шум в зале, и они приказали всем молчать. Тех, кто разговаривал, били прикладами.

Днём прибыл бывший президент Ингушетии Аушев. Он провел переговоры с боевиками и выпросил у них 26 заложников — в основном, женщин с грудными детьми.

Вечером удалось сбежать мальчику. Он рассказал, что ситуация в зале ухудшилась. Стоит жара, многие дети разделись. Террористы запретили ходить в туалет и пить воду. Вместо

туалета вскрыли пол в спортзале и сделали яму. Тех, кто просил воды, заставляли пить мочу. От усталости и унижений люди впадали в апатию. Многие стали говорить, что лучше бы уже скорее умереть.

Выступил Президент Северной Осетии Дзасохов и пообещал, что никакого штурма не будет ни при каких обстоятельствах. В штабе тоже были готовы вести переговоры.

Утро следующего дня встретило собравшихся у школы страшным смрадом. На солнцепёке разлагались тела мужчин, убитых при захвате. Террористам тоже хотелось дышать полной грудью. Поэтому они разрешили убрать трупы и гарантировали безопасность.

Решено было подогнать машину без бортов и погрузить тела. Договорились на 12.55.

МЧСовцы занимались этим, когда в здании школы раздался мощный взрыв.

— Это что за херня?! — крикнул кто-то из бойцов.

Люди вокруг попадали на землю. Через несколько секунд началась вакханалия. Все бежали кто куда. И тут же началась стрельба. Стреляли по всем — и по МЧСовцам, и по заложникам, и по местным, кинувшимся навстречу. Свинец лился потоком, и остановить его было невозможно.

— Все группы — боевая готовность, — раздалось в рации у Торшина.

Это был тот случай, когда «Альфа» вступила в бой без просчитанного плана — что называется, с колёс. «Альфа» и «Вымпел» ещё не поделили сектора ответственности, не просчитали подходы, не согласовали передвижение. Не было и главного козыря спецназа — внезапности. Бандиты были готовы, а мы — нет.

Это сложно было назвать операцией по освобождению заложников. Скорее — экстренные меры по спасению.

Торшин увидел МЧСовца, лежащего ничком на земле. Был приказ занять исходную позицию, но Николаевич не мог бросить парня.

— Если ты живой, подними ладонь! — крикнул Юра МЧСовцу.

Ладонь поднялась.

— Если можешь пошевелиться, подними ладонь! Если не можешь — не поднимай! — прокричал он.

Ладонь не поднялась.

— Немедленно подгоните БТР и погрузите парня! — закричал в рацию Торшин.

Раненого всё-таки увезли. Торшин не знал, выжил он или нет.

2010. Москва. Торжественное мероприятие

— Я так до сих пор и не знаю, выжил он или нет, — закончил свой рассказ Торшин.

Сидящие рядом МЧСовцы переглянулись.

— А давайте мы Вас с Андреем Николаевичем познакомим? С Копейкиным? Знаменитый спасатель, сейчас вверх пошёл по карьере… Где Копейкин? Позовите Копейкина!

Из глубины зала появился типичный чиновник — в хорошем костюме, с плавными движениями.

— Иди сюда! — шумели МЧСовцы.

Торшин внимательно посмотрел на подошедшего.

— Если ты живой, подними ладонь, — сказал он.

— Так это был ты… — выдохнул чиновник и широко улыбнулся.

2004. Беслан, 3 сентября. Штурм

— Все на исходной? — зашипела рация.

— Сороковой — на исходной. Кавказ — на исходной. Тридцатый — жду, когда погрузят МЧСовца, — назвал Торшин свой позывной.

— Тридцатый, на исходную быстро! — заорала рация.

— Отвали, — сказал себе под нос Торшин. Его ребята уже выстроились на исходной, но он не хотел бросать парня. Про его эвакуацию в суматохе могли забыть, нужно было проследить.

Наконец, подъехала БТР и раненого начали грузить. Юрий Николаевич бросился на исходную.

— Внимание! Боевая готовность на штурм! — захрипела рация.

С позиции группы Торшина было отлично видно, что крыши спортзала больше нет — она рухнула от взрыва. Из разбитых окон начали вылезать дети — переползали через подоконники, падали, вставали и пытались бежать.

Террористы открыли по ним огонь. Дети падали и не вставали.

Стоявшие у школы ополченцы кинулись к спортзалу. Мужики и молодые мальчики в гражданском бежали под огнем террористов. Они забирались в спортзал, ползали по горе трупов, отыскивали живых и взваливали их себе на плечи.

Первым вернулся пожилой мужчина. Он еле шел — нес на руках парня лет десяти, голого, в одних трусах, в крови, без сознания. Через пару минут прибежали еще двое с детьми на руках. Один из ополченцев, мальчик лет четырнадцати, тащил на себе маленькую девочку и плакал.

Следующая группа ополченцев побежала к спортзалу уже с носилками.

— Внимание, боевая готовность на штурм! — снова захрипела рация. — Пошли!

Торшин со своей группой ринулся к разбитым окнам. Торчащие куски стекла рассекли ладони. Он этого не почувствовал — на адреналине боль не ощущается.

Бойцы прорвались внутрь. В первые же минуты боя у Демидкина — два раненых. У Канакина — два раненых и один убитый. У Юрия Николаевича были живы все.

Освободив коридор, он двинулся к столовой, куда боевики погнали выживших после взрыва заложников.

Трупы бандитов, убитых торшинским отделом, лежали через каждые десять метров. С такой частотой были расставлены

пулеметчики. Юрий поравнялся со спортзалом. Оттуда доносились стоны и крики — бойцы и ополченцы вытаскивали живых из окон.

Вдруг навстречу Юре из спортзала выбежал человек. Николаевич взял его на прицел.

— Стой! — закричал он.

Мужик замер.

— Не стреляй, — как-то робко сказал он.

— Ты кто? — крикнул Юра.

— Я девочку выношу.

Торшин пригляделся. В руках у мужика была половина ребенка. Это была девочка. Маленькое тельце разорвало взрывом напополам.

Мужика он узнал. Тот самый таксист, который оказался у школы по работе, но не уехал.

— Таксист? Ты?

— Да, я. Таксист.

— Положи девочку, она мёртвая. Найди живого ребенка. И уходи, как пришел, через окно спортзала. Понял?

— Да, — таксист смотрел на него стеклянными глазами.

— Повтори! — крикнул Торшин.

— Кладу мертвую девочку, беру живого ребенка и ухожу.

— Как уходишь?

— Через окно.

— Правильно, с Богом, после боя увидимся.

— Да, — сказал таксист, развернулся и пошёл обратно.

После боя — а он продолжался до вечера — Юра искал таксиста, но не нашёл. Но от людей услышал про отчаянного мужика, который вынес из спортзала половину девочки, разорванной при взрыве. Положил на траву, а потом все возвращался и возвращался в спортзал и выносил детей.

2004. Беслан, 3 сентября. Завершение операции

Юрий Николаевич продвигался дальше, приближался к столовой. Шум нарастал. Он прижался к стене. Выглянул. Угол обзора позволял видеть только огромные чаны и детей, толпящихся вокруг них. Дети были раздеты до трусов. Трусы — в грязи и крови. Они наклонялись к чанам и жадно пили. Как потом узнал Торшин, в чанах размораживались куриные туши — дети пили растаявший лед.

Чуть дальше на полу сидели малыши-первоклашки и грызли печенье.

Николаевич высунулся больше и увидел, что столовая набита людьми. Заложники сидели на полу. Кто-то лежал, скорчившись, на полу. В окнах стояли женщины — их выставили как живые щиты. Под окном кричала женщина без руки — видимо, оторвало при взрыве в спортзале.

Кто-то тронул его за плечо. Он резко обернулся. Это был боец «Вымпела» Андрей Туркин. Он был ранен в плечо. Николаевич спросил, сможет ли он идти дальше. Андрей ответил: «Конечно».

Начался штурм столовой. Боевики выхватывали детей из толпы и, прикрываясь ими, вели огонь. «Альфовцы» и «вымпеловцы» затаились в укрытиях, стреляли прицельно, чтобы не зацепить заложника. Террористы смещались к выходу, оставляя сотни заложников позади.

Тут его дёрнули за штанину. Рядом стоял ребёнок. Он держал руки над головой, как на детском утреннике.

— Маму убили, — сказал он. — А я зайчик.

Потом выяснилось, что боевики кричали заложникам: «Держи руки зайчиком», — в смысле «над головой». Но это выяснилось потом. Торшину было некогда думать. Он просто взял ребёнка на руки и понёс.

Торшин уже почти вышел, когда из кладовой в зал вылетела граната и упала под ноги женщине и двум пацанам. Андрей Туркин стоял в пяти метрах.

У Андрея была беременная жена. Он уже знал, что у него будет сын. Он мог подумать о своей женщине и о своём ребёнке. Он мог спастись.

Туркин бросился на гранату и накрыл её собой.

2004, осень. Беслан, 3 сентября. Вечер

Штурм продолжался до позднего вечера.

При освобождении школы в Беслане погибло десять сотрудников Центра специального назначения ФСБ России: трое из «Альфы» и семеро из «Вымпела». Юрий Николаевич, командир отдела из тридцати пяти человек, не потерял в ходе штурма ни одного сотрудника.

— Выстроило нас высокое начальство, — рассказывал он мне, — и мы докладываем как командиры отрядов, у кого какие потери. До меня очередь дошла, я говорю: «Потерь нет». «Как это нет?» — спрашивает самый главный. Я взбесился, и чуть не крикнул: «А вам что, нужны потери? Может пристрелить кого-то прямо сейчас?» Как будто мы спрятались и бой переждали! Сука, я еле сдержался.

В Махачкале он сдержаться не смог.

2004, ноябрь. Махачкала

— Вы только в детей в Беслане стрелять можете, — сказал осетин.

Среагировать не успел никто.

Торшин в ярости вскочил, выхватил нож-финку. Схватил осетина за ухо, чтобы его отрезать. Брызнула кровь.

Тут бойцы бросились ему на плечи, оттащили. Тор-шин вырывался и крыл осетина матом.

Осетинский начальник испугался. Даже не за себя. Ему чуть не отрезали ухо на глазах у его подчинённых. Для него это грозило потерей репутации.

Он побежал к начальнику управления и накатал рапорт.

В тот же день Торшина отстранили от руководства отделом Группы «А» в Ханкале и отправили в Москву. Уже подписанный приказ о награждении отозвали. Просто убрали из списка награждённых.

Но осетинский начальник не успокоился. Он сел на телефон и начал названивать в центральный аппарат. И рассказывал всем, что Торшин неадекватен, что он его чуть не убил, а главное — унизил перед подчинённым.

Потом пришёл другой приказ — наказать Торшина, понизив его в звании.

Но командир «Альфы» отстоял Юрия Николаевича: «Понижать Торшина в звании не дам. Кого вы мне вместо него дадите?».

Что касается отношения к «Альфе» простых людей — мы его видели. Через два года я и Гена Соколов были приглашены в Беслан на концерт-реквием. Когда нас объявили, как офицеров Группы «Альфа», весь стадион встал. Загремели аплодисменты. Люди стояли и хлопали, отдавая должное мужеству и героизму офицеров, отдавших жизнь за детей Беслана. Такой искренней благодарности я никогда и нигде ещё не встречал. Я долго не мог начать петь — горло перехватило.

Но это было потом. А в тот момент Торшина спасла только жёсткая позиция командира.

Начало 2000-х. Москва

Всё началось с рабочего момента.

Мы выслеживали одну преступную группу. Две недели сидели в засаде — и всё бестолку. Тогда Юре посоветовали толковых МУРовцев, которые могли помочь. Мы с Николаевичем встретились с ребятами, после чего быстро взяли ОПГ. Так началась наша дружба с парнями с Петровки. Мы встречались, мылись в бане, травили байки. Не подозревая, что можем оказаться по разные стороны прицела.

Но это случилось. Спустя несколько лет, в рамках операции «Оборотни в погонах».

Наши собирались выезжать на захват МУРовцев, которые забаррикадировались в квартире. Была дана команда уничтожить «оборотней» при штурме. В разговоре вдруг мелькнула фамилия.

Торшин вздрогнул. Это был один из наших знакомых оперов.

Тут Юра понял, что уничтожить хотят всю компанию наших знакомых. Видимо, ребята слишком много знали.

Николаевич тут же подскочил к руководителю группы, которая уже встала на выезд, и попросил не брать квартиру, пока он не переговорит с МУРовцем, закрытым внутри.

— Ты понимаешь, что тебе за это грозит? — спросил руководитель группы.

— Понимаю, — сказал Николаевич.

— Ты многим не нравишься, Юра, — покачал головой руководитель Группы. — С тобой много хлопот. А теперь у них будет отличный повод от тебя избавиться.

— Под мою ответственность, — ответил торопливо Юра.

МУРовцы тем временем сидели на квартире и готовились к смерти. Сдаваться при штурме они не собирались. Они собиралась биться до конца.

Их убили бы всех, конечно — «Альфа» не может не выиграть такой бой. Но тут позвонил Торшин и предложил немедленно сдаться на определённых условиях. Когда надо, он умел быть убедительным и без оружия.

На этот раз Торшину вменили служебное несоответствие. Якобы пока он переговаривался с МУРовцами, те успели сжечь важные для следствия бумаги. Прекрасная логика «необоротней»: документы важны, а живые свидетели — нет. Вернее, для кого-то было очень важно, чтобы живых свидетелей не осталось. Кому-то, но не Юрию Николаевичу.

На МУРовцев навесили сроки. Сейчас они уже все на свободе.

Руководителя третьего отдела Управления «А» Юрия

Торшина уволили, как только истёк срок контракта. По возрасту.

2010. Москва

Быть пенсионером — это что-то вроде погребения заживо.

Юрий долгое время не мог сказать о том, что его вышвырнули со службы, даже собственной жене. Просто не поворачивался язык.

Он делал вид, что работает. Вставал в семь, мылся-брился, уходил из дому и возвращался только вечером — чтобы семья ничего не заподозрила. Неизвестно, сколько это бы продолжалось, но жена Торшина, Валентина Николаевна, однажды встретила на одном мероприятии «альфовского» кадровика и спросила, что там с контрактом. Тот с удивлением ответил ей, что Юрий Николаевич уволен месяц назад.

Дома был разговор, после которого Торшин перестал притворяться. Он остался дома и пытался себя чем-нибудь занять.

Он пытался жить жизнью нормального пенсионера. Смотреть телевизор. Читать. Гулять. Всё это не работало.

Он нашёл себе занятие — дача в Запрудье. Там было чем заняться. У жены были посадки, у него — плотницкие работы и дела садового товарищества. Но тёплый сезон заканчивался, и Торшин с женой снова оказывались запертыми в четырёх стенах.

Он пытался работать. В 2012 году руководил личной охраной боксера Виталия Кличко, когда тот в Москве в «Олимпийском» бился на ринге с Мануэлем Чарром, и Александра Поветкина, когда тот дрался в Гамбурге с Хасимом Рахманом за звание чемпиона мира по версии WBA. Но всё это было не то.

Глотками воздуха были турниры памяти погибших ребят в Чехове, встречи на заседаниях Совета Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» — но это было в лучшем случае раз в месяц. И редкие праздники — День образования Группы «А» и День Памяти всех ее погибших, День Победы и День ВДВ.

Остальное время занимало садовое товарищество, дача, снегоход. И новости по телевизору.

2015, август. Москва

Валентина Николаевна работала в саду, когда услышала вдалеке голос мужа.

Она подняла голову и увидела Юру в компании двух женщин — Нины Афанасьевны, восьмидесяти двух лет, и Татьяны Геннадьевны, младше подруги на два года. Юрий Николаевич вел двух старушек под руки по направлению к воротам дома. Старушки улыбались.

— Валюша, чайку попьем, мы в павильоне сядем.

Валентина Николаевна, без сил после долгой и изнурительной работы с тяпкой, что-то недовольно пробурчала. Мол, ему лишь бы развлекаться, зачем вообще приволок старух, не до них сейчас.

Юрий Николаевич тем временем весело ухаживал за бабулями — предложил помыть руки, усадил, достал самодельное вино. Валентина Николаевна присоединилась, и скоро от её недовольства не осталось и следа. Бабульки были заводными, хохотали все. Попили чай, и Юрий Николаевич церемонно проводил бабушек до дома.

Они остались сидеть в павильоне. Вечер был хорош — тёплый, но не жаркий.

— Валюша. Мне звонил Рамзан Кадыров, — сказал вдруг Юрий Николаевич.

— Тебе? Зачем?

— Сказал, есть предложение. Попросил перезвонить, когда буду готов обсудить.

— Юра, позвони, пожалуйста.

— Я завтра наберу.

— Юра, я тебя очень прошу! — взмолилась жена. — Перезвони прямо сейчас!

Торшин вышел, но скоро вернулся.

Он казался другим человеком. Точнее — прежним. Каким он был до увольнения.

— Что? — спросила жена.

— Кадыров предложил мне пост. Очень хороший. Возглавить работу в качестве советника главы Чечни по силовому блоку. Кадыров сказал, никто лучше меня не справится.

Уже через несколько дней Юрий Николаевич сел в самолет и вылетел на переговоры в Чечню.

2015–2016. Москва — Грозный

И сначала всё было прекрасно.

Кадырову был нужен надёжный человек, лично знающий основных силовиков и глав военных ведомств. Их всех Торшин помнил ещё с войны, разговаривать с этими людьми ему было приятно, а договариваться — легко.

Кадыров поселил Торшина в президентском городке. Это закрытый поселок из 26 коттеджей в центре Грозного, прилегающий к резиденции Президента. Ему достался шикарный трёхэтажный дом, уставленный роскошной мебелью. Жена прилетала к нему, они гуляли у танцующих фонтанов в центре Грозного. Покупали разную вкуснятину на рынке. Она готовила Юре потрясающие ужины.

Торшин мотался между Грозным и Москвой, его телефон всегда разрывался — звонили люди со всей страны с разными, в том числе и странными вопросами.

— Откуда я знаю, стоит ли им везти в Грозный липы, чтобы разбить там парк, я что, садовод, — комментировал Юрий Николаевич очередной звонок.

Находясь в Чечне, он перестал употреблять алкоголь. В мусульманском обществе это не принято. Он помолодел. Чувствовал себя нужным и востребованным.

Но и это всё-таки было не то, не то, не то.

Однажды он возвращался с женой из очередного отпуска. В машине, по дороге в Грозный, достал коньяк, отхлебнул прямо из горлышка. Жена забеспокоилась:

— В чём дело?

— Нервы, — сказал Торшин и сделал ещё пару глотков.

После чего признался, что не может забыть службу в «Альфе». Что работа в Чечне интересна, но он скучает — его должность гражданская, а не военная, и этим все сказано. Свободного времени стало слишком много. И чтобы его убить, он сидит один в огромном доме, перечитывает книги. Или общается с немногочисленными друзьями. Он подружился с чеченским министром внутренних дел. Торшин приходил к нему в кабинет, они разговаривали, но сколько мог длиться такой разговор — максимум час. Он даже стал гладить белье, чтобы убить время. Хотя ненавидел глажку всю жизнь. Он даже жене перед свадьбой сказал: «Валюша, никогда не делай двух вещей: не вари мне макароны и не заставляй гладить». Но теперь он стал тратить на глажку несколько часов в день.

В Чечне у Юрия была должность и статус, в Москве — жена и

товарищи. Но ни там и ни здесь не было боевой работы, которую он любил больше всего.

Может быть, больше жизни.

2016. Чеченская республика, трасса неподалёку от Грозного

Мотоцикл нёсся как проклятый.

Сотрудник ГИБДД махнул рукой, останавливая нарушителя. Мотик тормознул. На сиденье чоппера сидел байкер, одетый в кожу.

— Здравие желаю! Ваши документы, — лейтенант отдал честь. Он знал, чей это мотоцикл, но порядок есть порядок.

Байкер схватился за шлем, дернул. И постовой увидел его лицо.

Это лицо напоминало поле боя после танкового сражения — все изрезанное траншеями и бороздами-морщинами, с копной жёстких седых волос.

— Лейтенант, знаю, превысил, — рыкнул Торшин.

— Да, Юрий Николаевич, Вы превысили скорость на сорок километров, — подтвердил лейтенант.

— Ну да, а ты попробуй на Харлее соблюдать, — усмехнулся Торшин. — Давай, выписывай штраф, и я поеду.

Юрий Николаевич сел на байк, нахлобучил шлем, и почти мгновенно скрылся из виду.

2016. 11 сентября, Наурский район, трасса Моздок — Кизляр

Юрий Николаевич Торшин погиб во время мотопробега в Наурском районе Чечни. Автопробег был устроен бойцовским клубом «Ахмат» вместе с байкерами из местного отделения клуба «Ночные волки».

Он присоединился к мотопробегу в последний момент — услышал, что он вот-вот начнётся, и загорелся. Наверное, ему захотелось проехаться на максимальной скорости, слиться с дорогой, почувствовать ветер в ушах и ощутить адреналин в крови. И никто не остановит его и не выпишет штраф. Скорость и открытый путь до горизонта — мечта мотоциклиста.

Шлема и защиты у него с собой не было…

Авария произошла между станицами Микенская и Савельевская. Всё произошло мгновенно. Мотоцикл не вписался в поворот и перевернулся.

Когда подбежали байкеры с пробега, Юрий Николаевич Торшин был мертв.

Леонид Якубович
Памяти Юрия Торшина

Живём, как все: семья, друзья, работа,
Нормальное удобное жильё,
И с виду все течёт, нормально, без заботы,
Ну, вроде, как у всех спокойное житьё!
Вот, только иногда проснёшься среди ночи,
Лежишь, глаза уставя в потолок,
И гложет тишина, и память точит, точит,
И рядом никого, с кем поделиться б смог.
Потом опять командировка,
В коробку ордена, на вешалку мундир,
И в боевой привычной обстановке
Из всей родни есть только командир!
Нет, наша группа не простые офицеры,
У каждого уменья и сноровки на двоих,
И все это втройне помножено на веру,
Что нет ни у кого, как он, таких!
Его приказ, не уставное слово,
Просчитанный сто раз, чтоб не было потерь…
Он был для нас судьбой, моралью и основой,
Не я так думал, каждый офицер!
Никто в миру не знал, что есть полковник Торшин,
О нас вообще в миру не никто не знал,
Но, может, Мир стоит, вот на таких опершись,
Быть может, потому весь Мир стоял!
И помню я по службе многолетней
Его мундир, его походный камуфляж,
Он всякий раз из боя выходил последним,
И каждый это знал, как «Отче наш»!

Полковник Торшин в деле с нами не был,
«Тридцатый» был! Такой вот позывной,
И каждый знал, когда бы, кто бы ни был,
«Тридцатый» — значит где-то бой!
Афганистан, Беслан, Норд-Ост…
Я помню все! И в каждой точке мира
Я стоя поднимаю третий тост
За командира Группы «А»…
За Юру Торшина. За командира…
Ах, чёртова судьба! Ах, этот чертов случай

Погиб он не в бою, он в мирной жизни пал…
Какой был командир! Какой был друг могучий!
Что говорить… что говорить… я все сказал.

Мы

2016, июль. Москва. Кремлёвская набережная

Я еду.

То есть, на самом деле я стою. Я застрял в пробке на Краснопресненской набережной. Еду из центра в аэропорт и застрял. В Москве стало слишком много машин.

Ничего. До рейса — два с половиной часа, доеду.

Полпятого вечера. Солнце ещё высоко, но уже не так жарко. Время, когда человек особенно расслаблен. Вода в Москва-реке переливается бликами.

Солнце светит в глаза. Я жмурюсь, отрывая руку от руля, чтобы открыть окно машины. Не люблю кондиционеры, лучше окно нараспашку. Ветер касается кожи. В окно залетают мошки, но мне всё равно. Я глушу мотор и закрываю глаза.

Недавно мне стукнул полтинник. Я — военный пенсионер. Как и мы все — те, кто дожил до пенсии. Но я не отдыхаю. У меня много дел.

Теперь не нужно бежать к электричке, как в молодые годы. У меня отличная машина. Всё остальное тоже. У меня всё в порядке.

В аэропорту меня ждет Гена Соколов. Мы с ним летим в Чечню к Юре Торшину. Без какой-то деловой цели — просто повидаться, посидеть, вспомнить. Нам всем иногда это нужно — вспомнить. Благо, есть что.

Сейчас я вспоминаю такую же пробку, в которой стоял в 2002-м. Тогда мы с Геной возвращались из Чечни. Это была моя последняя командировка по службе. Это потом уже я привозил в Ханкалу Маршала и Якубовича. С Анитой Цой пел дуэтом в Грозном и Гудермесе. То были поездки доброй воли. А тогда я возвращался с войны. Всё обошлось, все вернулись целыми и невредимыми.

Была страшная жара, вокруг гудели машины и собачились люди, попавшие в затор. А я сидел в подержанном зелёном «Мерседесе», безвременно одолженном знакомым бизнесменом, и чувствовал себя абсолютно счастливым.

Помню, в окно залетела стрекоза. Она кружилась передо мной — большая, шумная, живая. Я смотрел на неё и улыбался. Теперь я вспоминаю эту стрекозу, когда от неё и следа не осталось. Стрекозы живут недолго. Люди, в общем, тоже.

Пробка тронулась. И тут зазвонил мобильник.

— Леша? — в трубке был голос Торшина. — Ты где сейчас?

— Да в пробке стоял, Юрий Николаевич, — вздохнул я,

придерживая мобильник плечом. — Сейчас к Белому Дому подъезжаю.

Молчание.

— 93-й, — наконец, сказал Торшин. — Гена Сергеев. У меня на руках умер.

Теперь молчу я.

— Вот кого хотел бы обнять сегодня вечером, — говорит Торшин.

— Я тоже, — вздыхаю я. — С Ленкой Сергеевой общался тут недавно. Привет тебе большой передавала. Выглядит отлично.

— Лена-Лена…. Генкин взгляд забыть не могу. Усатый мальчишка… Ты там ещё? Посигналь как следует. В память о 93-м.

Я даю долгий гудок.

— Слышу, Леша. Спасибо… Слушай, Лех, люди пришли — надо срочное совещание успеть провести. До встречи тогда? Давай успевай, счастливо, жду, — нарочито деловито протарабанил Юра и повесил трубку.

Несколько позже. Киевское шоссе, десятый километр

Я ехал в плотном, небыстром потоке, когда меня подрезал «мерс» и резко остановился передо мной.

Отчаянно матерясь, я ударил по тормозам. У меня отличная реакция. Но тут я не успел — и врезался.

Удар. И тут же — удар сзади.

Я мысленно проклял недоумка, из-за которого теперь не успею на рейс. Мне хотелось порвать этого урода на части.

Из «Мерседеса» вышел какой-то пижон в деловом костюме и тёмных очках.

— Мужик, извини, сейчас все быстро уладим.

Человек в костюме протянул мне через открытое окно какие-то корочки. Видимо, считает себя важной шишкой. «Посмотрим», — решил я.

«Пенсионное удостоверение. Милицкий Сергей Александрович, спецподразделение Альфа», — прочёл я и поднял глаза.

— Сергей?

Мужик всмотрелся.

— Лёха, ты?!

— Я, кто ж ещё-то. Ты куда гнал, переговорщик? Какого хрена подрезать меня решил?

— Да никуда не торопился. С совещания я. Голова всякой ерундой забита. Ну вот и по привычке. Домой еду. А ты?

— Ага, ты у нас борзой по привычке. Я в аэропорт. Похоже, ты мне все карты попутал.

— Леша, да всё в порядке. У тебя царапина, у меня царапина. Машины у нас крепкие. ГАИшников вызывать не будем, сейчас поедем. А куда летишь?

— К Юре Торшину в Грозный.

— Да ну?! — не поверил он. — Вот прямо в Грозный? Обними тогда Торшина от меня.

— День добрый, — раздался голос из-за спины Милицкого. — ГИБДД я вызвал.

Мы оглянулись и увидели худого старика. Тогда я вспомнил — я въехал в Серегу, но и ведь в меня тоже кто-то въехал. Оглянулся. Оказалось, в меня въехала старая «копейка».

Чёрт побери! Предстояло прождать полицию не меньше часа. То есть — опоздать на самолет.

— Дед, зря вызвал. Денег бы тебе дали, отремонтировался

бы, — сказал Милицкий.

— Вам бы все деньгами откупаться. Вам молодым да борзым лишь бы все правила обойти. Натворили дел — теперь ждите, — мстительно сказал старик.

— Слушай, переговорщик, а у тебя какие планы на выходные? — спросил я Серегу.

— Вы видели, что с моей машиной? Подкрылки отвалились, краска содрана! — снова встрял дед. — Между прочим это моя первая авария за двадцать лет!

— Дед, ну погоди ты, — притормозил я его. — Серега, не хочешь со мной махнуть?

Дед суетился за спиной Милицкого, выглядывал из-за его плеча. Наконец присел до уровня опущенного стекла и уставился на меня.

— Не могу, Леха. Хотя поклонился бы тем местам. Столько пройдено. Лет десять в Чечне не был. А кто ещё летит?

— Вы что, в Чечне воевали? — спросил дед, продолжая сверлить меня взглядом.

— Да, дед, воевали… Серёг, мы с Геной Соколовым летим. Он уже в аэропорту. Нас Николаич ждёт. Тебе будет рад страшно. Может, сорвёшься?

— Я никак не могу, Леха, — Милицкий развёл руками. — Два дня подряд принимаю экзамены в Академии. Я там психологию переговоров преподаю.

— У меня тоже с Чечнёй связано, — вклинился дед. — Я в 98-м в школе труд преподавал. А внук мой учился в девятом что ли классе. Приходит и говорит: «Дед, выпускник нашей школы погиб в Чечне. Завтра гроб мимо школы провезут. Нас всех поведут с ним прощаться». Бабка услышала, говорит, поехали дед на дачу, за цветами. Приехали, июль был. Жарко. Хорошо. Нарвали охапку ромашек. Прощаться с солдатом вместе с внуком пошел. Любопытно стало. И вот стоит фургон. Снаружи обычная машина. А как внутрь мы нырнули, в крытый кузов — там темнотища и гроб стоит. Над гробом две женщины и мужик плачут. Видно, мать, отец и сестра. Парню восемнадцать было. Мы цветы положили — гора их там уже на гробе была. И скорее обратно — запах стоял страшный. Солдатик разлагаться уже стал.

— Леха, я лечу, — вдруг сказал Серёга. — На экзамене меня подменят.

— Спасибо, дед, — улыбнулся я старику.

— За что? — удивился он.

Я подумал, что старик, сам того не желая, сработал как переговорщик с моей стороны. Он — случайно, наобум — сумел зацепить Серёгу за живое. У каждого воевавшего в Чечне слишком

многое там осталось. И прежде всего — погибшие друзья. Этот рассказ про неизвестного солдатика, видимо, прошиб Милицкого.

Прошло минут десять. ГИБДД все не было. Мы с Серегой сидели у меня в машине. Дед пошел осматривать повреждения своей «копейки».

— Лёх, смотри, что я нагуглил, — сказал он, смотря в телефон. — Есть билет на твой рейс. Но пока брать не буду. Посмотрим, когда гаишники приедут. Если застрянем, сразу два билета на следующий рейс возьмем.

— Да, Серёг, отлично.

— К Торшину летим, поверить не могу! — улыбнулся Милицкий. — Ох, как же мы с ним раньше спорили! Я всегда был за то, что если ты начальник — руководи, не лезь в бой. А у него была такая позиция, что он должен воевать вместе со своими бойцами.

— Старая школа. Савельева помнишь?

— Анатолия Николаевича забыть сложно… Меня каждый год студенты вопросами забрасывают. По операции у шведского посольства.

— Что спрашивают?

— Спрашивают, как я подобрался бы к тому отморозку. Как профессиональный переговорщик.

— И как?

— Да никак. Я бы себя не обменял. А если бы пришлось, сидел тихо.

— Почему?

— Контакт «один заложник — один террорист» — очень плохой контакт, — Милицкий оживился: речь пошла о вещах, в которых он разбирался профессионально. — Злодей в напряжении, он не расслабляется, психует. Поэтому — сиди и молчи, жди действий штаба.

— Савельев не мог не попытаться, — напомнил я.

— Да все мы помним, каким был Анатолий Николаич, — вздохнул Серёга. — Но по современным представлениям он сделал кучу ошибок. Например. Если бы я обменялся, представился бы не сотрудником посольства, а кем-то повыше. Террорист, когда со статусными людьми имеет дело, чувствует чужое превосходство. И бессознательно начинает подчиняться. А кто такой рядовой сотрудник посольства для террориста? Никто. Почему он должен его слушать?

— Логично, — признал я.

— Когда знаешь — логично. До всего опытом доходили. У Савельева природный талант был. Работал по наитию. Это сегодня мы с курсантами операции по косточкам разбираем, учу

их думать и быстро принимать правильные решения.

— Да, Серег, хорошо твоим студентам.

— Ага, учатся на чужих ошибках. Мы-то на своих учились.

Там же. Через десять минут

Мы сидим в машине уже втроём, вместе с дедом. Его «копейка» нагрелась, как консервная банка на костре. Так что я пригласил его к нам, чтобы не вскипел.

Было уже понятно, что с рейсом мы пролетаем.

— Серёга, на мой рейс, похоже, пролетаем, давай смотреть, во сколько следующий.

— Да я уже понял, уже ищу, пока ты тут в задумчивость впал, — пробормотал Милицкий, копаясь в телефоне.

— А помнишь теракт, когда мы чуть не потеряли всех заложников? Когда прилетела чиновница, любовница губернатора, и ляпнула террористам: «Мы вас расстреляем, если не освободите людей».

— Леха, не напоминай, не зли меня… Я даже не знаю, кто хуже — наше начальство или вот эти все. Дети, любовницы, холуи. Привыкли к безнаказанности. Что любые их косяки исправит кто-то другой.

— Всё, Серёг, ты уже как политик заговорил.

— Ну так я и есть политик. Состою в партии «Гражданская Платформа».

— Я не особо разбираюсь, извини… Лучше давай о хорошем. Были какие-нибудь переговоры, которые ты вспоминаешь с удовольствием?

— А знаешь, были такие. В 2008. Там такое дело было. Мужик на своей машине встал на клумбе в центре Лубянской площади. Точнее, сперва сделал два круга вокруг нее, но никто на него внимания не обратил. Тогда он остановился и положил на крышу башмак. Нас сразу вызвали, ну и я к нему. Подхожу и говорю: «Что за башмак?». А он: «Я террорист, это теракт, требую миллионы долларов, у меня бомба». Даже не помню, сколько он хотел. Говорю: «Сядем, поговорим?» Он: «Садись». И мы с ним просидели полтора часа. И все эти полтора часа говорили о фильме «Мы из будущего». Я не помню уже, какую цитату из этого фильма ляпнул. А он сразу оживился: «Да это ж мой любимый фильм!» И вот полтора часа «какой отличный фильм», «какой отличный фильм» он мне талдычил. Ну и я ему: «Поехали, Путин и Медведев твои требования удовлетворят». Увёл его с площади, ребята его взяли. Бомба муляжом оказалась. Потом выяснилось — его жена бросила. Поговорить ему хотелось. Хоть с кем-то.

— А ты? — спрашиваю я.

— А я что. Лишь бы не стрелял… Когда же гаишники-то

приедут? Сколько можно?

Тут мне в голову пришла идея.

— Слушай, что подумал: а может, Блинову позвонить?

— Блинову? Зачем?

— С нами сорвется, — предположил я. — Я ему скажу, что с нами Гена Соколов. Они вроде как друзья, — Ну, попробуй, набери, — с сомнением в голосе сказал Милицкий. — Но ты Блинова знаешь. Если сразу не пошлёт — уже хорошо.

Я набрал Виктора Ивановича. Никто не ответил.

Прошло еще пять минут — звонок. На экране высветился телефон Блинова.

— Вы мне звонили. Кто Вы? Что надо? — раздался недовольный голос старого брюзги.

— Виктор Иванович, это Филатов, говорить можешь?

— А, Алексей, привет, — ответил все так же недовольный голос. — Ну, могу. Что стряслось?

— Да слушай, я лечу к Торшину в Грозный. Мы вдруг спонтанно решили там собраться. Ты не хочешь махнуть? Вылет часа через три-четыре. Пока точно не знаю, во сколько, Милицкий Серега — он тоже летит — сейчас пробивает время. Ещё Гена Соколов с нами.

— Вы что там, совсем с ума все посходили? Звонишь, зря беспокоишь. Будешь знать время вылета — набери. Я сумку пока соберу.

Блинов повесил трубку. Я улыбался. Вот же старый лис! Никогда от авантюры не откажется.

— Что, отказал старикан? — спросил Милицкий, уставившись в телефон в поисках расписания рейсов в Грозный.

— Летит, зараза, — ответил я, улыбаясь. — Помнишь, как он в Буденновске выброшенные из окон гранаты как пирожки ловил и обратно забрасывал? Его трудно застать врасплох.

— Да, я слышал, Виктор Иванович недавно соседей гранатой усмирял.

— Было дело. С гранатой в руке объяснил им, до скольки можно музыку громко слушать. Усвоили.

— Лех, — прервал меня Милицкий. — Звони Блинову. Скажи, что вылет через три часа из Внуково.

Я отзвонил, потом набрал Николаичу в Грозный и сказал, что с нами летит Блинов.

— Ну? Так, приеду за вами на машине побольше. Вот это я понимаю, мужики! Жду!

Там же. Ещё пять минут

— Мужики, — снова ожил дедуля. — А правда, что вы в бою кайф испытываете? Ну, что это круче, чем секс?

Мы с Серёгой переглянулись.

— Как сказать, — протянул Милицкий.

— Так и скажи, — посоветовал я. — В общем, да.

— И что, совсем не страшно? — не унимался дед.

— Бывают такие ступоры, тебе, дед, и не снились, — сказал я. — Серег, помнишь Будённовск? С тыла по нам свои огонь открыли. Надо было менять укрытие, подходить ближе к стенам. Там сотрудник был молоденький. Он рядом со мной на задницу шлёпнулся и побелел. От страха отнялись ноги. Я ему — вставай, иди, а он не мог. Так и просидел весь бой. Кстати, Торшин рассказывал: при штурме дома бойцы молодые встали в сцепку, а как прошла команда «штурм», всей своей «змейкой» впали в ступор. Стояли и не двигались. Так Николаевич один на штурм пошел. Они только когда увидели, что командир сам штурмует, отмерли. Стыдно стало, наверное.

— Ну это то, о чем я говорил — Юрий Николаевич себя не берёг, за рядовых на штурм лез. Сомнительное решение. Погибни он, вреда для подразделения больше, чем пользы от одной удачной операции. А помнишь в Буденновске наш офицер, Олег Ишанов? Он будто смерть дразнил. Видимость нулевая, листва кругом, бандиты палят со всех этажей…

— Такой плотности огня ни при одном штурме не было, — говорю я.

— Ну да. А он выбегает из укрытия, с колена пытается погасить огневую точку на третьем этаже. Высаживает рожок одиночными и бегом менять позицию. На ходу магазин заряжает.

— Да, помню его, — ответил я. — Он ко мне подбежал, отпихнул от окна, достал гранатомет. Я ему: «Не стреляй, в пяти метрах сзади стена, так и улетишь вместе с зарядом в окно». Он оглянулся, говорит: «Прорвемся», — и выстрелил. Первый и последний раз видел человека, которому было не нужно времени, чтобы справиться со страхом. Фаза восстановления после шока у парня была доли секунды. Обычно две-три секунды надо. А кому-то и полчаса мало.

— Я бояться не могу, — сказал Милицкий. — Если мой страх бандит почует, к черту переговоры, сразу прикончит. Так что пока разговариваю — не боюсь, контролирую. Но вот когда иду с переговоров и дуло автомата упыря смотрит мне в спину, ничего не могу поделать. Иду блин в своем красивом костюме и думаю,

что вот сейчас в нем появится дыра. С тем чеченцем в автобусе в 2001 говорил, и понимал, что это зверь. У него в башке всё могло переклинить в любой момент. Дошел от автобуса до машины, а спина вся мокрая.

— Вы, наверное, к сорока годам все психи? — вдруг спросил дед.

Я покосился на старикана с недовольством, но решил ответить вежливо.

— Когда молодой был, — начал я, — тоже интересовался. Правда ли, если ты убивал и видел смерть, то у тебя психика исковерканная? Спрашивал у Бубенина[27]. Это легендарный командир. Он 250 китайцев убил на Даманском[28]. Так вот, Бубенин мне хорошую вещь сказал:

«Человек, который убивал сам и видел смерть, мудрее не по годам становится». Я ему поверил. Потом сам убедился. Психика в правильную сторону меняется. Учишься подниматься над ситуацией, видеть её чужими глазами. Меньше сомневаться, больше интуичить. Вот как-то так…

В этот момент подъехали ГИБДДшники и быстро нас рассудили.

С дедом было даже жалко прощаться. Я попытался дать ему денег на новый бампер, но он отказался — мол, у меня страховка, мне достаточно.

— Один вопрос, — сказал он, уже вылезая из машины. — Вы из «Альфы»?

— Из «Альфы», — подтвердил Милицкий.

— Ваши в Беслане детей спасали, по всем каналам показывали. Там надпись в школе на стене «Спасибо «Альфе». Так вот и от меня спасибо. А Вас я узнал, — сказал вдруг дед, подмигнув мне. — Вы в «Золотом Граммофоне» пели с Расторгуевым. Хорошая песня. «По высокой, высокой траве…» — пропел он и захлопнул дверь.

Москва. Аэропорт Внуково

— Серёга? Какими судьбами?

Гена Соколов уже несколько часов проторчал в зале ожидания, скучая. Наверное, мысленно ругал меня. Но увидев Милицкого, удивился и обрадовался.

— Ими самыми, — развёл руками Милицкий. — Подрезал Лёху. В итоге лечу с вами.

— Побил Лехину красотку? — обеспокоился Гена.

— Да не, машины целы. Ген, сейчас ведь еще Блинов подтянется.

— Блинов? Не шутишь? — воскликнул Генка. — Леха, вот это я понимаю! Блинова вытащить трудно. Своеобразный он человек.

— Я тебя упомянул. Думаю, он ради этого и согласился.

— Ну, может быть. Мы сейчас редко видимся. Я его даже домой пригласить не могу. Помню, лет пять назад был случай. Какого-то коммерсанта он охранял, а тот в мой дом приехал. Блинов охранником работать не любил, презирал он это дело. Ну, видит меня и спрашивает, что я в таком шикарном доме забыл. А я соврал, что иду на встречу. Если бы Виктор Иваныч знал, что я в этом доме тоже живу, он бы не понял.

— Ребята рассказывают, он до сих пор иногда приходит в отделение ночевать, — сказал я. — Даже шкафчик там до сих пор за ним числится.

— Помню его этот шкафчик, — ухмыльнулся Гена. — Шел я мимо, а он у шкафчика своего стоял. И вдруг протянул мне руку с конфетой «Домино» — были такие сосалки дешевые. После этого «Домино» печень у меня так прихватило! «Домино» в шкафчике, наверно, лет пять лежало.

— Да уж, Виктор Иваныч такие шуточки любит, — засмеялся Серега.

— У Торшина тоже шуточки не ахти, — усмехнулся я. — Гена, помнишь, ты мне про «Норд-Ост» рассказывал? Ты мне говорил, когда Торшин сказал: «Привет, покойнички», — ты впервые испугался.

— Да, испугался. Побежал Светке звонить. А вот Тор-шин — никогда не видел его испуганным. Даже тогда. Выдержка сумасшедшая. Снайпер бы из него был отличный.

— Но памперс он не наденет ни за что.

Мы посмеялись. Снайпера наши иногда сидят или лежат часов по восемь-десять без права отойти справить нужду. Надевают специальные памперсы. Обычный предмет шуток.

Появился Блинов. Он был хмур — как обычно. На нём были

штаны цвета хаки и бушлат времен Второй мировой.

— Ну, привет, — буркнул он. — Вытащили меня зачем-то.

— Виктор Иваныч, успеешь еще свои десять соток возделать. Слетаем к местам боевой славы, — сказал я.

— Не десять, а шесть, — уточнил Блинов.

— Тем более. Когда еще в Чечню попадешь? — сказал Гена Соколов.

Тут Блинов его заметил. Гену, в числе очень немногих, он считал не просто сослуживцем, а другом.

— Гена! Давно не виделись! — Виктор Иванович обнял его и улыбнулся.

Улыбался Блинов примерно раз в год. Зрелище не для слабонервных.

— Виктор Иваныч, ну тебе только каски не хватает! Прикид отличный! — обрадовался Гена.

— Каска имеется. Дома оставил. Чтобы вас, бизнесменов, не пугать, — слово «бизнесмены» Блинов произнёс так, будто сплюнул сквозь зубы.

— На даче поди в ней ходишь? Соседей пугаешь? — вставил Милицкий.

— Какой ты проницательный, Сережа. Именно так я всегда и делаю. Кончай болтать, пошли на посадку.

Мы с ребятами переглянулись. Все улыбались.

Блинов с маленькой спортивной сумкой шел впереди, как будто возглавлял спортивную тренировку. Его длинный острый нос торчал, как пика.

— Смотрите, у Блинова походка еще хоть куда. В отличной форме старик, — сказал Серега Милицкий.

— Да ему еще в бой можно. Он же на пенсии побыл, а потом пошел «Витязей» тренировать. Он и сейчас на спарринг с тридцатилетними выходит, — ответил я.

— Да что спарринг. Он в 11-м году, в шестьдесят один год, сдал на краповый берет, — сказал Гена.

— Что? Я не знал! Ну Виктор Иваныч дает! — воскликнул Милиций. — И это при том, что еще в годы службы мучился со спиной и ноги болели!

— Да он и при болях в спине брал диск и начинал вращения, — вспомнил я.

— Выглядит отлично, — заключил Серёга. — После операций мужики бухали, в загулы уходили. А он бегал по пятьдесят километров. Поэтому и сейчас как огурец. Хоть завтра в бой.

Позже. Борт самолёта

Я никак не мог поверить, что мы летим в Чечню.

Туда я летал много раз. На военном самолёте. В составе отдела или управления. По дороге в Грозный мы обычно дремали. Два с половиной часа покоя перед тем, как разместят обычно чёрте где. А может быть, и сразу отправят на задание.

Сейчас всё было по-другому. Расслабленные пассажиры в креслах, улыбающиеся стюардессы. Мы попросили выпить, и нам обещали принести. Я чувствовал себя странно — будто попал не на тот рейс.

В проходе появилась фигура мужчины. Он сразу привлёк внимание своими габаритами — человек-скала. Мужчина пробирался по проходу в хвост самолета и был все ближе ко мне.

Я не поверил своим глазам. Это был Сашка Колба-нов. Его нельзя было не узнать или спутать с кем-то: мощный, высокий, круглолицый, с улыбающимися глазами. Глаза его улыбались даже тогда, когда мы лежали в окопе в Аргунском ущелье.

Я вскочил с места и встал у него на пути.

Саня вскрикнул:

— Леха!

Мы обнялись.

— Колбанов! — воскликнул Гена.

— Гена, и ты тут! Сергей! Виктор Иваныч!

Все пожали руки, — Вы зачем в Чечню? — спросил Саня.

— Торшин пригласил. Он теперь советник у Кадырова. Работа солидная. Но скучает по прошлому. Ты же знаешь Торшина. Предложил прилететь, посидеть, вспомнить былое. Мы буквально на одну ночь. А ты зачем туда?

— Я по личному.

— С нами поедешь? Проведаем Юрия Николаевича. Посидим, ребят помянем, потом отпустим тебя.

— Ребята, не могу. Вырвался с работы на два дня. Дело надо сделать.

— Ну давай хоть тут посидим, поговорим.

— Мое место в хвосте самолета. Не знаю, где нам тут разместиться, не у туалета же стоять.

— Я пересяду, садитесь на моё, — сказала девушка, что сидела около меня.

— Это, конечно, жертва — хотелось долететь с красивой девушкой, но спасибо! Мы не собирались вместе лет пять, — обратился я к красавице.

Девушка смущенно улыбнулась и поднялась, Саша Колбанов

пошел проводить ее до своего места.

— Смотрите-ка, все такой же джентльмен, — бросил Виктор Иваныч. — Как он в Моздоке поварихе: «Садитесь, Надежда, поужинайте с нами». Стул ей отодвинул, вино подливал.

— Да, он тогда сказал: «Женщина должна чувствовать себя женщиной, даже если она повариха с мозолями на руках, а вокруг война», — сказал я.

Стюардесса принесла коньяк.

— Ну, Саня, за встречу.

Мы все чокнулись. С Сашей, Геной, Серегой и Виктором Иванычем через проход.

— Саня, так зачем ты в Грозный? — спросил я.

— Я не в Грозный, я дальше.

— Куда?

— Под Гудермес.

— Зачем?

— Найти хочу одну семью.

— Ту, что у себя Абу-Умара прятала что ли? — пошутил я. — Вот хитрецы оказались, будь они неладны.

— Да уж. Чен тогда нам операцию спас. Помнишь Чена?

— Знаменитый был пёс. Сколько он служил, лет пятнадцать?

— Ровно пятнадцать, сотня задержаний. Ты был, когда его на пенсию провожали?

— Неа. Провожали? Водки что ли дали старику?

— Да, устроили ему в отделении проводы. Водки дали. Старый он уже был, зубы у старика крошились. Водку лизнул один раз и зафыркал.

Я посмотрел на Сашу. Глаза по-прежнему улыбались, но погрустнели.

Чен, немецкая овчарка, прошёл обе чеченские — с 1994 по 2001. И умер — как только вышел на пенсию.

— Саша, а всё-таки — ты зачем в Чечню? — спросил вдруг Гена Соколов через проход.

— Хочу найти одного опера. Руслан его зовут. Он в 96-м нас с ребятами спрятал у себя дома.

Я уже знал эту историю.

— Что за опер? Расскажешь, как долетим? Тут неудобно, — сказал Гена, оглядываясь по сторонам.

— Ребята, я в Грозном не планировал останавливаться.

— Саня, ну выпьешь с нами, потом поедешь. Мы не виделись сколько лет? Не тут же, в самом деле, — продолжал уговаривать Генка.

— Хорошо, — сказал Колбанов. — Только ненадолго.

— Я не знаю даже, жив тот опер или нет, — вдруг сказал мне

Саня. — Столько лет прошло, а он мне снится постоянно. Двадцать лет собирался полететь.

Чечня. Аэропорт города Грозный

Зал прилёта был роскошен. По сравнению с тем, куда мы прилетали раньше… хотя сравнивать было невозможно. Торшина не было.

Я уже забеспокоился, когда увидел его — бегущего с другого конца.

— О, Юрий Николаевич бежит. Гранаты в руке не хватает, — откомментировал Колбанов.

Мы заулыбались. Юра без оружия и в самом деле выглядел непривычно.

— Что? — воскликнул он, подбегая к нам. — Какого хрена! Витя! Саня! Серега! Лёху с Генкой я ждал, а вы откуда?!

Мы все по очереди обнялись с Юрой.

— Саню в самолете встретили, с Серегой в пробке столкнулся, он меня подрезал, гад, а Виктора Ивановича в последний момент с дачи выцепили, — ответил я.

— Во чудеса! Ну поехали, по дороге все расскажете! — сказал Николаевич. — Машина ждет.

Мы вышли из аэропорта, нас ждал большой черный микроавтобус.

— Хорошо хоть большую машину взял. В легковушку мы бы не поместились, — сказал довольный Николаевич. — Ну мужики, как я рад вас всех видеть тут. Сейчас покажу вам, как здесь всё поменялось.

Мы с Генкой были в Чечне несколько лет назад, а вот Виктор Иванович, Саня и Серега — впервые после войны. Ехали с открытыми ртами, не узнавали ничего. Мы привыкли видеть вокруг разрушенные панельки, месить грязь и перемещаться на раздолбанных уазиках.

— С ума сойти, дороги какие построили. Это не то, что мы ездили на «таблетках» — за день колеса в ноль, — сказал Колбанов.

— Помню, ехал я один по Джалкинке, — сказал Милицкий, — и колесо пробил, так с перепугу сам его заменил минут за пять. А давайте туда сгоняем, мужики?

— Сейчас приедем, сядем, все обсудим, — предложил Торшин.

— А куда мы вообще едем? — осведомился Блинов.

— В ресторан, в Грозный-Сити. Тут район небоскребов построили, хочу вам Грозный с тридцать второго этажа показать, — объяснил Торшин.

— По таким дорогам ты, Юра, поди на моцике гоняешь? —

спросил я.

— Спрашиваешь! А ты завязал? Подарил бы мне своего коня тогда.

— Лёх, а почему завязал? — заинтересовался Колба-нов.

Я рассказал, как вместе с Генкой мы ездили в Оптину Пустынь к старцу Илию. И попросили у него благословения на езду на мотоцикле. Старец, однако, не благословил — и даже рассказы о московских пробках и обещания не гонять на него не подействовали. Через пару недель после поездки к старцу меня подрезал джип, пришлось на скорости выскочить на высокий бордюр, я чудом удержался на мотоцикле. На голени так и остался чёрный след от удара. Я воспринял это как знак. Больше не садился.

— Кому что предначертано — то и сбудется, — заметил Торшин. — Я вот как гонял, так и буду гонять.

Чечня. Грозный. Площадь минутка

Мы въехали в город.

Сильно жарило солнце, стояли дома и скверы — как по линейке. Мы пронеслись мимо мечети, совсем новенькой, красивой, как новогодняя ёлка.

— Я ничего не узнаю. Где мы? — спросил Колбанов.

— Проспект Ленина, — усмехнулся Торшин.

— Проспект Кадырова, — прочитал Виктор Иванович табличку. — Ленина свергли.

Мы въехали в район небоскребов. Грозный-сити напоминал Нью-Йорк или Москва-сити.

— Ни хрена себе отстроились, — сказал Виктор Иванович и задрал голову, выглядывая из окна машины. — Мужики, тут Минутка[29] совсем рядом. Может, прокатимся туда, пока светло?

— К Минутке, — крикнул Торшин водителю. Тот кивнул и погнал.

Мы подъехали к Минутке, остановились на обочине. Повисла тишина. Мы просто сидели и смотрели.

Солнце, машины, люди. Фонтан на том месте, откуда оттаскивали раненых и мертвых. Красиво. Будто и не было войны. А у каждого из нас она была за плечами. И каждый в эти минуты у Минутки думал о своем.

— Голова закружилась, — сказал Виктор Иванович, опуская стекло и впуская в машину воздух. — Ну, значит, не зря всё было.

— В Ханкалу! — крикнул Юра водителю.

Водитель завел двигатель. До Ханкалы было минут пятнадцать езды.

Чечня. Ханкала

Ханкала изменилась не сильно. Раньше мы жили здесь в вагончиках, а теперь построили одноэтажные казармы. Разве что куда-то исчезла грязь — во время чеченских компаний в Ханкале было очень грязно, чернозем размывало.

— Саня, — спросил Соколов Колбанова. — Помнишь, у тебя песня есть? «Нам ночью снятся вдоль речушек ивы, березки и зеленая трава, но окружают нас фугасные разрывы и копоть в небе над поселком Ханкала»? Это ты здесь сочинил или после?

— Здесь, — Колбанов махнул куда-то рукой. — Вот здесь наш вагончик стоял. Там и сочинил.

— А дальше что? — заинтересовался Блинов.

— «И если штаб задачу нам поставит, пойдем к парням, их только попроси, в любой район Чечни тебя доставят родные «Ми» — бесплатное такси», — пропел Кол-банов.

— Лёха, — вдруг вспомнил Соколов, глядя на меня. — Помнишь, ты в Ханкалу к нам с анкетами приезжал? Мы сидим с автоматами в руках, ждем команды на выезд, а ты нам: «Ответьте на вопрос, какую эмоцию вы испытываете, когда видите террориста в прицел?» И четыре варианта ответа: «гнев, испуг, равнодушие, возбуждение».

Генка, конечно, переврал и вопрос, и ответы, но в целом был недалек от истины. С начала двухтысячных я начал летать в Чечню не как боец, а как ученый — тема моей диссертации была «Психологические особенности проведения спецопераций по освобождению заложников». Я анкетировал бойцов — проводил, так сказать, полевые научные исследования. Но и в бой тоже ходил. Оружия у меня не было, ребята давали на месте — тайком от руководства.

— Возбуждение, Гена, — усмехнулся я. — Только возбуждение.

— А мы любили твои вопросы, Лёха, — протянул Соколов. — Они придавали какую-то интеллигентность тому, что там творилось.

— Хоть сейчас бы пошел в бой, — вдруг сказал Виктор Иванович.

— Сколько тебе? — смотря куда-то вдаль, спросил Юра.

— Шестьдесят пять, но это неважно.

— Виктор Иваныч, ты серьезно? — спросил я, хотя знал, что сейчас Блинов не шутит.

— Мне уже рассказывали, что он на войну просился, — сказал Соколов. — И что есть установка тебя, Виктор Иванович,

не пускать, хоть ты и в прекрасной форме, я тоже знаю. Мужики, он сдал на краповый берет!

— Мы тут что, меня обсуждать собрались? Я лучше в бою сдохну, чем как вы — бизнесом заниматься, — отрезал Блинов.

Грозный, проспект Кадырова, 1. Отель «Грозный-сити», бар-ресторан «Купол»

С тридцать второго этажа Грозный был как на ладони.

Я задумчиво смотрел на море огней, на полыхающую светом мечеть «Сердце Чечни», и вспоминал другие огни — тусклые и страшные огни войны. Дым, грохот и крики.

— А что это Виктор Иваныч ничего не ест? — раздался над ухом голос Милицкого.

Я обернулся. Перед столиком стоял официант и ждал, пока все сделают заказы. Блинов, насупившись, смотрел в сторону и молчал.

— Виктор Иваныч, что будешь? — спросил Торшин.

— Я половину в этом меню не понял, — процедил сквозь зубы Блинов. — Я и слов-то таких не знаю.

— Возьми стейк сёмги, — предложил Соколов.

— Стейк — это что такое? Почему нельзя написать «кусок»? — придрался Блинов. — Ладно, давайте стейк, — снизошёл он.

— Может быть, что-нибудь ещё? — официант, по обыкновению, стал подталкивать клиента к увеличению заказа.

— Не кичливость, а скромность украшает большевика, — наставительно сказал Виктор Иваныч.

Официант посмотрел на него опасливо и удалился. — Это откуда? — спросил Гена.

— Это сказал Иосиф Виссарионович Сталин, — тем же тоном сообщил Блинов.

Милицкий дёрнул уголком рта.

— Виктор Иванович, вот только о Сталине не начинай.

Блинов развернулся.

— А что Сталин? Чем не нравится?

Милицкий сделал неприятное лицо человека с убеждениями.

— А ничего. Миллионы погубил, а так, конечно, ничего. Давайте будем его цитировать.

Виктор Иваныч тоже набычился.

— А ты, Сережа, обвиняй не Сталина, а простого человека. Не Сталин доносил, а простые люди из очереди. Комнату соседа в коммуналке захотел — донес. Жена чья-то понравилась — донес. Тех — в лагерь, комнату или жену — тебе. Проще всего сказать — во всем виноват Сталин.

У Милицкого явно были свои аргументы, но его опередил Гена:

— Время было такое.

— Время, говоришь? — Блинов усмехнулся. — Хорошо, вот тебе двухтысячные. Были мы в Осетии, на высоте. И там парнишку ранили, я сразу связался с вертолетчиками, мол, ранен, нужно в госпиталь, а они мне по связи: «Прилетим, когда обед закончится». Парень умер у меня на руках, пока они обедали. Кто этого парня убил? Президент? Нет, маленький человечек. Для которого обед по расписанию дороже чужой жизни.

Все замолчали.

Официант принёс заказ. В центре подноса стояла бутылка.

— Мужики, за встречу! — предложил Торшин.

Мы поднялись и выпили стоя.

Я заметил, что Торшин чокнулся компотом, и спросил его об этом.

— Здесь я не пью, — сказал Юрий Николаевич.

— Даже не пригубишь за встречу? — удивился Гена.

— Не здесь, — повторил Торшин. — Мужики, Рамзан и в четыре, и в пять утра звонит и к себе вызывает. Приезжаешь — а там уже совещание. А оттуда подрываемся и куда-то понеслись. Я же не могу выпившим или с запахом появиться. Тут вообще не пьют. Алкоголь не продается. Мы сейчас сидим в единственном месте в Грозном, где алкоголь легально в меню. Сигареты, кстати, тоже только на рынке, в магазинах их нет. И вообще, здесь нужно быть в форме всё время. Вот когда у меня командировка куда-нибудь в Махачкалу, вот там я могу немного расслабиться. С корешком своим — полковником могу по сто фронтовых вечером выпить.

— Это как раньше по Чечне едешь на стреме, только границу пересек — врубаешь радио и кайфуешь под музыку, — вспомнил Колбанов. — А как обратно — сразу радио выключил… Мужики, всё хорошо, но мне пора. Хорошо с вами, но надо ехать, искать опера.

— Какого опера? Куда ехать? — не понял Торшин.

— Да расскажи ты, наконец, — буркнул Блинов.

Когда Колбанов рассказал про 96-й, ночёвку у Руслана, и почему он хочет его найти, Торшин стукнул кулаком по столу.

— Ну Саня, мать твою! Ты мне раньше сказать не мог? Я тут уже год, я бы все выяснил, съездил, нашел твоего Руслана. Или информацию, что с ним случилось. Ну Саня!

— Да я сам не знал, что ты тут, — оправдался Колба-нов. — Ну я пошёл.

— Я с тобой, — неожиданно сказал Милицкий. — Мне интересно, чем эта история кончилась.

— Я с вами, — сказал Блинов.

— Может, все поедем? — предложил я.

— Я вам обещал сюрприз, — напомнил Торшин. — Через десять минут нас ждут. Не подводите меня, ребята.

Блинов подумал, потёр лоб и предложил решение:

— Давайте так. Саня, Серега и я поедем под Гудермес. Саня прав, надо ехать, уже в девять в селе спать повалятся, никого не найдем. Юра, ты же все равно сюрприз для Лёхи и Гены готовил. А вы втроем позже подрулите. До Герзель-Аула тут ехать минут тридцать.

И вот как в старые времена, мы разбились на группы, чтобы встретиться в условленной точке. Ребята уехали на микроавтобусе. Нас Николаич посадил в свою машину.

Грозный-сити светился огнями, как Лас-Вегас.

— Так что за сюрприз, Юра? — спросил Гена.

— Сейчас все поймете.

Грозный. Дом Рамзана Кадырова

Было уже темно.

Мы подъехали к белеющему в темноте дому. Было видно, что постройка новая.

— Ого, — сказал Гена. — Это что, резиденция Кадырова?

— Именно она, — сказал Торшин. — Заходите, нас ждут.

На первом этаже в центре холла стоял огромный макет какого-то строения.

— Это что? — спросил я Юру.

— Макет Центра подготовки спецназа, Рамзан очень ждет, когда достроят, горит этим проектом, — ответил Торшин.

— А всем строительством, кстати, руководит наш, «альфовец». Мартынов. Вы его не знаете, он позже в группу пришёл, когда вы увольнялись, совсем ещё молодым был.

— Наш офицер руководит? — удивился Гена.

— Да. Позже расскажу.

Мы поднялись в лифте. Навстречу нам бежали три чеченских мальчика и что-то кричали. Увидев нас, они тут же стали серьезными, вежливо поздоровались, по-взрослому вошли в лифт.

Мы зашли в обеденный зал. В центре зала стоял огромный стол, человек на двадцать, уставленный всевозможными блюдами. Единственное, чего не было — спиртного. И сладкого.

Через полминуты в дверях показался незнакомый мне мужчина. Следом зашёл Рамзан Кадыров. Я впервые увидел главу Чеченской Республики вживую, не по телевизору.

Во время войны я повидал разных чеченцев. Так вот — Кадыров мне сразу понравился. Он выглядел и вёл себя как командир, понимающий свою ответственность. Было сразу понятно, что все вопросы здесь решает он — и он же отвечает за всё, что здесь делается.

— Добро пожаловать, — сказал нам Кадыров. — Юрий Николаевич, рад тебя видеть, представь гостей.

— Это Алексей Филатов и Геннадий Соколов, «альфовцы». Алексей Алексеевич — вице-президент Ассоциации наших ветеранов, — он посмотрел на меня.

— Добро пожаловать, очень рад нашей встрече. А это мой дорогой брат, Магомед Даудов. Глава парламента Чечни и Герой России.

Мы пожали руки с Магомедом и сели за стол.

— Вы только прилетели? Что-то успели увидеть? Как вам наш город? — сразу спросил Рамзан.

— Я его не узнал, — честно сказал Гена. — Помню грязь,

разрушенные пятиэтажки.

По лицу Рамзана было заметно, что он тоже всё это помнит.

— Мы прокатились до Минутки и Ханкалы. Ностальгировали, — сказал Гена.

— У меня сохранился снимок, на обратной стороне написано 2002 год, Минутка, — сказал я. — Юра, помнишь? Я, когда снимал, тебя ещё спросил: «Скажи, когда-нибудь здесь все это закончится?»

— Я тогда ответил: «Думаю, никогда», — вздохнул Торшин. — Я тогда и в самом деле так думал.

— А теперь там цветы и фонтан, — напомнил я.

— Я рад, что был неправ, — сказал Торшин. — И сейчас делаю всё, чтобы себя опровергнуть.

— Я на Ханкале вспомнил генерала Угрюмова, — подхватил Гена. — Помнишь его?

— Золотой человек! — у Кадырова загорелись глаза. — Если бы он остался жив, мы войну закончили бы много раньше. Он докладывал Президенту истинное положение дел. И не боялся брать на себя ответственность. Я видел, как он общался с отцом — в санатории ФСБ в Каспийске, в Гудермесе, в Грозном и в Ханкале. Отец меня часто к нему отправлял по разным делам. И он свой автомат «Кедр» подарил мне: «Вот тебе мой автомат, ты — мужчина! Держи на память…»

— Ему было присвоено звание Героя России. А он год проходил, не имея самой награды, — сказал Николаевич, — У него времени не было поехать в Москву за Звездой Героя. Так и умер здесь, в Ханкале. От сердечного приступа. У него двое сыновей. Я их видел. Они в Ханкалу приезжали, чтобы встретиться с отцом. Он в Москву ездил только на доклад к Путину. День, два — и обратно! Жил в вагончике. Там я получал от него задачи на мероприятия. Ходил в зеленом спецназовском костюме. У него очень болели ноги. Ему лечиться даже некогда было! Все потом, потом.

— Его именем мы назвали улицу в Грозном, — сказал Кадыров. — Мы стараемся, работаем. Скоро отстроим Центр подготовки спецназа. Это будет грандиозный проект. Начали строить год назад, через полгода сдадим.

— Сроки строительства какие-то рекордные, — удивился Гена.

— Как по-другому? Что делается медленно — делается плохо. Один минус — семью вижу мало. Смотрите, что сыновья мне прислали, аудиосообщение, — сказал Кадыров и полез в телефон. Из него зазвучали детские голоса: «Папа, мы стоим тут у входа. Может быть, ты уделишь нам хотя бы пять минут?»

— Вот такое мне прислали, — улыбнулся Рамзан.

— Мы видели мальчишек, когда поднялись в лифте, — сказал Юра. — Как только нас увидели, перестали баловаться, вежливо так поздоровались.

— Да, сыновья заходили. На пять минут обняться. Больше нельзя, мой график жесткий. Нет времени ни на себя, ни на семью.

Мы заговорили о политике примирения. Я давно, еще со времен учебы в адъюнктуре ФСБ, размышлял о том, что амнистия, прощение, примирение — единственное решение для территорий, где недавно воевали брат против брата.

Кадыров горячо поддержал моё мнение.

— Да, другого пути нет. Вот Магомед, позывной «Лорд», — сказал Кадыров, посмотрев на сидевшего рядом с ним Героя России. — Его я взял в плен, когда он был амиром села Гелдаген. После мужского разговора я решил взять его в свою личную охрану. Какое-то время я прятал его от федералов — он был в списках федерального розыска. Мой дядя тогда сокрушался: «Кто тебя охраняет, они же тебя убьют…» Но я знал, что делаю! Магомед был командиром взвода моей Службы безопасности, потом начальником Шалинского ОВД, участвовал в боях против банд и в специальных операциях. А летом 15-го возглавил парламент Чечни.

— Я тоже за амнистию, — ответил я. — Но есть человеческие счёты. Некоторых трудно простить. Вот недавно поймали злодеев в Аргуне. Они готовили покушение на вас. Они не пощадили бы и вашу семью. Вы можете их простить?

— Иногда это нужно, — сказал Рамзан. — Людям надо дать шанс вернуться к мирной жизни. Что я делаю с теми, кого ловлю с автоматом в руках? Я сажусь и беседую с ними, переубеждаю. Недавно как раз с человеком, который готовил на меня покушение, я разговаривал три часа. И он признал, что я прав. Тогда я просто отпустил его. И я знаю, он больше не будет стрелять.

— Смело, — признал Гена. — Но, как видно, работает?

— Да. И это пример, кстати, для Сирии. Если там не провести амнистию, вы думаете, война закончится? Нет. Так и будем там воевать до последнего сирийца.

Я слушал, одновременно пытаясь уложить в голове впечатления.

У Кадырова в доме было уютно. Это был именно дом, а не «резиденция». И здесь мы были не на официальном приёме: всё было по-человечески. Я с отвращением вспомнил опыт общения с нашими чиновниками. Когда какой-нибудь хмырь из

«Жилищника», недавно присвоивший первый миллион общественных денег, разговаривает с тобой через губу — как Гулливер с лилипутами. По Кадырову же было видно, что он прежде всего боец. И уважает людей боя.

— Давайте вот о чём, — вдруг сменил тему Кадыров. — Я давно хотел с вами встретиться. И когда Юрий Николаевич рассказал, что вы прилетаете, даже я, а не он, попросил о встрече. Алексей, подразделение «Альфа» мной очень сильно уважаемо, я бы хотел как-то помогать семьям, которые остались без кормильцев. Как они вообще живут?

Если честно, я опешил.

— Наша Ассоциация старается помогать. Мы считаем это делом чести, — ответил я. — Мы каждый год собираем вдов на Восьмое марта, вспоминаем их мужей, они рассказывают, как живут, в чем нуждаются. Мы их, конечно, поддерживаем финансово.

— Вот и я тоже очень хотел бы помогать, — сказал Рамзан. — Мы можем договориться, что либо я, либо мои подчиненные будут прилетать в Москву и собирать вдов, устраивать им праздник? Еще я хотел бы создать фонд помощи их семьям. Я не представляю, как можно поднять детишек без кормильца.

— Отличная идея, — ответил я.

— Ну все, Лёха, значит, уже завтра все заработает, — сказал Юра. — Тут нет бюрократии. Всё делается быстро. Очень быстро, — он выделил голосом слово «очень».

— Тогда договорились, — сказал Кадыров и протянул мне руку. Я её пожал.

Внезапно задребезжал телефон. Рамзан посмотрел на номер.

— Мама, — сказал он.

Мы поняли, поднялись, стали прощаться.

— Нет, я вас так не отпущу, — сказал Рамзан. — Поехали в Центр подготовки. Посмотрите, что мы уже отстроили. Это недалеко.

Мы разошлись по машинам. Рамзан поехал на своей, мы сели к Торшину.

Чечня, Гудермесский район

Минут через двадцать мы уже тормозили у Центра подготовки спецназа. Навстречу нам вышел мужчина — русский, лет тридцати пяти, но с бородой на кавказский манер.

— Это Даниил Мартынов, тоже офицер «Альфы», — представил нам мужчину Кадыров, — он руководит проектом. Очень талантливый офицер.

— Здравствуйте-здравствуйте, добро пожаловать, — сказал Даниил, пожимая нам руки и улыбаясь.

Было темно, около одиннадцати вечера, но стройка шла вовсю.

— Вот наш Центр, тут сотня гектаров земли. Даниил! Расскажи, что уже построено и что у нас тут будет, — попросил Кадыров.

— Центр построен на семьдесят процентов, — начал Мартынов, — от задумки прошло полтора года, от строительства — год. Планируем закончить через полгода. Почти готов главный корпус, взлетное поле, сорок стрелковых галерей — они самые большие в мире. Бассейн с изменяющимся дном. За главным корпусом — тактический город. Видите, там реальные жилые строения с высотными зданиями, у них наземная и подземная инфраструктура. Там же горно-лесистая местность. Идеально для отработки различных тактик в различных условиях.

— Чтобы спроектировать Центр, Даниил объехал несколько стран, перенял опыт. Прямо как Петр Первый, — заулыбался Кадыров. — Он за все отвечает — и за архитектуру, и за подбор материалов, и за то, чтобы все функционировало правильно.

— Да. Например, корпус состоит из несообщающихся частей, чтобы силовые структуры и гражданские подразделения учились инкогнито, — сказал Мартынов. — Кстати, Рамзан Ахматович, материалы, которые мы разработали, прошли экспертизу на огневое сопротивление. Всё отлично.

— Молодец, Даниил. Пойдемте, посмотрим стрелковые галереи, — предложил Кадыров.

В галереях просто дух захватило. Мы с мужиками вспомнили наш полигон в Ярославской области и посмеялись. Чтобы пострелять, выезжали из Москвы чёрте куда — своего полигона долго не было.

— Выстрелю? — спросил Юра.

— Конечно, — ответил Кадыров.

Юра, долго не думая, засадил в девятку.

— Юрий Николаевич, брат, браво, — улыбнулся Кадыров.

Мы все постреляли — с огромным удовольствием. Десятка в тот вечер тоже поистрепалась.

Но нужно было прощаться. Мы обнялись с Кадыровым и Даниилом и погнали в сторону Герзель-Аула.

— Юра, я, если честно, поражен. Парнишка совсем молодой, простой офицер, а так вырос, такой проект поднял, — говорил я Торшину.

— Парень взял и сам провел серьезную научную работу. Стал спецом высочайшего уровня. Кадыров молодец, доверил такой проект нашему. И не прогадал, — добавил Гена.

— Да, представьте, какой потенциал у обычного офицера в нашем подразделении. Гордость, конечно, берет, — сказал Юра.

— «Мы Группа «А», а это значит, нам первыми вставать и побеждать», — запел я.

— «Когда беда и не придет подмога, а смерть уже зовет в свои ряды, тогда просите помощи у Бога, чтоб Группа «Альфа» вас прикрыла от беды», — орали мы с Геной негласный гимн подразделения.

Торшин смотрел в окно и как-то грустно улыбался. Я смотрел на затылок Юрия Николаевича и думал — что-то сильно он поседел.

То же время. Чечня, аул под Гудермесом

— Ну здравствуй, Гудермес, — сказал Саня, когда машина въехала в город.

— Сбавь скорость, мы по сторонам осмотримся, — попросил водителя Блинов. Машина поехала медленнее.

— Помню, была у меня тут информаторша. За паёк мне всех сдавала с потрохами, — вспомнил Серега. — Обычно чехи врали половину, приходилось проверять за ними. А вот она ни разу не кинула. Пятерых детей надо ей было кормить, а я ей с УАЗика пайки отгружал. Интересно, как она сейчас живёт.

— Так, может, еще её найдем? — усмехнулся Виктор Иванович.

— Ага, а потом еще собаку, которая к нашей базе приблудилась, — пошутил Серега.

— Помню эту собачонку, — сказал Иваныч. — Прибилась она к нам и вот чехов на дух не переносила. Как наш идет — сидит, молчит. Как чех — бросается на него, с ума сходит. Запах, что ли, у нас разный? Собачка не раз нам жизнь спасала. Ходила первой. Чеха в кустах унюхает и лай поднимает.

Ночной Гудермес проехали быстро, взяли курс на Герзель-Аул. За окном была густая темень.

Бойцы с трудом нашли ту самую улицу, куда под покровом ночи Руслан привез «альфовцев» двадцать лет назад. Но на месте дома опера стоял совсем другой дом.

— Мужики, это не тот дом, — сказал Саня.

— Саня, ты уверен? Темно же было? Может, путаешь? — спросил Виктор Иванович.

— Это точно другой, — ответил Саня.

— Свет не горит. Ну пошли, попробуем постучать, может, спят, — сказал Блинов и шагнул к калитке.

Позвонили, никто не выходил. Темно было и в соседних домах. Светился только домишко в конце улицы.

— Вон свет в окне, пошли, — сказал Серега.

Ребята почти дошли, когда к дому опера подъехали «Жигули». Из «Жигулей» вышла семья — пожилой мужчина, женщина, и двое молодых. Они живо переговаривались и смеялись.

В седом мужчине Саня узнал Руслана.

— Руслан! — крикнул он.

Чеченец оглянулся. Было понятно, что Саню он не узнает.

— Саня, он тебя не узнал, иди давай ближе, — скомандовал Виктор Иванович.

Широкая фигура Сани двинулась навстречу чеченцу. Руслан вдруг расплылся в улыбке.

— Александр, ты? — спросил он, сделал шаг навстречу к Сане и обнял его. — Ты что здесь делаешь? Разве мог я подумать, что снова увижу тебя!

— Я приехал узнать, живы ли вы, — сказал Саша.

— Пойдёмте в дом, пойдёмте! — сказал Руслан и приветливо похлопал каждого из ребят по плечу, пропуская вперед себя во двор.

Ребята сидели в скромном чеченском доме. За одним столом Виктор Иванович, Серега Милицкий, Саня Колбанов, Руслан и муж его дочери. Жена и дочь готовили поесть. Оказалось, что семья только что вернулась со свадьбы второй дочери.

— Мы думали, возвращаться домой сегодня или нет. Что-то меня так домой тянуло, уговорил своих ехать. Теперь понятно почему! — сказал радостно Руслан.

— Руслан, это же совсем другой дом, что случилось с твоим? — спросил серьезно Саня.

— Его спалили, Александр. Мне пришлось построить новый.

— Рассказывай, — сказал Саня.

— Мы с операми ждали, что когда федералы уйдут, начнутся бесчинства. Но надеялись, что не засветились нигде. Работали вроде спокойно. Была зима, и Казбек не пришел на службу. Помнишь, был с нами очкарик, молодой парнишка, Казбек звали?

— Конечно, помню. Который еще хотел, чтобы мы у него заночевали.

— Он самый. И вот его нет и нет. Час прошел, два, три. А он всегда самый первый приходил. «Поехали», — говорю своим. Жил он один в частном доме мамкином, мамка умерла давно. Во двор зашли — дверь нараспашку. Видно, давно уже открыта, из дома даже пар не шел, остыл домишко. Мы внутрь, а Казбек лежит на полу с перерезанным горлом. Следы крови по комнате кругами — то ли ползал он, пытался на помощь позвать, то ли они его волочили. Собака его лежала рядом пристреленная. Я мужикам скомандовал прямо там — чтобы все быстро по домам и увозили семьи. Я тоже домой, жене говорю: «Собирайся!» Девчонок сам одел. Через час мы уже уехали. Поехали в горы, там брат жены живет. Год мы там жили, а когда вернулись — на месте нашего дома пепелище. Соседи рассказали, что за нами приходили. Я сверил даты — в тот же день, когда Казбека убили. У соседей дверь ногами выбили, спрашивали, где мы. Ладно, хоть их не тронули. Нас не нашли и дом спалили.

— Где вы жили, пока строились? — спросил Саня.

— В общежитии в Гудермесе, пять лет.

— Небось вчетвером в одной комнате? — предположил Виктор Иванович.

— Ничего, — сказал Руслан.

— На что строился, Руслан? — спросил Саня.

— Я работал, жена работать в садик пошла.

— Ели хлеб и картошку, — бросила дочка, накрывая на стол.

— Гюзель! — крикнул Руслан. — Я рад, что дом построил. Пусть небольшой, но хороший, — с гордостью сказал он.

— С остальными операми что? Вернулись? — спросил Виктор Иванович.

— Вернулись. Один на Ставрополье отсиделся, другой у родственников, в Краснодарском крае. Только бабка жены второго ехать отказалась, уперлась — не поеду и все. Так, когда за ним пришли, её убили. Не пощадили старуху.

У Блинова зазвонил телефон. Это я звонил — мы как раз подъезжали к Герзель-Аулу.

— Жив опер, жив, мы у него, — кричал нам в трубку Блинов.

— Александр, так ты с собой всю Группу «Альфа» привез? — смеялся Руслан.

Мы подъехали к небольшому одноэтажному дому, зашли и поздоровались с домочадцами. Наши мужики, Руслан и его зять сидели за накрытым столом, женщины хлопотали. После роскошного ужина у Кадырова есть совсем не хотелось, но нужно было показать уважение хозяевам. Серега Милицкий изложил нам историю Руслана.

— Давайте выпьем за ваш дом. И спасибо вам, что тогда выручили Саню и остальных наших ребят, — сказал Юра Торшин и опять поднял компот. Мы выпили по рюмке — в доме было спиртное.

— Вторую я хочу выпить за Казбека. И всех, кто погиб в той страшной войне, — произнес Руслан. — Мы чудом выжили. И оттого ценим мир всем сердцем.

Был длинный вечер, мы вспоминали ребят, погибших в Чечне, ходили курить на улицу и слушали тишину. Руслан не отпустил нас в Грозный, как Юра ни убеждал его, и мы остались ночевать в доме чеченского опера. Он устроил нас в одной комнате.

Там мы и легли — шестеро мужчин пенсионного возраста. Шестеро бойцов Подразделения «А», оставшихся в живых.

— Ночь какая хорошая. Так спокойно внутри. А тогда я так и не заснул, — признался Саня.

— Я вообще не помню ни одной спокойной ночи в Чечне. Эта первая, — сказал Виктор Иванович.

— А я помню, как весной тут виноград цвёл. Запах такой стоял, и я все думал: вот она жизнь, рядом совсем, — вспоминал

Гена.

— Я бы сейчас вообще на улице лег. Воздухом надышаться не могу, — сказал Серега.

— Дыши, Серега, дыши. Завтра обратно в Москву, — ответил я.

Я не помню, как провалился в сон. Не помню, что мне снилось.

Ровно в четыре утра я открыл глаза. Из ближайшей мечети доносилось пение муллы.

Боец спецподразделения «Альфа», воевавший в Чечне, никогда в жизни не проспит намаз. Слишком часто срывались мы в бой, услышав намаз. Лучший момент для штурма — время утреннего намаза. Тогда мусульмане откладывают в сторону все — даже автоматы, — чтобы предстать перед Аллахом. Пение муллы оглашает округу. Этих звуков наши бойцы ждут на исходной позиции. Первые напевы — сигнал к атаке.

Я оглянулся. Полковник Торшин, полковник Милицкий, майор Соколов и полковник Колбанов — все лежали в темноте с открытыми глазами. Не было только Блинова — он, как всегда, уже отправился на пробежку.

Лёжа в маленькой комнатке в Герзель-Ауле, я подумал — а ведь муэдзин красиво поёт. И уже привычное — что даже худой мир лучше самой доброй войны. И дальше: мир без насилия был бы прекрасен и чист, как этот воздух.

К сожалению, у насилия есть два козыря. Первый — оно решает проблемы. С его помощью можно добиться того, что иначе получить невозможно. Насилие очень, очень, очень эффективно. И второе — в подавляющем большинстве случаев против насилия нет другого средства, кроме него же самого. Мы всегда пытаемся избежать силовых вариантов, но это редко удаётся. В конце концов всё решает оружие. Точнее, люди с оружием. Умеющие его применять, готовые его применять. И, наконец — любящие его применять. Да, именно любящие. Такие люди должны быть. Мы — такие люди.

Римляне — те, древние — хорошо разбирались во многих вопросах. Но особенно в вопросах войны и мира. И это они говорили: «Хочешь мира — готовься к войне».

Мы — готовы.

Алексей Филатов, Павел Евлахов
Года-километры

Я знаю точно — мне повезло.
Жизнь связала меня узлом
С людьми, которые круто сделаны —
Сердца горячие, мысли смелые.
В любых передрягах мы были рядом.
Мы стали командой, мы стали отрядом,
И сколько прожито, сколько пройдено.
Друзья настоящие — это как Родина.
Так было: когда-то под чьим-то прицелом
Мы с ними стали единым целым.
Что с того, что года наши развеяны ветром?
Вместе мы, а значит нам беда — не беда!
Вместе мы прожили годы-километры —
Значит, в сердце моём вы навсегда!
Простой не была дорога моя,
Но будет что рассказать сыновьям —
О том, как стояли в едином строю,
Выполняя мужскую работу свою.
И пускай мы уже далеко не юны,
Но по-прежнему мы друг другу нужны.
И всегда и везде мы будем стараться
Сберечь офицерское крепкое братство —
Пускай много зим уже позади —
Мы вместе, а значит — мы победим!
И я не хотел бы судьбы иной.
Спасибо друзья, что вы рядом со мной.
Что с того, что года наши развеяны ветром —
Вместе мы, а значит нам беда — не беда!
Вместе мы прожили годы-километры —
Значит, в сердце моём вы навсегда!

Послесловие

Я написал первое слово в этой книге более трёх лет назад. Тогда я не думал, что работа над книгой так затянется.

За это время случилось многое. Радость от первых страниц. Боль от замечаний товарищей по творчеству. Злость на себя — когда я не мог что-то вспомнить, восстановить, найти. И работа, работа, работа.

Я мучил свою память. Я сверялся с чужими воспоминаниями. Читал документы. Проводил долгие часы в разговорах с товарищами по службе и с людьми, причастными к событиям. Я искал правду — и не мог её найти.

В чужих словах, в сводках информагентств, даже в собственной памяти я находил сотни нестыковок, ошибок, двусмысленностей, противоречий. Как психолог, я понимал, что это неизбежно. Мы по-разному воспринимаем действительность. Более того, со временем воспоминания плывут. Сглаживаются углы, меняются краски, сдвигаются акценты. У каждого в голове складывается своя картина. И каждый верит, что истина в последней инстанции живёт именно в его голове.

Мне пришлось сводить разные картины в одну. Мне приходилось выбирать — о чём писать и чему верить. Что будет понято правильно, а что — нет. Не задену ли я своей правдой память павших. И с другой стороны — не станет ли какое-то умолчание той ложью, которая убьёт суть книги.

Но теперь — что сделано, то сделано. Ещё раз: эта книга — моё ви́дение. Ответственность за него несу только я.

И ещё несколько слов напоследок.

Первые читатели книги спрашивали меня, почему я выбрал именно этих людей. Почему именно они, а не другие. Я обычно отвечал, что выбрал их потому, что они разные. Очень разные. И у каждого была своя судьба. Нет того шаблона, в который можно было бы втиснуть каждого. Кроме одного — все они были «альфовцами».

Мой старый друг, идеолог нашего ветеранского движения, Владимир Ширяев, часто говорил, что стоило бы написать книгу об «Альфе». Он её хотел назвать «Феномен Альфы». Я слушал его и думал — а в самом деле, в чём заключается этот феномен? Который, несомненно, существует.

Эта книга — мой ответ. То есть часть ответа. Поэтому книга называется «Люди «А». Для меня это начало.

Бог даст, я продолжу. Пока все, с кем я служил, не станут моими героями.

notes

Сноски

1

Прошло почти сорок лет, а мы и сейчас частенько пытаемся делить поведенческие нормы и вещи на «наши» и «загнивающего Запада». Советская идеология в нас засела накрепко.

2

Кстати, недавно мой знакомый на полном серьёзе рассказывал, что знает, как в спецназе учат бойцов покидать физическое тело и выполнять боевые задания в любой точке планеты. Люди всегда верили в сказки.

З

ОВ — «особой важности», высшая степень секретности в советской документарной системе.

4

«Семёрка» — Седьмое управление КГБ. Специализация: оперативно-поисковая деятельность (наружное наблюдение и т. п.), охрана дипкорпуса и ещё ряд задач.

5

Впоследствии этот простой трюк повторяли неоднократно. В наше время — тоже. К сожалению, мы достойные дети советской эпохи.

6

30 офицеров специального резерва КГБ СССР под командованием Якова Фёдоровича Семёнова.

7

Отряд специального назначения ГРУ, сформированный из советских военнослужащих среднеазиатского происхождения для охраны Тараки и выполнения особых задач в Афганистане, под руководством полковника ГРУ Василия Васильевича Колесника.

8

Я, в свои пятьдесят с лишним, повидав и успехи, и провалы, могу сказать с абсолютной убеждённостью — это чувство не сравнится ни с чем. Ради этих эмоций мы выбираем работу риска и опасностей. Лишь пройдя через боль, кровь и потери, выйдя победителем, получаешь самые сильные ощущения. А дружба, скреплённая этими эмоциями и лишениями, не имеет аналога. Поэтому многие, прошедшие через настоящую службу, будут помнить это время, как лучшее в жизни.

9

К этому времени все отечественные военные формирования перешли на калибр 5.45. И мы с ностальгией вспоминали советские калаши 7.62. Когда в отдел пришли два пулемёта, я первым вызвался осваивать новый-старый ствол.

10

Мультитон — советская разработка (система экстренного вызова), введённая в строй в конце семидесятых. Первые мультитоны принимали только цифры. Каждая цифра для сотрудника Группы означала определенную команду: «Учебная тревога», «Боевая тревога» и т. п. «Альфовцы» носили эти устройства с собой всегда, поскольку команда могла быть отдана в любой момент. К описываемому времени мультитоны были заменены на текстовые пейджеры, но название сохранилось.

11

Михаил Барсуков — в 1993 году комендант Кремля, начальник Главного управления охраны (ГУО) Российской Федерации. Александр Коржаков — на тот момент начальник охраны Ельцина и первый зам Барсукова.

12

Дмитрий Михайлович Герасимов — генерал-лейтенант ФСБ, в 1992–1994 годах командовал подразделением специального назначения «Вымпел» (разведывательно-диверсионный спецназ).

13

Здесь и ниже я использовал личный дневник Елены Сергеевой и её рассказы. Я сердечно благодарен Елене за разрешение на публикацию.

14

«Пендянка», или «пендянская язва», лейшманиоз кожи (болезнь Боровского). Паразитарное заболевание, переносится москитами. Симптом пендянки — язва на лице.

15

Александр Евгеньевич Тихонов, генерал-полковник, начальник Центра специального назначения ФСБ России.

16

Кстати, об этом. В том же году, после рождения сына, моя жена оказалась в реанимации роддома в Орле (где я учился — и где с ней познакомился). Рожала, что называется, по блату: тёща была медработником в Орле. После очередной операции и остановки сердца, она потеряла много крови. Врачи обратились к командованию училища. И прямо с лекции, со словами: «Жене нашего выпускника срочно требуется прямое переливание крови», — обратились к добровольцам с первой положительной. Супруга выжила. А я запомнил — и до сих пор благодарен. Солидарность, в том числе корпоративная — очень хорошая вещь.

17

Евгений Михайлович Расщепов (1929–1997) — советский и российский военный и политический деятель, сотрудник органов госбезопасности. С 1982 по 1991 годы — начальник Седьмого управления КГБ. Генерал-лейтенант.

18

Goethe-Institut — германская неправительственная организация, задачей которой является популяризация немецкого языка за рубежом. Учреждён в 1951 году в ФРГ как правопреемник Германской академии. Финансируется правительством Германии. Имеет филиалы по всему миру, включая Россию (Москва, Петербург, Новосибирск).

19

Эй, Джуд, не подкачай, Ты нашел ее, так будь же с нею. Ты пустишь в сердце эту печаль, Чтобы начать и стать добрее.

20

«Капитан Пауэр и солдаты будущего» (англ. Captain Power and the Soldiers of the Future) — американский фантастический телесериал.

21

Как потом выяснилось, он поехал подписать ведомости на списание патронов.

22

«Красная Шапочка» (нем.)

23

А если когда-то счастье нас вероломно оставит, И больше мы не вернемся на Родину, Если смертельная пуля встретит нас, Если судьба востребует нас, Да, судьба позовет, То станет нам танк железной гробницей. (нем.)

24

Николай Фёдорович Гаврилов — советский и российский военный лётчик, до 2010 года — начальник Управления авиации Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

10-15 рожков патронов для длинного ствола, пяток гранат, часть общагового боекомплекта: гранатомёты, пулемётные ленты, мины, альпинистское оборудование для переправ. 3–4 литра воды на сутки, сублиматы и витамины, посуда, палатка, спальник, запасное сухое бельё для сна. Это не всё, что может пригодиться, а только то, без чего нельзя обойтись. Рекомендуется брать не больше 30 % от суммарного веса. Получается под 50 кг.

Имеется в виду Ми-8.

27

Виталий Дмитриевич Бубенин — Герой Советского Союза, первый командир спецподразделения «Альфа» (1974–1977 гг.)

28

Во время советско-китайского вооружённого конфликта на острове Даманский Бубенин был начальником 1-й пограничной заставы «Кулебякины сопки» 57-го Иманского пограничного отряда Тихоокеанского пограничного округа, пришёл на подмогу воинам соседней заставы, раненый и контуженный руководил боем.

29

Площадь Минутка — одна из площадей города Грозный. Во время Первой и Второй Чеченских войн стала местом кровопролитных боёв между вооружёнными формированиями Чеченской Республики Ичкерия и воинскими подразделениями Вооруженных Сил Российской Федерации.